

ЗАМѢТКИ
ПО ТЕОРІИ
РЕЛИГІОЗНАГО ВОСПИТАНІЯ

М. А. Куплетскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1904

БИБЛИОТЕКА
ИЗДАВАНІЮ

ЗАМѢТКИ

ПО ТЕОРІИ

РЕЛИГІОЗНАГО ВОСПИТАНІЯ

М. А. Куплетскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Синодальная Типографія
1904

ерка 1980 г.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать
дозволяется. С.-Петербургъ, 24 августа 1904 года.

Старшій Цензоръ Архимандритъ Филаретъ.

Государственный архив
по историческому
образованию
№ 4659

КОНТРОЛЬНЫЙ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

1. Распространенныя воззрѣнія на религіозное воспита- ніе и обученіе	1—14
2. Рѣшеніе вопроса о началахъ теоріи религіознаго вос- питанія и обученія	15—22
3. Указанія психологіи относительно особенностей и раз- витія религіознаго чувства	23—43
4. Указанія изъ области религіозной жизни русскаго народа	44—52
5. Указанія изъ области богословско-христіанскаго зна- нія	53—60
6. Начало и исходный пунктъ религіознаго воспитанія и обученія	61—71
7. Путь и средства религіознаго воспитанія и обуче- нія	72—95
8. Обученіе религіи, какъ средство воспитанія	96—116

— 2011 —

ЗАМѢТКИ ПО ТЕОРИИ РЕЛИГІОЗНАГО ВОСПИТАНІЯ.

I.

Распространенныя воззрѣнія на религіозное воспитаніе и обученіе.

Вопросъ о лучшей постановкѣ религіозно-нравственнаго воспитанія посредствомъ обученія Закону Божію въ нашей школѣ—совсѣмъ не новый вопросъ. Можно сказать, что онъ появился у насъ съ того самаго момента, какъ покойный Н. И. Пироговъ въ своихъ «Вопросахъ жизни» выставилъ положеніе: «всѣ, готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми», и своими «Вопросами» побудилъ русскихъ людей заняться серьезно дѣломъ педагогическимъ. Послѣ того вопросъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи разсматривался и такъ или иначе рѣшался многократно. За это время педагоги успѣли достигнуть кое-чего и опредѣленнаго по этому предмету. Они опредѣлили цѣль преподаванія Закона Божія, которая должна состоять въ воспитаніи живыхъ, т. е. дѣятельныхъ членовъ Церкви¹⁾; указали затѣмъ и средства, ведущія къ достиженію означенной цѣли. Между прочимъ, еще въ 1860 году о. Базаровъ писалъ²⁾: «если хотите, чтобы воспитанникъ

¹⁾ См. въ «Руководствѣ къ преподаванію Закона Божія», свящ. Вѣтвеницкаго, вышедшимъ въ 1873 году.

²⁾ О христіанскомъ воспитаніи, стр. 53—54.

вашъ съ перваго разу могъ понять всю важность получаемаго имъ отъ законоучителя наставленія въ вѣрѣ, не дѣлайте для него изъ этого ученія такъ называемыхъ *уроковъ* Закона Божія, не поставляйте этого святаго для него дѣла на ряду съ прочими его занятіями учебными... Вѣроученіе должно быть для него не обыкновеннымъ занятіемъ, но нѣкотораго рода богослуженіемъ, и самое преподаваніе Закона Божія не урокомъ, но собесѣдованіемъ». Какъ и всегда бываетъ во время споровъ и разногласій, по вопросу о лучшей постановкѣ преподаванія Закона Божія въ школахъ дѣло доходило и до того, что педагогамъ прямо бросали въ лицо жестокой упрекъ, будто бы только по ихъ винѣ и самое общество находится на низкомъ уровнѣ религіозно-нравственной жизни.

Наиболѣе распространенными среди нашего свѣтскаго общества неправильными воззрѣніями на религіозное воспитаніе и обученіе теперь слѣдуетъ признать два. Одно изъ нихъ громко высказано было еще въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія покойнымъ Стоюнинымъ, а другое такъ еще недавно и кратко было сформулировано на московскомъ сѣздѣ по сельско-хозяйственному образованію.

I. Въ 1882 г. появилась въ «Вѣстникѣ Европы» (№ 1) статья г. Стоюнина, претендующая на принципиальное рѣшеніе вопроса о религіозно-нравственномъ воспитаніи; но на самомъ дѣлѣ эта статья не дѣлаетъ ровно никакого шага впередъ сравнительно съ предшествовавшими ей замѣтками по тому же предмету. Даже больше: въ своей статьѣ г. Стоюнинъ провелъ то воззрѣніе нѣмецкихъ педагоговъ извѣстной школы, которое давно уже отвергнуто другими школами нѣмецкой же педагогики, какъ угрожающее образованіемъ и воспитаніемъ нерелигіознаго поколѣнія. Между тѣмъ отголоски воззрѣній г. Стоюнина на религіозно-нравственное воспитаніе въ школѣ, въ различныхъ формахъ, продолжаютъ раздаваться и до сихъ поръ.

Сущность воззрѣній г. Стоюнина на учительство Церкви, т. е., какъ поясняетъ онъ, «нашего духовенства, какъ словія, съ которымъ соединилось представленіе Церкви»

(стр. 170), состоитъ въ слѣдующемъ. По мнѣнію г. Стоюнина, въ нашихъ школахъ истиннаго законоучительства нѣтъ вовсе. «Наше духовенство не такъ поняло слово: «Законъ Божій», введенное въ школьныя программы, и приравняло его ко всѣмъ другимъ наукамъ тѣхъ же программъ». Законоучители для школы «составили катихизисъ, который доступенъ взрослымъ людямъ и который никакъ не подходитъ къ дѣтскому развитію» (стр. 172). Всѣ тексты его не имѣютъ силы доказательствъ для ученика, да умъ его и не требуетъ доказательствъ. Подъ вліяніемъ такого учительства, «религіозность учениковъ скорѣе притуплялась, чѣмъ развивалась, отъ непосильнаго труда надъ заучиваніемъ всего того, что имъ предлагалось въ урокахъ Закона Божія; эта работа скорѣе дѣлала ихъ равнодушными къ вопросамъ вѣры; религіозность у нихъ была всегда сама по себѣ, а уроки Закона Божія сами по себѣ. Составляя программы и катихизисъ, законоучители имѣли въ виду только богословскую науку, придавая ей значеніе большее, чѣмъ она можетъ имѣть въ школьный возрастъ» (стр. 173). Оттого и «религіозное чувство народа стало выражаться исключительно въ слѣпой привязанности къ церковной внѣшности, къ обрядамъ, значеніе которыхъ не понималось и которые даже стали перемѣшиваться съ языческимъ суевѣріемъ, чѣмъ нерѣдко заражались и самые служители церкви» (стр. 170).

Основная причина, отъ которой зависитъ какъ этотъ, усвоенный нашими пастырями, характеръ ихъ дѣятельности, такъ и скорбные результаты, достигаемые ею, по мысли г. Стоюнина, заключается въ слѣдующемъ. «Истинная церковь, по его мнѣнію, есть христіанское общество, члены котораго соединены однимъ Евангельскимъ ученіемъ». Это общество, одушевленное стремленіемъ къ истинѣ, добру и прекрасному, руководствуется Евангельскими совѣтами: «возлюби ближняго, какъ самого себя; какъ хотите, чтобы съ вами поступали, такъ поступайте и вы; первый изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга». Такова, по мысли нашего автора, Церковь въ ея идеалѣ, но «такое представленіе Церкви и остается только въ идеалѣ», замѣчаетъ онъ (стр. 169). Изъ

такихъ принципиальныхъ воззрѣній г. педагога логически уже слѣдуетъ, что сущность христіанства заключается въ нравственныхъ принципахъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія людей на основаніи ихъ взаимной любви, и что истинная Христова Церковь тамъ, гдѣ практикуются въ жизни эти принципы. Не трудно видѣть, что такое пониманіе христіанства и Церкви—не богословское и не христіанское, а чисто философское. Въ философской своей сторонѣ оно напоминаетъ собою, съ одной стороны, воззрѣніе субъективнаго идеалиста Фихте Старшаго, по ученію котораго нравственный міропорядокъ есть божество, которому слѣдуетъ поклоняться; съ другой—и ближе всего—оно представляетъ собою почти цѣликомъ воззрѣніе позитивизма. О. Контъ, какъ извѣстно, говорилъ, что божество его религіи—родъ человѣческій, идея объ общемъ интересѣ котораго напоминаетъ о чувствѣ безконечнаго, глубоко коренящемся въ природѣ человѣка и являющемся необходимымъ элементомъ всѣхъ нашихъ высшихъ понятій; Д. С. Милль къ этому добавлялъ, что можетъ существовать религія безъ вѣрованія въ Бога и ни чуть не абсолютно необходимо, чтобъ чувство религіозное было сосредоточено на какомъ либо конкретномъ объектѣ. Нашъ педагогъ до подобныхъ же воззрѣній додумался, можетъ быть, и самъ лично.

При такомъ основномъ воззрѣніи на христіанство и Церковь, г. Стоюнинъ, очевидно, долженъ былъ придти къ ложнымъ сужденіямъ какъ о нашей православной Церкви и ея служителяхъ, такъ и о томъ значеніи, какое эти послѣдніе должны имѣть въ дѣлѣ учительства своихъ пасомыхъ. Церковь, по его мысли, есть христіанское общество, одушевленное и объединенное однимъ Евангельскимъ нравственнымъ ученіемъ. Отсюда—наша православная Церковь, которая содержитъ «извѣстный уставъ, касающійся порядковъ богослуженія и обрядовъ», не соотвѣтствуетъ идеалу Церкви и не есть истинная Христова Церковь. Наши пастыри, должныствующіе быть, по идеалу Церкви, «добрыми пастырями и честными учителями, берущими въ образецъ себѣ Самого Основателя христіанства, въ дѣйствительности—только цер-

ковные чиновники, приставленные при храмѣ для исполненія церковнаго устава» (стр. 169). Стало быть, и они уклонились отъ своего идеала и не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Вслѣдствіе такого неправильнаго соотношенія дѣйствительности съ ея идеаломъ, теперь нашей Церкви и приводится вести счеты съ школою. Идеаль Церкви требуетъ объединенія ея членовъ Евангельскимъ нравственнымъ ученіемъ, а дѣйствительность представляетъ объединеніе ихъ только церковнымъ, обряднымъ уставомъ. Церковь, дѣйствующая теперь у насъ чрезъ школу, является поэтому безсильною въ дѣлѣ возвышенія религіозно-нравственной жизни нашего христіанскаго общества. Г. Стоюнинъ указываетъ и средства помочь горю нашей Церкви и ея пастырей въ ихъ религіозно-воспитательной дѣятельности посредствомъ школы. Назначеніе пастырей Церкви и сущность ихъ призванія—учительство своихъ пасомыхъ, которое «должно поддерживать высшій христіанскій идеаль христіанской жизни, вводитъ его незамѣтно въ ихъ собственную жизнь, которая могла бы сдѣлаться образцомъ для прочихъ» (стр. 170). Истинное учительство, соотвѣтствующее идеалу Церкви, должно быть направлено къ «развитію настоящей религіозности въ христіанскомъ духѣ. Религію, управляющую чувствомъ», не слѣдуетъ «смѣшивать съ богословіемъ, наукою, которая требуетъ зрѣлаго ума, способнаго къ отвлеченному мышленію» (стр. 172). Руководясь чувствомъ справедливости, г. Стоюнинъ долженъ былъ сознаться, что и у насъ «были и есть законоучители, которые оставляли по себѣ добрую память въ своихъ ученикахъ. Заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они посмотрѣли на Законъ Божій не какъ на школьные уроки, которые должны выучиваться наизусть въ видахъ награды, или подъ страхомъ наказанія, а какъ на сердечныя бесѣды, въ которыхъ разъясняются тѣ или другія нравственныя понятія въ христіанскомъ духѣ, тѣ или другія явленія изъ обыденной жизни» (стр. 174). «Руководствуясь настоящей педагогіей, наши законоучители-педагоги, можетъ быть, согласятся, что уроки по Закону Божию должны быть обращены въ сердечныя бесѣды, которыя сближаютъ учени-

ковъ съ ихъ наставникомъ такъ, что они безбоязненно и съ довѣрчивостію будутъ къ нему относиться со всѣми своими недоумѣніями и сомнѣніями... Только такіе законоучители и могутъ духовно связать школу съ Церковію и воспитывать истинныхъ членовъ дѣйствительно христіанской Церкви. Для этого не нужно хлопотать объ увеличеніи числа уроковъ по Закону Божію, или о расширеніи программы: мы знаемъ, что и одна сердечная бесѣда можетъ заронить много хорошихъ сѣмянъ въ юныя души (стр. 178). Добродѣтель нельзя изучать, говорить г. Стоюнинъ словами одного педагога, а по катихизису и подавно: это дѣло сердца, а не памяти, она основана не на знаніи, а пріобрѣтается навыкомъ. Наставникъ, имѣющій въ виду склонить малолѣтнихъ къ добру, втунѣ потратитъ трудъ свой, если вздумаетъ посредствомъ катихизиса и текстовъ вселять въ ихъ сердцахъ добродѣтель. Онъ вѣрнѣе достигнетъ цѣли, если кстати, во-время и въ надлежащемъ видѣ изложенными рассказами увлечетъ ихъ чувства и наполнитъ ихъ фантазію лишь благородными образами, а ихъ сердца доблестными порывами» (стр. 177). Но этой «настоящей педагогіи», не совсѣмъ основательно замѣчаетъ г. Стоюнинъ, «представители Церкви чуждаются и не хотятъ знать ея требованій, считая, что Слово Божіе, для котораго они призываются въ школу, выше всякаго ученія и не нуждается ни въ какой посторонней опорѣ» (стр. 183). Рекомендую означенное средство для правильной постановки Закона Божія въ школѣ, г. Стоюнинъ въ тоже время желаетъ, «чтобы была забыта и всякая мысль объ экзаменахъ» по Закону Божію (стр. 179), и настаиваетъ, что «въ настоящее время особенно необходимо подумать о подготовкѣ законоучителей въ виду распространенія народныхъ школъ въ русской землѣ» (стр. 180). Завбота объ этомъ тѣмъ болѣе настоятельна теперь, что «народная школа идетъ на встрѣчу Церкви и, можетъ быть, неожиданно для нея начинаетъ оказывать ей большую услугу. Она учитъ дѣтей пѣнію и составляетъ изъ нихъ церковные хоры, которые и поютъ въ праздничные дни при богослуженіи»... Поступаясь такъ своею идеальною церковію въ

пользу дѣйствительной православной Церкви, г. Стоюнинъ, впрочемъ, преслѣдуетъ при этомъ цѣли совсѣмъ не религіозныя. По его словамъ, «пѣніе пробуждаетъ и удовлетворяетъ врожденное эстетическое чувство человѣка, что имѣетъ громадное значеніе и въ смыслѣ нравственномъ и чѣмъ особенно слѣдуетъ дорожить, такъ какъ вся обстановка крестьянской жизни очень мало даетъ пищи эстетическому чувству и скорѣе даже подавляетъ его. А какое нравственное вліяніе это должно производить на самихъ поющихъ!» (стр. 182).

Въ представленныхъ извлеченіяхъ изъ статьи г. Стоюнина заключается вся сущность воззрѣній его на желательную ему и улучшенную постановку законоучительства въ нашихъ школахъ. Резюмируя въ краткихъ положеніяхъ весь принципиальный педагогическій матеріалъ педагога, можемъ выставить очень скромныя желанія его. Г. Стоюнинъ желаетъ, чтобы наши законоучители, руководствуясь настоящей педагогіей, посредствомъ преподаванія Закона Божія воспитывали «истинныхъ членовъ дѣйствительно христіанской Церкви» и развивали въ ученикахъ «настоящую религіозность въ христіанскомъ духѣ», т. е., другими словами, увлекали чувства учениковъ, наполняли ихъ фантазію лишь благородными образами, а ихъ сердца—доблестными порывами. Дидактическимъ пособіемъ и средствомъ для законоучителей должны служить единственно сердечныя бесѣды законоучителя съ учениками о нравственныхъ понятіяхъ и явленіяхъ изъ обыденной жизни, разъясняемыхъ въ христіанскомъ духѣ.—Но возможно ли улучшеніе нашего школьнаго законоучительства подъ условіемъ соблюденія рекомендуемыхъ педагогомъ для исполненія совѣтовъ?

Руководствуясь настоящей педагогіей, т. е. той, которая основывается на данныхъ антропологической науки и преимущественно на данныхъ психологии, и которую, очевидно, разумѣетъ ученый педагогъ подъ «настоящей педагогіей», мы должны дать совершенно отрицательный отвѣтъ. Словъ нѣтъ, совѣты г. Стоюнина были бы весьма полезны для законоучителей, если бы подъ религіозностію христіанина и въ дѣйствительности разумѣлась одна только настроенность

человѣческаго чувства, слагающаяся изъ совокупности альтруистическихъ чувствованій и чуждая всякой исповѣдной основы (конфессіональности) въ дѣлѣ религіи. Подъ этимъ условіемъ одно увлеченіе чувства и наполненіе его доблестными порывами, а фантазіи—благородными образами имѣло бы смыслъ и значеніе въ дѣлѣ религіознаго воспитанія посредствомъ обученія Закону Божію. Но подобнаго рода религіозное воспитаніе, какъ совершенно вѣрно замѣтила «Русь», есть призракъ; люди, не принадлежащіе ни къ какой Церкви, также призраки; безъисповѣдная школа—тоже призракъ. Совѣтъ г. Стоюнина къ нашей школѣ, въ которой обучаются ученики одного вѣроисповѣданія по преимуществу, совершенно не примѣнимъ; да и въ заграничной школѣ ему тоже не послѣдуютъ: тамъ при пестромъ разнообразіи вѣроисповѣданій въ средѣ учащихся за лучшее сочли прямо исключить Законъ Божій изъ круга обязательныхъ предметовъ учебнаго курса въ школахъ. А затѣмъ, предлагая свои совѣты по адресу законоучителей, педагогъ совершенно игнорируетъ требованіе «настоящей педагогіи», чтобы при обученіи всякому предмету были избираемы методы и средства не только соотвѣтствующіе личнымъ свойствамъ и особенностямъ учениковъ, но и сообразные съ содержаніемъ самого предмета обученія. Безъ соблюденія этого важнаго условія, пріобрѣвшаго уже силу закона въ «настоящей педагогіи», не представляется возможнымъ ни опредѣлить задачъ преподаванія Закона Божія болѣе или менѣе сносно, удовлетворительно, правильно, ни указать метода и средствъ въ дѣлѣ его преподаванія. Забвеніе этого условія «настоящей педагогіи» нашимъ педагогомъ составляетъ, по нашему мнѣнію, капитальный недостатокъ и основную ошибку) его педагогической системы.

Мы совершенно раздѣляемъ желаніе, чтобы чрезъ обученіе Закону Божію ученики нашихъ школъ становились живыми членами дѣйствительно христіанской Церкви. Но быть живымъ членомъ христіанской Церкви не значитъ только быть человѣкомъ, настроеннымъ дружественно (альтруистически), съ хорошо развитыми благосклонными и симпатиче-

скими чувствованіями. Эти чувствованія, хотя и не въ одинаковой степени съ христіанскими народами, были и существуютъ теперь у разныхъ языческихъ народовъ. Они не составляютъ исключительной особенности человѣка, исповѣдующаго Христову религію, а въ качествѣ природной, естественной черты свойственны вообще человѣку, какъ существу разумно-свободному. Слѣдовательно, обладать этими чувствованіями значить только быть членомъ разумно-свободной семьи человѣческаго рода. Кромѣ того, одно обладаніе этими чувствованіями далеко еще не дѣлаетъ человѣка живымъ членомъ. Чувствованія въ нашей жизни имѣютъ значеніе и силу мотива, толчка, побудительной причины къ совершенію какого либо дѣйствія и сообщаютъ особеннаго рода тонъ, окраску извѣстному дѣйствию. Но къ чему именно, на какой объектъ простирается дѣйствіе и какъ оно можетъ и должно быть выполнено,—чувствованіе на это не даетъ отвѣта: это зависитъ уже отъ другихъ нашихъ силъ. Чтобы человѣкъ съ альтруистическими чувствованіями могъ сдѣлаться живымъ членомъ человѣческой семьи, для этого необходимо ему знать самые предметы, соотвѣтствующіе его чувствованіямъ, и тѣ способы, при помощи которыхъ эти чувствованія могутъ быть примѣнены къ своимъ объектамъ. Съ этой точки зрѣнія, быть живымъ членомъ дѣйствительно христіанской Церкви значить обладать истинно-христіанскимъ религіознымъ настроеніемъ, разумно и сознательно вѣдать предметъ религіи Христовой, т. е. знать то, во что нужно вѣровать и что дѣлать человѣку-христіанину, и въ то же время практически, въ своихъ дѣйствіяхъ выражать свое настроеніе и знанія, соблюдая заповѣди и наставленія Церкви Христовой относительно поведенія христіанина. Такое пониманіе цѣли преподаванія Закона Божія вполне удовлетворяетъ просмѣтрѣнному г. Стоюнинымъ закону настоящей педагогіи и только на одномъ этомъ основаніи, не говоря уже о другихъ, должно быть признано болѣе справедливымъ.

Какимъ же образомъ законоучители нашей школы могутъ осуществить означенную цѣль преподаванія Закона

Божія? Вмѣстѣ съ г. Стоюнинымъ отвѣчаемъ, что въ достиженіи этой цѣли необходимо сообразовать обученіе Закону Божію и съ естественнымъ ходомъ развитія религіозной жизни человѣка. Безъ такой сообразности религіозное воспитаніе въ нашей школѣ сразу же ставится въ ненормальныя условія и потому никогда не можетъ быть успѣшнымъ и плодотворнымъ. А чтобы удовлетворить этому основному требованію «настоящей педагогіи», для этого необходимо изучить ходъ естественнаго развитія религіозной жизни человѣка, насколько онъ обслѣдованъ человѣческою наукою. И нельзя сказать, чтобы наши законоучители чуждались изслѣдованія этой стороны дѣла. Напримѣръ, о. Базаровъ въ вышепоименованной брошюрѣ имѣетъ своею прямою задачею показать «приложимость основныхъ началъ христіанства къ самому естественному развитію силъ и способностей въ дитяти» (стр. 17). Да и помимо сдѣланныхъ уже законоучителями попытокъ согласованія религіознаго воспитанія съ естественнымъ ходомъ развитія дѣтскихъ силъ, «настоящая педагогія», опирающаяся на вспомогательныхъ наукахъ и особенно на психологіи, представляетъ въ настоящее время уже не мало данныхъ для цѣлесообразной постановки дѣла религіознаго воспитанія. Необходимо только въ данномъ вопросѣ возможно глубже понять настоящую педагогію и отчетливо представлять тѣ основанія, на которыхъ, обыкновенно, покоятся различныя педагогическія наставленія.

2. Другое неправильное воззрѣніе на религіозное воспитаніе и обученіе было недавно высказано цѣлою плеядою педагоговъ въ Москвѣ. Происходившій здѣсь недавно съѣздъ дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію занимался обсужденіемъ вопроса о надлежащей установкѣ христіанскаго религіознаго начала въ новой школьной системѣ образованія въ цѣляхъ перевоспитанія нашего общества. Какъ извѣстно, Государю Императору благоугодно было выразить Свое желаніе, что-бы при выработкѣ новой образовательно-воспитательной системы въ нашемъ отечествѣ было обращено должное вниманіе и на религіозно-нравственное воспитаніе въ школѣ. Выполняя волю Своего Царя, съѣздъ дѣятелей по сельско-

хозяйственному образованію и высказался опредѣленно по разсматриваемому вопросу. По его мнѣнію, «потребности въ особой регламентаціи религіозно-нравственнаго воспитанія въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ не встрѣчается. Возложеніе этой функціи на преподавателей представляется излишнимъ, ибо эта задача лежитъ на законоучителѣ». Такое мнѣніе цѣлаго съѣзда дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію по столь жгучему и, можно сказать, животрепещущему вопросу нашей церковно-общественной жизни, въ сущности, есть лишь словесновысказанное подтвержденіе негласно существовавшей до сихъ поръ системы религіозно-нравственнаго воспитанія во всѣхъ нашихъ свѣтскихъ школахъ, начиная съ низшихъ и оканчивая высшими. И если съѣздъ дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію, при разрѣшеніи указаннаго вопроса, ограничился лишь подтвержденіемъ того, что, къ искреннему сожалѣнію, глубоко укоренилось въ школьной неудовлетворительной системѣ воспитанія нашего молодаго поколѣнія, то, очевидно, онъ ровно ничего новаго не указалъ для будущаго перевоспитанія нашего общества и даже какъ бы совершенно отстранилъ отъ себя всякій починъ въ измѣненіи существующаго слишкомъ крупнаго недостатка нашей школы.

А между тѣмъ существующая до сихъ поръ школьная практика въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія молодыхъ поколѣній вызываетъ не мало очень важныхъ и серьезныхъ вопросовъ. Въ этой практикѣ, по заявленію дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію, вполне заслуживаютъ общественнаго мнѣнія двѣ теоретическія мысли: а) задача религіозно-нравственнаго воспитанія лежитъ на законоучителѣ, и б) возложеніе этой функціи на преподавателей представляется излишней. Согласно этимъ мыслямъ, школьное дѣло должно быть представляемо какъ бы распределеннымъ на извѣстныя клѣтки или перегородки, въ предѣлахъ которыхъ каждый школьный дѣятель выполняетъ только одну опредѣленную работу, несетъ извѣстную функцію, не касаясь перегородки другого дѣятеля или не входя въ его клѣтку, и даже какъ будто вовсе не желая знать,

какъ и что дѣлается въ клѣткѣ этого другого дѣятеля или за его перегородкой. Каждый дѣятель твердо и опредѣленно знаетъ, какая функція возложена на него и его соработниковъ въ другихъ клѣткахъ или за другими перегородками, и если онъ выполняетъ свою опредѣленную функцію удовлетворительно, какъ онъ понимаетъ эту удовлетворительность, то онъ совершенно покоенъ и больше ничего знать не желаетъ, да и считаетъ себя вправѣ отстранять отъ себя всякія притязанія къ нему со стороны дѣятеля изъ-за другой перегородки и даже,—что теперь уже не рѣдкость,—общаго руководителя школы. Какъ не печально и не нелѣпо такое положеніе дѣла въ нашей школѣ, тѣмъ не менѣе оно оставалось безспорнымъ фактомъ, и московскій съѣздъ дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію выражаетъ желаніе, чтобы такое нелѣпое положеніе дѣла оставалось въ цѣлости и неприкосновенности и въ будущей новой школѣ, надъ выработкою уставовъ и программъ для которой трудятся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Воспитательное дѣло въ школѣ—дѣло живое и цѣльное. Находящіеся въ ней питомцы, какъ люди живые и цѣльные, находятся непрерывно подъ воздѣйствіемъ существующихъ въ школѣ порядковъ и практикующейся системы обученія и постепенно развиваютъ свои природныя силы и способности. Вслѣдствіе этого воспитательное, школьное дѣло по необходимости бываетъ всегда сложно и въ тоже время всегда требуетъ необходимаго объединенія. Питомцевъ въ школахъ много; природныхъ силъ у každато тоже не одна и при томъ каждая изъ этихъ силъ у každого питомца имѣетъ различныя степени своего проявленія въ дѣятельности. Кромѣ того, каждая школа преслѣдуетъ всегда одни, общія цѣли и задачи, а у человѣка въ его жизни и дѣятельности есть одна общая и высшая цѣль, или, какъ теперь больше всего любятъ говорить, одинъ общій смыслъ, отъ котораго зависитъ уразумѣніе и уясненіе всѣхъ отдѣльныхъ явленій въ его жизни и дѣятельности. Уяснить питомцамъ каждой школы смыслъ его жизни, направить всѣ силы къ достиженію одной общей цѣли человѣческой жизни и

направлять единичныя дѣятельности и отправленія единичныхъ силъ къ одному общему знаменателю—дѣло обязательное для школы, если только она желаетъ быть дѣйствительнымъ разсадникомъ человѣческаго просвѣщенія, съ которымъ неразрывно связано человѣческое воспитаніе. Изъ этихъ общихъ положеній уже само собою слѣдуетъ, что въ каждой школѣ, служащей одной общей цѣли, все должно быть направлено къ послѣдней—и обученіе и воспитательныя мѣры. Находящіеся въ ней дѣятели по обученію и воспитанію, какъ совершающіе одно общее и важное дѣло, должны выполнять свое дѣло единомысленно, единодушно и вполне согласно между собою. Спѣтсья между собою, согласиться другъ съ другомъ не только въ общемъ, но и во многихъ частностяхъ, руководствоваться этимъ взаимнымъ соглашеніемъ и подчиниться одному общему руководству въ веденіи и совершеніи всего сложнаго просвѣтительно-воспитательнаго дѣла—обязательный долгъ для каждой хорошо поставленной школы, въ которой вершителями и исполнителями одного общаго дѣла бываетъ нерѣдко даже болѣе десятка человѣкъ.

Какъ далека наша современная школа отъ выполненія этого высокаго и обязательнаго своего долга,—говорить нѣтъ надобности. И, однако, съѣздъ дѣятелей по сельскохозяйственному образованію признаетъ существующую школьную аномалію долженствующею оставаться въ полной своей неприкосновенности. По его мнѣнію, задача религіозно-нравственнаго воспитанія лежитъ на законоучителѣ. Но вѣдь законоучитель въ школѣ одинъ и остается онъ въ ней—и то только съ нѣкоторыми изъ своихъ питомцевъ—лишь часа два въ день, а то и меньше. Остальное школьное время питомцы каждой школы и cadaго отдѣльнаго класса находятся подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ другихъ исполнителей школьнаго дѣла. Предположимъ, что школа состоитъ изъ семи классовъ, и въ каждомъ классѣ законоучитель имѣетъ по два урока въ недѣлю; полагая на каждый день по пяти учебныхъ часовъ въ каждомъ классѣ, мы получимъ, что изъ 210 недѣльных учебныхъ часовъ законоучитель находится

съ своими питомцами только 14 часовъ, т. е. 196 учебныхъ часовъ въ недѣлю его питомцы находятся подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ другихъ дѣятелей школьнаго дѣла. Уже въ виду этого одного простого статистическаго факта естественно навязывается заключеніе, что численное превосходство учебныхъ часовъ невольно получаетъ преобладаніе и надъ качествомъ воспитательныхъ вліяній и воздѣйствій одного законоучителя. Если же наши законоучители и теперь, при всей кратковременности своихъ личныхъ воздѣйствій на учениковъ школы, нерѣдко оказываютъ преобладающее вліяніе на нихъ и ведутъ ихъ за собой при всевозможныхъ неблагоприятныхъ и противныхъ нерѣдко воздѣйствіяхъ, то это уже очень много говоритъ за ихъ воспитательно-просвѣтительную дѣятельность. Но не нужно скрывать и того, что зачастую численно превосходящіе законоучителя своими воздѣйствіями на учениковъ другіе школьные дѣятели превосходятъ своимъ вліяніемъ законоучительское вліяніе. И это вполне понятно и часто неизбежно: возрастъ школьныхъ питомцевъ еще таковъ, что нерѣдко одно постоянство и непрерывность извѣстнаго рода воздѣйствій подчиняютъ ихъ себѣ. И благо еще школѣ, если эти численно превосходящіе законоучителя своими воздѣйствіями вершители школьнаго просвѣтительно-воспитательнаго дѣла и руководители его согласны съ законоучителемъ во всемъ, поддерживаютъ его внушенія и наставленія и не стараются оказывать послѣднимъ ни косвеннаго, ни, тѣмъ болѣе, прямого противодѣйствія. А то вѣдь и теперь сплошь и рядомъ бываетъ, что законоучитель внушаетъ своимъ питомцамъ нравственныя идеи о благодарности къ Богу за все Имъ содѣланное и даруемое людямъ по Его великой милости и благодати къ нимъ, а какой-нибудь просвѣтитель по естественно-научнымъ предметамъ развиваетъ предъ ними теоріи Дарвина или Спенсера, и совершенно несостоятельными, но почему то вошедшими у насъ въ особую моду, теоріями и гипотезами незамѣтно, но постепенно совершенно подрываетъ самую вѣру въ бытіе Божіе. Или законоучитель развиваетъ на своихъ урокахъ идею промышленности Божія о мірѣ и человѣкѣ и

постепеннымъ ходомъ человѣческой исторіи, историческими примѣрами и фактами доказываетъ нравственныя идеи о необходимости подчиненія волѣ Божіей, послушанія Промыслителю и безропотнаго перенесенія всѣхъ скорбей и несчастій въ человѣческой жизни; а сейчасъ же послѣ его уроковъ какой-либо преподаватель исторіи на своихъ урокахъ слѣдить нелѣпый историческій законъ развитія человѣчества, указываемый позитивистами, или проповѣдуетъ историческую теорію о всецѣлой зависимости человѣческой исторіи отъ экономической и вообще матеріальной жизни народовъ. Конечно, юный умъ школьныхъ питомцевъ отъ такой разноголосицы въ дѣлѣ просвѣщенія выиграетъ очень немного, и возможно, что численно превосходящіе законоучителя своими воздѣйствіями другіе школьные дѣятели возобладаютъ надъ нимъ и въ конецъ подорвутъ законоучительское вліяніе. Не странно ли послѣ этого взваливать только на одного законоучителя всю задачу религіозно-нравственнаго воспитанія и считать излишней эту функцію для всѣхъ другихъ преподавателей, какъ полагаетъ съѣздъ дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію?

II.

Рѣшеніе вопроса о началахъ теоріи религіознаго воспитанія и обученія.

На какихъ прочныхъ данныхъ изъ области современнаго знанія, или, что тоже, на какихъ началахъ должно обосновываться религіозное воспитаніе и обученіе? Въ отечественной педагогической литературѣ находимъ нѣсколько отвѣтовъ на этотъ, повидимому, ясный вопросъ. По мнѣнію однихъ, религіозное воспитаніе и обученіе человѣка, какъ христіанина, и должно опираться исключительно на началахъ христіанства или—ближе—на данныхъ богословской науки, раскрывающей сущность христіанскаго вѣроученія и нравоученія. А такъ какъ христіанская религія, единая по своей сущности, исповѣдуется народами различныхъ національ-

ностей и, сообразно съ характеромъ націи, разнообразится во внѣшнихъ формахъ своего обнаруженія; то, въ виду этого, относительно религіознаго воспитанія и обученія русскаго народа другіе педагоги утверждаютъ, что его религіозное воспитаніе и обученіе должно опираться исключительно на началахъ русскаго православнаго христіанства. Есть и такіе, наконецъ, педагоги, которые категорически заявляютъ, что религіозное воспитаніе и обученіе въ нашихъ школахъ поставлено неудовлетворительно вслѣдствіе незнанія и пренебреженія тѣхъ данныхъ «настоящей педагогіи», которыя доставляются ей наукой о человѣкѣ, о его тѣлесной и духовной природѣ.

Очевидно, эти отвѣты на вопросъ, не лишенные справедливости въ своей отдѣльности, въ общемъ и цѣломъ являются односторонними. Коренной недостатокъ ихъ состоитъ въ томъ, что, высказывая ихъ, педагоги совершенно неосновательно и произвольно расчленяютъ и раздѣляютъ одинъ цѣльный, нераздѣльный процессъ—процессъ воспитанія человѣка. Въ цѣльномъ процессѣ всегда и неизбѣжно присутствуютъ два фактора, два дѣятеля—субъективный и объективный. Первый факторъ представляетъ собою воспитываемое существо съ его врожденными—индивидуальными и національными—свойствами и особенностями, а послѣдній, кромѣ внѣшнихъ мѣропріятій и воздѣйствій на воспитанника, составляютъ и опредѣленные задачи, поставляемыя ему со стороны воспитателей, и сообщаемые ему предметы знанія съ разнообразіемъ ихъ содержанія. Въ практикѣ воспитанія на самомъ дѣлѣ могутъ возникать только спорные вопросы о перевѣсѣ или преобладаніи одного фактора надъ другимъ, но не можетъ и не должно возникать спора объ исключеніи котораго либо изъ двухъ факторовъ. Съ этой точки зрѣнія, религіозное воспитаніе и обученіе только тогда получить у насъ удовлетворительную постановку, когда оно будетъ опираться, какъ на своихъ незыблемыхъ и коренныхъ основахъ, на началахъ и требованіяхъ христіанства, народности и знаній, доставляемыхъ соотвѣтственными науками (антропологическими). О необходимости этого тройственнаго союза

въ дѣлѣ религіознаго воспитанія и обученія далеко неизлишне сказать нѣсколько подробнѣе.

Безспорно, педагогика у насъ наука новая и прочно обоснованныхъ и установленныхъ ею началъ еще немного. Но уже прекратились всякія сомнѣнія въ истинности того, что воспитаніе и обученіе могутъ быть успѣшны и плодотворны только подъ условіемъ соотвѣтствія ихъ хода ходу естественнаго развитія человѣка. Подчиненный этому условію, ходъ воспитанія и обученія,—учатъ теперь педагоги,—самый естественный, произвольный и вполнѣ развивающій молодые силы воспитанника. Вмѣстѣ съ тѣмъ, теперь уже почти всѣми признано, что «человѣкъ приноситъ (въ міръ) наслѣдство, которое составляютъ организованныя формы и опредѣленные стремленія» ¹⁾. Это значитъ, что воспитываемое существо является для воспитателя не безразличною массою, матеріаломъ для его построеній, но всегда опредѣленнымъ субъектомъ съ извѣстными силами, способностями и природными стремленіями и расположеніями. Стало быть, педагогу приводится работать уже надъ готовымъ и довольно опредѣленнымъ матеріаломъ. Незнаніе этого матеріала, а тѣмъ болѣе пренебреженіе имъ и совершенное игнорированіе его можетъ сопровождаться подавленіемъ въ воспитанникѣ того, что составляетъ характеристическую черту человѣческой личности, столь возвышенной въ христіанствѣ. Изъ этого ближайшимъ образомъ слѣдуетъ, что дѣло воспитанія и обученія можетъ успѣшно развиваться только тогда, когда оно будетъ обосновано на серьезномъ изученіи развитія духовной и тѣлесной природы человѣка,—сказать иначе, на прочныхъ и положительныхъ данныхъ тѣхъ наукъ, которыя исключительно занимаются изученіемъ человѣка, ближайшимъ образомъ—психологіи и фізіологіи.

Примѣняя это общее положеніе къ частному случаю—къ религіозному воспитанію и обученію, мы должны сказать, что и оно должно опираться на законахъ естественнаго религіознаго развитія человѣка. Религіозность, религіозная

¹⁾ Льюисъ. Вопросы о жизни и духѣ. Спб. 1873. Т. I, стр. 27.

жизнь, какъ субъективная настроенность и дѣятельность человѣка, не остается въ вѣчномъ и неподвижномъ застоѣ. Подобно прочимъ настроеніямъ и дѣятельностямъ человѣка, и она развивается, совершенствуется или искажается, смотря по разнообразію условій и обстоятельствъ, тяготеющихъ вообще надъ человѣчествомъ и благопріятствующихъ или препятствующихъ нормальному ходу развитія человѣка. Слѣдовательно, можно усматривать и позволительно находить и устанавливать опредѣленные законы и въ развитіи естественной религіозной жизни человѣка.

Могутъ сказать, что христіанская религія даетъ истинныя знанія о природѣ человѣка, указываетъ незыблемыя начала и основы религіозно-нравственного развитія и совершенствованія человѣка и потому въ дѣлѣ религіозно-нравственного воспитанія слѣдуетъ опираться только на тѣ начала, которыя указаны въ ней. Словъ нѣтъ, что христіанство, какъ безусловная истина, сообщаетъ истинныя знанія о природѣ человѣка. Но надобно помнить, что христіанство сообщаетъ только основное и существенное о природѣ человѣка, сообщаетъ то, къ постиженію чего наука стремится путемъ многосторонняго и утомительнаго труда. Христіанство умалчиваетъ напр. о томъ, какъ вообще развивается человѣкъ, и о томъ, какими средствами вообще лучше и успѣшнѣе могутъ быть развиваемы его психическія и физическія силы. Этотъ и многіе подобные ему вопросы представлены христіанствомъ нашему человѣческому разумѣнію и пониманію. Точно также и въ отношеніи къ религіозному воспитанію и обученію христіанство предоставляет самому человѣку установить правильные и естественные пути развитія религіозной его жизни въ ея опытномъ, эмпирическомъ проявленіи. Конечно, нельзя не признать справедливымъ то положеніе, что одно изъ важнѣйшихъ средствъ религіознаго воспитанія и изученія въ школахъ—Законъ Божій, въ ряду всѣхъ другихъ учебныхъ предметовъ, имѣетъ одно важное отличіе: содержаніемъ его служатъ истины Богооткровеннаго происхожденія, между тѣмъ какъ содержаніе другихъ предметовъ—продуктъ творческой дѣятельности чело-

вѣческаго разума. Но этимъ не только не исключается, но и не ослабляется значеніе данныхъ человѣческой науки для правильной постановки или методики преподаванія Закона Божія. Всякій предметъ, подлежащій преподаванію и изученію, самымъ процессомъ преподаванія и изученія всегда и неизбѣжно предполагаетъ вмѣшательство, вторженіе въ свою сферу дѣятельнаго участія преподающаго и изучающаго человѣка. Та или другая истина всегда постигается и усваивается человѣкомъ въ зависимости отъ степени его развитія и отъ общей суммы и сложности обнаруженія его естественныхъ силъ. И само собою понятно, что степень развитія, сумма и сложность обнаруженія силъ человѣка могутъ быть опредѣлены только человѣческою наукою и потому обученіе всякому предмету должно быть поставляемо въ связь съ нею. Законъ Божій, какъ предметъ школьнаго обученія и какъ средство религіознаго воспитанія, въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія.

Необходимо затѣмъ принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство. Говоря о воспитанія русскаго юношества вообще, педагоги справедливо считаютъ нужнымъ настаивать на соотвѣтствіи его съ потребностями русской жизни. Тоже самое высказывается и по отношенію къ вопросу о религіозномъ воспитаніи. Покойный г. Ширскій, относившійся вообще скептически къ свѣту истинной науки, говоритъ ¹⁾, что «педагогическая наша литература, вообще говоря, заимствуетъ свое содержаніе преимущественно» изъ области нѣмецкой педагогической литературы, только эти заимствованія, чтобы не быть вредными, должны быть «повѣряемы словомъ Божиимъ, ученіемъ церкви и *потребностями русской народной жизни*». Но христіанство ничего не говоритъ о потребностяхъ русской народной жизни вообще и въ частности религіозной. Между тѣмъ, необходимо категорически отвѣтить на вопросъ: въ чемъ же проявляется религіозная жизнь русскаго народа? Нельзя же отвѣчать на

¹⁾ О преподаваніи Закона Божія въ нач. учил. Кострома, 1876 г. стр. 38, 41.

него фразою, что нашъ русскій человѣкъ въ религіозной своей жизни отличается православіемъ своего вѣроученія и нравоученія. И сербъ, и грекъ, и болгаринъ—православны; въ чемъ же отличіе нашего русскаго православнаго христіанина? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, очевидно, необходимо для этого изучить религіозную жизнь нашего русскаго человѣка во всѣхъ ея перипетіяхъ и на основаніи этого изученія указать ея отличительныя свойства, какъ характеристическую ея черту. А для этого необходимо обратиться къ помощи и содѣйствію уже человѣческой науки. Положимъ, для христіанства «нѣтъ уже іудея, ни язычника; нѣтъ раба, ни свободнаго; нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго: ибо всѣ одно во Христѣ Іисусѣ» ¹⁾). Но изъ этого не слѣдуетъ еще, что христіанство совершенно отрѣшаетъ вѣрующаго отъ всякихъ пространственныхъ и временныхъ условій. Изъ этихъ словъ слѣдуетъ только, что вѣрующій во Христа въ своихъ вѣрованіяхъ и жизни долженъ быть правовѣрующимъ христіаниномъ. При этомъ пространственныя и временныя условія, которымъ онъ подчиненъ, положить на него свою своеобразную печать и такимъ образомъ онъ будетъ христіаниномъ, но только отличающимся, если можно такъ выразиться, по внѣшнему очерку своей христіанственности, напр. выражающимъ истины христіанства на своемъ языкѣ и своеобразнымъ способомъ представляющимъ ихъ себѣ въ своемъ умственномъ кругозорѣ.

Наконецъ, необходимость научныхъ пособій и руководства въ дѣлѣ религіознаго воспитанія и обученія признается всѣми нашими педагогическими писателями и въ томъ даже случаѣ, когда они говорятъ о задачахъ и цѣляхъ воспитанія и изученія въ этой области. Относительно задачъ и цѣлей религіознаго воспитанія и обученія почти всѣ педагоги согласны въ основномъ общемъ опредѣленіи. Такъ, г. Стоюнинъ ²⁾ ставитъ законоучителямъ задачу и цѣль «воспитать истинныхъ членовъ дѣйствительно христіанской

¹⁾ Галат. 3, 28.

²⁾ Вѣстникъ Европы, 1882 г. № 1, стр. 178.

церкви». Опредѣляя задачи религіознаго воспитанія и обученія, другой педагогъ, о. М. Соколовъ, говоритъ ¹⁾: «нужно озаботиться, чтобы христіанское дитя въ своемъ дѣтствѣ было воспитано въ духѣ церкви христіанской, создало свою живую связь со Спасителемъ, какъ главою церкви, и съ членами церкви, какъ своими братьями. Съ дѣтства необходимо развить сознаніе, что только въ церкви возможно спасеніе подъ условіемъ пользованія тѣми средствами, которыми располагаетъ церковь, какъ богоучрежденное общество». Въ существѣ дѣла также, только въ другихъ словахъ, опредѣляется цѣль религіознаго обученія и воспитанія и другими педагогическими авторами. Для сравненія вотъ еще опредѣленіе этой цѣли изъ методическаго руководства г. Ширскаго. «Главная цѣль преподаванія Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ», говорится здѣсь ²⁾, «научить и приучить дѣтей, чтобы они сознавали себя живыми членами церкви и какъ въ училищѣ, такъ и по выходѣ изъ него, съ убѣжденіемъ, готовностію и вѣрою подчинялись ея руководству, т. е. вѣрили ея ученію, принимали благодатныя средства спасенія и соблюдали церковныя заповѣди». Легко видѣть, что у всѣхъ педагоговъ одно желаніе, чтобы ученики школъ были истинными и живыми членами Церкви Христовой. Легко видѣть также, что опредѣленіями цѣлей и задачъ религіознаго воспитанія и обученія придается особенная важность и значеніе словамъ—«живой членъ», «живая связь», «истинный членъ». И понятно. Если каждый христіанинъ членъ единой Церкви, то онъ непременно долженъ быть живымъ. Все мертвое, не живое не имѣетъ мѣста въ живомъ тѣлѣ Христовомъ, въ Церкви Христовой: оно отсѣкается отъ организма. Но жизнь членовъ Христовой Церкви проявляется не въ пассивномъ только усвоеніи ученія Церкви и пользованіи благодатными и спасительными средствами Церкви. Жизнь каждаго живаго существа про-

¹⁾ Систематическій обзоръ народно-учебной литературы. Спб. 1878 г. стр. 55.

²⁾ О преподаваніи Закона Божія, стр. 7.

является непременно въ активной дѣятельности, сообразной съ его природою и характеристическими его особенностями. И въ религіозномъ отношеніи жизненность каждаго чело-вѣка проявляется въ активной дѣятельности, соотвѣтствен-ной и сообразной съ тѣми религіозными вѣрованіями, ко-торыя чело-вѣкъ усваиваетъ посредствомъ религіознаго обу-ченія. Итакъ, чтобы воспитать живаго члена Церкви Хри-стовой, необходимо развивать въ воспитанникахъ дѣятельную, живую—активную религіозность. Какимъ образомъ достиг-нуть осуществленія этой цѣли? Выше уже было замѣчено, что религіозная жизнь и дѣятельность, какъ явленіе чело-вѣческой жизни, въ ряду другихъ явленій и дѣятельностей чело-вѣка, не составляетъ исключенія по ходу своего есте-ственного развитія. Поэтому активная религіозность можетъ развиваться въ чело-вѣкѣ только при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ развивается активная умственная или нрав-ственная дѣятельность чело-вѣка. Но объ условіяхъ, благо-пріятствующихъ или препятствующихъ развитію той или другой психической дѣятельности чело-вѣка, учить психологія, изучающая вообще психическую жизнь чело-вѣка въ ея различныхъ состояніяхъ и проявленіяхъ. Слѣдовательно, и на поставленный вопросъ можно отвѣтить единственно на основаніи данныхъ психологіи. Значить, указываемыя педа-гогами цѣли религіознаго воспитанія и обученія прямо предполагаютъ и требуютъ, чтобы религіозное воспитаніе и обученіе опиралось на основныхъ положеніяхъ не христіан-ства только, но и чело-вѣческой науки, изучающей психиче-скую жизнь чело-вѣка.

Итакъ, въ созданіи болѣе или менѣе удовлетворительной теоріи религіознаго воспитанія и обученія и въ установле-ніи ея основъ недостаточно опираться только на начала христіанства. Въ союзъ съ этими началами должны быть приняты вѣрныя начала чело-вѣческой науки, изучающей религіозную жизнь чело-вѣка вообще и русскаго въ частно-сти и необходимо подчиняющейся началамъ христіанства, какъ абсолютной и непреложной истины. Было бы жела-тельно дать чело-вѣческой наукѣ, изучающей естественный

ходъ развитія религіозной жизни человѣка, возможно полное примѣненіе въ установленіи основъ религіознаго воспитанія и обученія, по крайней мѣрѣ, въ той степени и широтѣ, какъ это дѣлается теперь въ примѣненіи къ другимъ сторонамъ воспитательнаго и учебнаго дѣла.

III.

Указанія психологіи относительно особенностей и развитія религіознаго чувства.

Одна изъ антропологическихъ наукъ—психологія—даетъ указанія для установленія правильнаго хода и метода религіознаго воспитанія и обученія. Психологія учитъ, что въ основѣ всякой дѣятельности человѣка, за цѣлымъ рядомъ сознательныхъ и сложныхъ побужденій, за цѣлымъ рядомъ сознаваемыхъ или могущихъ быть сознанными причинъ, всегда лежитъ самое простое и первоначальное явленіе—влеченіе, которое указываетъ только общій родъ и видъ предстоящей дѣятельности и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть конкретно опредѣленнымъ и, которое только въ моментъ конкретнаго опредѣленія даетъ начало дѣятельности воли и чувствованію. Эти влеченія и возникающія на основѣ ихъ стремленія и разнообразныя чувствованія составляютъ зиждительные элементы въ различныхъ дѣйствіяхъ и коллизіяхъ человѣческой жизни. При этомъ, въ сознательной дѣятельности человѣка,—по крайней мѣрѣ, для его сознанія,—преобладающими, движущими началами дѣятельности являются именно стремленія и чувствованія. Вслѣдствіе своей неопредѣленности, безотчетности, влеченія вообще только какъ бы толкаютъ человѣка къ дѣятельности. Но какую именно дѣятельность изберетъ человѣкъ въ зависимости отъ этого толчка,—это будетъ зависѣть уже отъ конкретнаго опредѣленія влеченія, то есть, отъ возникшаго въ человѣкѣ стремленія и чувствованія. Съ

этой точки зрѣнія, активная религіозная дѣятельность въ членѣ Церкви Христовой можетъ быть развита только подъ условіемъ развитія въ немъ религіозныхъ стремленій и чувствованій. Силою, производящею активную религіозность въ каждомъ членѣ Церкви Христовой, на основаніи указаний антропологической науки, слѣдуетъ признать природное влеченіе его къ Существу міротворящему и міроправляющему и энергію возникшихъ на основѣ его религіозныхъ стремленій и чувствованій.

Антропологическая наука даетъ и другое общее указаніе для лучшей постановки дѣла религіознаго воспитанія и обученія. Бывшая нѣкогда модною знаменитая теорія Бокля, что умственное образованіе—панацея противъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій и золъ и что общая сумма человѣческихъ дѣйствій за болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени обусловливается исключительно умственнымъ состояніемъ цѣлаго общества,—при болѣе глубокомъ психологическомъ анализѣ существа дѣла, оказывается, по меньшей мѣрѣ, одностороннею. Источнымъ началомъ и движущею силою человѣческой дѣятельности надобно признавать не умъ, а влеченія, стремленія и чувствованія человѣка, и дѣятельность, исходящая изъ этого источника, бываетъ правильна только тогда, когда она руководится не безотчетнымъ, но разумнымъ, осмысленнымъ стремленіемъ и чувствованіемъ. «Улучшить нравы», писалъ по другому поводу и случаю Г. Спенсеръ ¹⁾, «возможно не затверживаніемъ правилъ хорошаго поведенія и еще меньше умственнымъ образованіемъ, а только тѣмъ ежедневнымъ упражненіемъ высшихъ чувствованій и подавленіемъ нисшихъ, которое происходитъ отъ подчиненія людей требованіямъ правильной общественной жизни, причемъ они сами должны выносить наказанія за нарушеніе этихъ требованій и пользоваться выгодами отъ выполненія ихъ». Кому не извѣстно, что на словахъ весьма часто человѣкъ представляется самымъ добросовѣстнымъ и честнымъ общественнымъ дѣяте-

¹⁾ Изученіе соціологіи. Т. 2, стр. 261.

лемъ, а на дѣлѣ между тѣмъ оказывается вполне негоднымъ членомъ общества, полнымъ нарушителемъ и святотатцемъ общественныхъ интересовъ. Мало знать, что хорошо и что худо,—какъ бы такъ учать наличные факты изъ дѣятельности «хищниковъ»,—и мало толку въ одномъ только словесномъ выраженіи своихъ знаній: необходимы еще сильныя, глубокія, чистыя стремленія и чувствованія, которыя побуждали бы человѣка къ совершенію только хорошаго, что человѣкъ теоретически и на словахъ считаетъ таковымъ, и отталкивали бы отъ совершенія худого, безнравственнаго. При отсутствіи таковыхъ стремленій и чувствованій человѣкъ по необходимости будетъ двоиться въ своей жизни и, подобно фарисеямъ, казаться на словахъ не тѣмъ, что онъ есть на дѣлѣ. Но необходимымъ условіемъ и пособникомъ стремленій и чувствованій въ активной дѣятельности человѣка, по теоріи, служить умъ, осмысливающий и направляющій производящую, движущую силу дѣятельности. Чувствованія, какъ такая сила въ человѣческой дѣятельности, сами въ себѣ и по себѣ пользуются не совсѣмъ завидною репутаціею: о нихъ давно уже говорятъ, что они слѣпы. Вслѣдствіе непосредственности своихъ внушеній, а отсюда и слитности содержанія съ видоизмѣненіями личнаго настроенія человѣка, они могутъ или переходить въ крайнія неправильныя состоянія, или спутываться, притупляться и глхнуть. Чтобы быть надежною и прочною опорою активной дѣятельности человѣка, сами они какъ бы имѣютъ потребность въ особенномъ просвѣтлѣніи, озареніи. Такимъ именно свѣточемъ для нихъ и является умъ, направляющій ихъ въ ту или другую сторону и вообще упорядочивающій, регулирующій влеченія человѣка и возникающія на основѣ ихъ стремленія и чувствованія. Содѣйствуя болѣе широкому пониманію жизни, выработкѣ болѣе многосторонняго идеала и чрезъ то успѣшности въ дѣятельности, умъ направляетъ человѣка съ его чувствованіями и стремленіями къ осуществленію выясненнаго идеала и сдерживаетъ человѣка въ совершеніи имъ различныхъ поступковъ и дѣйствій. Для нагляднаго выясненія этой мысли воспользуемся анализомъ

г. Дебольскаго ¹⁾). Допустимъ, что ни у господъ, ни у рабовъ нѣтъ сильнаго и живаго влеченія къ освобожденію раба. Можетъ ли быть вызвано это влеченіе однимъ только умомъ? «Правда, если человѣкъ справедливъ и добръ, можно разумно убѣдить его, что гнусно владѣть рабами; если рабъ энергиченъ и тяготится униженіемъ, — можно убѣдить его, что гнусно быть рабомъ. Слѣдовательно, самое развитіе стремленія къ свободѣ можетъ совершиться подъ руководствомъ разума; но все же живую силу этому стремленію сообщаетъ не разумъ, а справедливость, доброта, энергія, тягость униженія. Эти чувства разумъ не производитъ, а только находитъ въ обществѣ». Еслибы этихъ чувствованій не было ни у господъ, ни у рабовъ, то не было бы и сильнаго влеченія къ дарованію свободы у однихъ и къ освобожденію у другихъ, — что совершенно подтверждается многочисленными фактами изъ исторіи невольничества въ Америкѣ и крѣпостнаго быта у насъ. Но умъ, столь безсильный въ качествѣ производящей силы, напротивъ, получаетъ громадное значеніе и силу въ качествѣ жизненнаго регулятора, направителя. Возбуждаемый и какъ бы подталкиваемый чувствованіями, онъ самъ все болѣе и болѣе развивается, совершенствуется и, подчиненный въ своемъ развитіи росту и развитію чувствованій, является необходимымъ и весьма важнымъ факторомъ въ дѣлѣ усовершенствованія и направленія чувствованій. «Разъ я люблю людей, какъ братьевъ», пишетъ г. Дебольскій, «существованіе этого чувства необходимо дѣлаетъ мою нравственную дѣятельность разумнѣе, чѣмъ она была прежде, ибо мнѣ необходимо теперь согласовать свою дѣятельность съ болѣе сложными и отдаленными послѣдствіями; мнѣ не достаточно дѣйствовать такъ, чтобы никого не убить и ничего не украсть; но необходимъ становится болѣе тонкій анализъ всѣхъ полезныхъ и вредныхъ другимъ людямъ сторонъ моего поведенія. Но если во мнѣ нѣтъ этого чувства, то никакой разумъ не можетъ мнѣ его дать, подобно тому, какъ, будучи способенъ руководить моимъ зрѣніемъ,

¹⁾ Семья и Школа 1877 г. № 9, стр. 141—142.

онъ не можетъ, однако, сдѣлать меня зрячимъ, если мнѣ выкололи глаза». Подобные факты показываютъ, что въ дѣлѣ прогресса человѣческой дѣятельности вообще разумъ имѣетъ огромное руководящее значеніе и безсиленъ въ качествѣ производящей силы. Эта мысль, противорѣчащая воззрѣнію Бокля, далеко не маловажна и въ примѣненіи къ вопросу о религіозномъ воспитаніи и обученіи.

На основаніи выясненныхъ двухъ общихъ указаній (данныхъ) антропологической науки можно уже сдѣлать, по крайней мѣрѣ, одно общее заключеніе по отношенію къ вопросу о религіозномъ воспитаніи и обученіи. Активная дѣятельность человѣка, какъ существа разумнаго, нуждается въ разумномъ ея направленіи и руководствѣ; но разумъ, направляя ее и руководя ею, не служитъ жизненной движущею силою ея, такою остаются и могутъ оставаться только влеченія и развивающіяся на ихъ основѣ стремленія и чувствованія. Слѣдовательно, и въ религіозной дѣятельности всякаго живаго члена Церкви Христовой хотя необходимо разумное и осмысленное направленіе всей религіозной жизни, однако такое направленіе и остается только направленіемъ, но не дѣлается источникомъ, производящею силою активности въ религіозной жизни каждаго члена Церкви. Центръ тяжести въ религіозномъ воспитаніи и обученіи долженъ сосредоточиваться на воспитаніи мотивовъ къ дѣятельности, которые затѣмъ и должны быть направляемы и регулируемы. Такое перемѣщеніе центра тяжести въ религіозномъ воспитаніи и обученіи не можетъ считаться одностороннимъ и вреднымъ, какъ вполне согласное съ правильнымъ ходомъ развитія всякой плодотворной дѣятельности человѣка. Съ одной стороны, этимъ измѣняется то чисто формальное отношеніе къ дѣлу религіознаго воспитанія и обученія, которое практикуется по преимуществу въ современной намъ школѣ, а съ другой—имъ устраняются «ханжество, аффектація, жеманство, эстетическое пустословіе и даже притворство и лицемеріе», какъ недостатки, усвояемые методистами филантропическому воспитанію, которое утверждало, что вся суть воспитанія заключается въ развитіи

сердца. Съ указываемой точки зрѣнія, сосредоточеніе педагогами своего вниманія по вопросу о религіозномъ воспитаніи и обученіи почти исключительно на сообщеніи религіозныхъ познаній учащимся, въ ущербъ возбужденію и развитію въ нихъ религіозныхъ стремленій и чувствованій, слѣдуетъ считать педагогическою ошибкою, не оправдываемою началами вспомогательныхъ педагогикъ наукъ.

Кромѣ приведенныхъ общихъ указаній антропологической науки, опредѣляющихъ, на чемъ по преимуществу должно сосредоточиваться дѣло религіознаго воспитанія и обученія и какое общее направленіе оно должно имѣть, въ ученіяхъ этой науки есть болѣе точныя указанія на лучшую постановку этого дѣла. Психологическое ученіе о чувствованіяхъ и законахъ ихъ развитія указываетъ и на то, что должно быть положено въ основу метода религіознаго воспитанія и обученія, въ какихъ наиболѣе частныхъ формахъ долженъ проявляться этотъ методъ и какими мѣрами и средствами лучше всего онъ можетъ быть осуществленъ.

Въ сознаніи по крайней мѣрѣ численнаго и авторитетнаго большинства психологовъ ¹⁾ глубоко коренится убѣжденіе, «съ величайшею вѣроятностью» высказанное и Вундтомъ ²⁾, «что религіозное чувство есть общее свойство всего человѣческаго рода». Въ качествѣ комментарія къ этому можно сказать, что человѣку постоянно присуще чувство своей зависимости отъ Бога и желаніе приблизиться къ Нему. Влеченіе человѣка къ Богу стольже естественно и необходимо, какъ влеченіе растений къ солнцу. Вотъ почему человѣкъ, какъ цвѣтокъ къ солнцу, всѣмъ существомъ своимъ обращается къ Богу, причемъ или прославляетъ, или благодаритъ, или проситъ Его,—и все это онъ дѣлаетъ тѣмъ

¹⁾ Нельзя не отмѣтить рѣзкаго факта, что нѣкоторые изъ нашихъ психологовъ (Каптеревъ въ своей «Педагогической Психологіи», Н. Гротъ въ своей «Психологіи чувствованій») совершенно не говорятъ въ своихъ системахъ о религіозныхъ чувствованіяхъ. Подобное отношеніе къ фактамъ психической жизни человѣка для психолога, по меньшей мѣрѣ, весьма странно.....

²⁾ Душа человѣка и животныхъ. Т. 2, стр. 283.

усерднѣе, чѣмъ болѣе надѣется, по окончаніи своей кратковременной земной жизни, вѣчно блаженствовать съ Богомъ въ загробной, нескончаемой жизни. Фактъ существованія у человѣка религіознаго влеченія въ самомъ раннемъ возрастѣ его жизни настолько непоколебимъ, что не отрицается даже такими либеральными публицистами, какъ Писаревъ, выразившійся, что оно «въѣлось въ плоть и кровь нашу вмѣстѣ съ молокомъ матери». И если даже позитивистами (Льюисъ) признается «природное наслѣдство человѣка, состоящее изъ организованныхъ формъ и опредѣленныхъ стремленій, опредѣляющихъ психологическую дѣятельность всякій разъ, когда представятся надлежащія условія»; то фактъ всеобщности религіознаго влеченія позволяетъ признать его также природнымъ, наслѣдственнымъ. Здѣсь не мѣсто впрочемъ рѣшать вопросъ, какъ возникло въ человѣчествѣ это влеченіе; но какъ бы ни объяснялся его генезисъ, происхожденіе,— для нашей цѣли это не существенно важно: для насъ важны—признаніе его существованія, присутствія въ человѣческой природѣ, и обусловливаемая этимъ существованіемъ обязанность развивать его, а не подавлять.

Психологическій анализъ религіознаго чувства имѣетъ ту общую для всѣхъ психологовъ черту, что всѣ они рассматриваютъ его какъ очень сложное чувство, состоящее изъ многихъ болѣе простыхъ и элементарныхъ чувствованій. Разногласіе между психологами усматривается только въ опредѣленіи ими кореннаго, основнаго элемента въ ряду всѣхъ другихъ элементовъ. Сравнительно краткій анализъ религіознаго чувства данъ въ психологическихъ трудахъ Троицкаго и Карпентера. По воззрѣнію перваго ¹⁾, «религіозныя чувства, какъ преобразование космическихъ, не составляютъ особеннаго класса между другими классами человѣческихъ волненій, а образуются изъ всякаго порядка человѣческихъ чувствъ, какъ скоро послѣднія становятся чувствами предмета религіозныхъ міровоззрѣній человѣка. Отсюда религіозныя чувства заключаютъ въ своемъ составѣ

¹⁾ В. Троицкій. Наука о духѣ. Т. I, стр. 196.

и религіозное *удивленіе*, и религіозный *страхъ*, и религіозныя чувства *силы, успѣха, нѣжности, радости, печали* и т. д.,—равно какъ и религіозныя чувства *симпатическаго* характера, религіознаго чувства *красоты, дома, правды* и т. д.». По ученію Карпентера ¹⁾, «элементарная форма религіознаго чувства соединена, повидимому, не только съ простымъ *сознаніемъ власти*, лежащей внѣ насъ (которое развивается изъ сознанія ея проявленій), но и съ чувствами *благоговѣнія и трепета*, возбуждаемыми въ насъ могуществомъ, величіемъ или чудесностію предметовъ. Высшее развитіе потребуетъ, однако, мыслительной дѣятельности ума, а съ нею связаны чувства болѣе высокаго порядка». Сравнительно самый подробный и обстоятельный анализъ составныхъ элементовъ религіознаго чувства даетъ г. Владиславлевъ въ двухъ томахъ своей «Психологіи». По его анализу, въ религіозномъ чувствѣ есть чувство высокаго, какъ чувство величія и славы Божіей, чувство уваженія и страха Божія въ смыслѣ боязни гнѣва Божія и трепета за свою малость я и ничтожность предъ Величайшимъ Существомъ. Изъ совокупности всѣхъ этихъ простыхъ чувствованій слагается чувство благоговѣнія. Далѣе, въ составъ религіознаго чувства входятъ: чувство смиренія въ смыслѣ униженія предъ Богомъ, или покорнаго самоотреченія для Бога, чувство вѣры вмѣстѣ съ чувствами полноты знанія и удовлетворенія стремленія къ знанію, чувство надежды, чувство любви къ Богу съ элементарными чувствованіями—влеченія и удовлетворенія или неудовлетворенія, но безъ сочувствія. «Божество», говоритъ г. Владиславлевъ, «представляется такъ превознесенно надъ всѣмъ, такая безпредѣльная приписывается Ему дѣятельность, что невозможно представить себѣ какого либо акта или состоянія Его, которое можно было бы повторить въ себѣ, пережить его изъ симпатіи. Сочувствіе есть лишь въ любви къ лицу Христа. Религіозное чувство любви насыщаетъ сердце, оно улаживаетъ его и нравственно поднимаетъ до источника всякаго добра. Любовь ко Христу

¹⁾ Основанія фізіологіи ума. Т. I, стр. 183.

разстрагиваетъ душу и приближаетъ Бога къ людямъ, которымъ становится возможно возноситься своимъ сочувствіемъ до вершины бытія» ¹⁾. Кромѣ этихъ чувствованій, въ религіозномъ чувствѣ психологъ указываетъ и основы всякой привлекательности—идеализацію и потребность гармоніи. «Идеализація относительно Высочайшаго Существа», говоритъ онъ ²⁾, «достигаетъ самыхъ крайнихъ предѣловъ, до которыхъ она вообще можетъ развиваться. Воображеніе напрягается до послѣдней степени, представляя себѣ самую высокую грандіозность, совмѣщающую въ себѣ непостижимую красоту, высшую цѣнность и многозначительность бытія, или всю истину, и безусловно святую волю, какъ источникъ нравственного закона. Истинно любящая Бога душа жаждетъ и ищетъ гармоніи съ Нимъ. Она возлагаетъ свою печаль на Бога, равно свои упованія и надежды, отъ Него ждетъ себѣ душевнаго мира и успокоенія. Въ дисгармоніи и противорѣчій съ вѣрою, человекъ долженъ чувствовать себя несчастнымъ, бѣднымъ, подчиненнымъ лжи, т. е. въ сосѣдствѣ съ небытіемъ, или бытіемъ ничтожнымъ, а слѣдовательно умаленнымъ и уничиженнымъ».

Научный психологическій анализъ составныхъ элементовъ религіознаго чувства стоитъ почти въ совершенномъ согласіи съ тѣмъ воззрѣніемъ на религіозное чувство, образовать которое даетъ основанія библейско-христіанское ученіе объ истинной религіозной жизнедѣятельности христіанина. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ религіозныхъ міровоззрѣній, христіанство мыслитъ Бога чистѣйшимъ Существомъ и любвеобильнѣйшимъ Отцомъ всего человѣческаго рода. Это основное представленіе заключаетъ въ себѣ слишкомъ много сильныхъ мотивовъ для возникновенія въ христіанинѣ чувства пріязни—любви къ Богу, хотя уже въ силу того общаго для насъ закона, что мы чувствуемъ невольную пріязнь къ тѣмъ, кто насъ любитъ. На томъ основаніи, что любовь Бога изобильно излилась на человека, христіанство

¹⁾ Психологія Т. I, стр. 601—608.

²⁾ Психологія Т. II, стр. 186—188.

и ставить первую и главную заповѣдь любить Бога паче всего. Но любовь къ Богу отъ чиста сердца, какъ основа всей жизнедѣятельности христіанина, по ученію христіанства, должна состоять въ храненіи Его заповѣдей и послушаніи Его гласу, въ служеніи Богу съ благоговѣніемъ и страхомъ, въ благодареніи Бога о всемъ, въ прославленіи Его величія и славы; она должна превосходить даже всѣ естественныя нѣжныя и благожелательныя отношенія человѣка къ своимъ близкимъ роднымъ¹⁾. Эти общія идеи христіанства, прямо выраженный въ священныхъ книгахъ, даютъ полное основаніе смотрѣть на религіозное чувство, какъ на чувство, состоящее изъ многихъ простѣйшихъ психическихъ элементовъ, входящихъ въ его образованіе и составъ,—таковы: чувствованія высокаго и великаго, благоговѣнія, страха, благодарности, покорности и пріязни, съ которою неразрывно связываются радость и восторгъ, и другія простѣйшія чувствованія.

Какой изъ составныхъ элементовъ религіознаго чувства христіанина долженъ быть признанъ основнымъ и преобладающимъ и какіе—производными и подчиненными,—этотъ вопросъ разрѣшается отчасти на основаніи разсмотрѣнія формъ воплощенія религіознаго чувства, отчасти на основаніи свидѣтельствъ людей съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ и отчасти на основаніи основныхъ идей христіанства. Обращаясь къ формамъ воплощенія религіознаго чувства, находимъ слѣдующіе внѣшніе признаки выраженія чувства. Человѣкъ съ глубокимъ и сильнымъ религіознымъ чувствомъ, при внѣшнихъ невзгодахъ своего существованія, имѣетъ бодрый, «обрадованный» видъ. Его глаза обнаруживаютъ нѣкоторый блескъ. При видѣ священныхъ предметовъ, напр. св. иконъ, онъ стремится лобызать ихъ, вообще касаться ихъ, а въ состояніи сильнаго религіознаго возбужденія онъ стремится удержать ихъ при себѣ какъ можно долѣе. Нерѣдко проливаетъ слезы, «слезы умиленія». Во

¹⁾ Ср. 1 Тим. 1, 5; Евр. 12, 28; Римл. 10, 18; 15, 19; 2 Тим. 2, 9—10; 1 Сол. 5, 18; Мѣ. 10, 37; Лук. 14, 26.

время молитвы онъ сохраняетъ смиренное колѣнопреклоненное положеніе и съ поднятыми руками и сложенными ладонями обращаетъ свое лицо къ небу и поднимаетъ къ верху глаза. Тонкіе аналитики религіознаго чувства—святые подвижники—считаютъ внѣшніе знаки эти выраженіемъ любви человѣка къ Богу. По словамъ св. Исаака Сирина, «сія знаменія ея чувственныя: бываетъ лицо человѣка онаго румяно, обрадовано, и тѣло его разгрѣвается. Отступаетъ отъ него страхъ и стыдѣніе». Научныя изслѣдованія формъ воплощенія чувствованій также подтверждаютъ мысль, что означенныя формы обнаруженія свойственны чувствованіямъ нѣжнымъ вообще, въ частности—чувству любви, пріязни ¹⁾, а также и чувству благоговѣнія ²⁾, которое, какъ мы видѣли выше, не есть простой элементъ, а довольно сложное чувство и, какъ такое, не можетъ поэтому считаться основнымъ элементомъ въ религіозномъ чувствѣ. На этомъ основаніи нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Чистовича ³⁾, что «родовое чувство, изъ котораго проистекаютъ всѣ прочія религіозныя чувствованія, есть благоговѣніе къ Богу, основывающееся на представленіи совершенствъ Безконечнаго Существа и дѣйствій божественнаго міроуправленія». И святые подвижники христіанскіе, отличавшіеся сильнымъ религіознымъ чувствомъ, представляютъ и описываютъ это чувство подъ образомъ пламенной любви мужчины къ женщинѣ, подъ образомъ огня палящаго и посядающаго и, наконецъ, подъ образомъ жажды сильной и живой. «Блаженъ, кто приобрѣлъ такую же любовь къ Богу», говоритъ напр. св. Іоаннъ Лѣствичникъ ⁴⁾, «какую восторженный любитель имѣетъ къ своей возлюбленной. Не столько мать прилѣплена къ грудному младенцу, сколько сынъ любви приверженъ всегда къ Господу». Эти образы внушительно говорятъ, что въ религіозномъ чувствѣ, по понятію людей съ истинно—религіознымъ чувствомъ, преобладаетъ чувство

¹⁾ Ср. Дарвина.—О выраженіи ощущеній. Спб. 1872 г. стр. 177. 171.

²⁾ Ibid. стр. 182.

³⁾ Курсъ опытной психологіи. Изд. 2-е, стр. 189.

⁴⁾ Православное Обозрѣніе. 1877 г. Т. 3. стр. 641—649.

пріязни, «приверженности» къ Богу или любви въ тѣсномъ значеніи этого слова. Наконецъ, надобно взять во вниманіе и то, что съ точки зрѣнія христіанской идеи о Богѣ естественнымъ результатомъ теоретическаго представленія должно быть именно преобладаніе въ религіозномъ чувствѣ этого элемента надъ всѣми другими. Отличительною чертою этого представленія и служить именно признакъ, указанный любвеобильнымъ Апостоломъ, т. е. любовь: другіе признаки—все-вѣдѣніе, всемогущество, правда и пр. входятъ въ понятіе о Богѣ и въ другихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ человѣчества. А представленіе Бога любвеобильнымъ, благимъ Отцомъ всего человѣчества и можетъ вызывать въ человѣкѣ болѣе всего чувствованіе пріязни и любви къ своему Отцу.

Являясь преобладающимъ элементомъ, чувство пріязни, приверженности или любви въ тѣсномъ значеніи этого слова придаетъ особенный тонъ, существенно характерную окраску всѣмъ религіознымъ чувствованіямъ и служитъ основою происхожденія, по крайней мѣрѣ, большей части ихъ. По общему закону любви, образъ ея предмета въ качествѣ источника счастья и блаженства служитъ господствующимъ въ сознаніи любящаго и силою, влекущею его къ себѣ. Оттого любящій Бога всѣми своими силами влечется къ соединенію, къ нѣкоторому общенію съ высочайшимъ нравственнымъ Добромъ, Которое можетъ и желаетъ дѣлать только добро Своимъ твореніямъ и отъ Котораго единственно зависитъ счастье и блаженство человѣка,—и въ немъ возникаютъ чувствованія привлекательности и гармоніи. Мысля объектъ своей любви единственнымъ источникомъ только блага и совершенства, превосходящимъ безмѣрно всѣ вещи и существа, любящій Бога покланяется Ему, уважаетъ Его и глубоко сознаетъ свою малость и ничтожность предъ Нимъ,—и въ немъ возникаютъ на основѣ любви чувствованія уваженія и страха предъ Богомъ. Обширность вліянія Источника блага и совершенства, насколько это можетъ быть понято человѣкомъ, побуждаетъ человѣка, любящаго Бога, ставить Его выше всѣхъ другихъ предметовъ и существъ, благодарить Его за всѣ изливаемые блага и въ тоже время

съ глубочайшимъ смиреніемъ возсылать молитвы къ Богу и приносить Ему дары. Сознаніе такихъ отношеній Бога къ человѣку вызываетъ въ любящемъ Бога чувствованія высокаго, великаго, благодарности, смиренія. Мысль о Богѣ, какъ источникѣ всякаго блага и совершенства, вмѣстѣ съ сознаніемъ своей малости, ничтожности, въ любящемъ Бога вызываетъ непреодолимое и радостное стремленіе всю свою жизнь и дѣятельность сообразовать съ велѣніями и волею Божества и ревностно заботиться о томъ, чтобы и другіе люди всецѣло стремились къ этому Источнику блага, признавая въ Немъ единственный источникъ всякаго блага и дара совершеннаго. Отсюда, вмѣстѣ съ чувствованіями покорности, безграничной преданности и послушанія, въ любящемъ Бога возникаютъ чувствованія религіозной радости, религіознаго восторга и ревности по Богѣ.—Такимъ образомъ, всѣ указанныя религіозныя чувствованія, а также и нѣкоторыя другія, здѣсь не указанныя, объясняются въ своемъ происхожденіи изъ существованія въ человѣкѣ основнаго чувствованія пріязни, любви къ Богу, которое и должно быть поэтому разсматриваемо, какъ основной элементъ въ религіозномъ чувствѣ. При этомъ необходимо замѣтить только, что, по мѣрѣ осложненія психической жизни человѣка, и эти чувствованія постепенно осложняются и пріобрѣтаютъ нѣкоторыя особенности. Такъ напр. религіозное чувство трепета за малость и ничтожность, осложненное представленіемъ Божества всевѣдущимъ, правосуднымъ, невольно обнаруживается въ формѣ чувствованія боязни гнѣва Божія. Тоже самое бываетъ и съ другими чувствованіями, какъ это увидимъ при раскрытіи законовъ развитія религіозныхъ чувствованій.

Анализъ религіознаго чувства человѣка позволяетъ сдѣлать общее, но весьма важное въ педагогическомъ отношеніи заключеніе. Такъ какъ преобладающимъ и основнымъ элементомъ въ группѣ религіозныхъ чувствованій служитъ пріязнь, приверженность, любовь къ Богу, то при религіозномъ воспитаніи и обученіи главною педагогическою задачею должно быть развитіе въ воспитанникахъ главнымъ и

преимущественнымъ образомъ именно этого чувствованія. Остальныя чувствованія приложатся къ нему, какъ его необходимыя послѣдствія и дополненія. Съ этой точки зрѣнія, въ основѣ метода религіознаго воспитанія и обученія (такъ какъ духъ, сущность метода состоитъ именно въ основной, одухотворяющей и проникающей его идеѣ) должна лежать идея, что всѣ мѣропріятія воспитателя и учителя въ области религіознаго воспитанія и обученія должны вызывать въ воспитанникахъ чувство пріязни, любви къ Богу.

Антропологическая наука своимъ ученіемъ о законахъ развитія религіозныхъ чувствованій даетъ указанія и на то, какимъ путемъ лучше всего можетъ быть осуществлена сущность метода религіознаго воспитанія и обученія. Съ этой стороны вопросъ о законахъ правильнаго развитія и усовершенствованія религіозныхъ чувствованій получаетъ для педагога весьма важное практическое значеніе. Но рѣшеніе его стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ психологическимъ ученіемъ о законахъ развитія чувствованій человѣка, особенно, такъ называемыхъ, высшихъ, къ классу которыхъ принадлежатъ религіозныя чувствованія: религіозныя чувствованія, по ученію психологіи, не составляютъ совершенно новыхъ событій въ сердцахъ.

По ученію психологіи, то или другое чувство возникаетъ и развивается въ насъ при существованіи влеченія только тогда, когда въ нашемъ сознаніи есть опредѣленное представленіе. Не будь представленія чего-либо опредѣленнаго, при существованіи влеченія, не можетъ быть и чувствованія. Если я не представляю себѣ что-либо опредѣленно, то не могу питать по отношенію къ нему и никакихъ чувствованій; напротивъ, вслѣдъ за опредѣленнымъ представленіемъ чего-либо у меня возникаютъ и чувствованія по отношенію къ этому. Не видавъ напр. водопада Кивачъ и не читавъ о немъ ничего, я не могу и восхищаться имъ, какъ восхищался Державинъ. Такая неразрывная и неизбѣжная связь чувствованій съ представленіями служитъ, между прочимъ, основаніемъ для нѣкоторыхъ психологовъ (изъ нашихъ, напр., можно указать гг. Кавелина, Фрезе) совершенно

не признавать чувствованій за самостоятельный классъ психическихъ явленій. Но, обусловливая возникновеніе чувствованій, представленіе обусловливаетъ въ тоже время и развитіе чувствованій. Въ этомъ отношеніи важное значеніе имѣютъ форма смѣны представленій, ихъ содержаніе и сочетанія съ другими представленіями. «Всякое уклоненіе или измѣненіе средней быстроты движенія представленій сопровождается душевными чувствами. Быстрое движеніе представленій вызываетъ пріятныя, медленное же—непріятныя душевныя чувства. Такъ напр. равномерный, свободный, плавный ходъ нашихъ представленій вызываетъ *удовольствіе*; часто прерываемое, медленное, задерживаемое движеніе ихъ производитъ *неудовольствіе*» ¹⁾. Кромѣ способа своей смѣны, представленія вліяютъ на чувствованія своимъ содержаніемъ, опредѣляя имъ качество чувствованія. Напр. представленіе лишенія того, что мы цѣнили для себя болѣе или менѣе высоко, производитъ *печаль* и *досаду*; представленіе противодѣйствія нашимъ желаніямъ вызываетъ *гнѣвъ*. Неодинаковое сочетаніе, различная комбинація однихъ представленій съ другими обусловливаетъ собою и особенности качественно опредѣленнаго чувствованія въ каждомъ человѣкѣ, и степень силы его. Положимъ, я сижу за работой; въ это время въ моемъ сознаніи мелькнуло представленіе непрощеннаго посѣтителя. Это послѣднее сочеталось съ представленіемъ работы и во мнѣ явилось слабое, не совсѣмъ пріятное волненіе. Но если представленіе работы встрѣтится съ представленіемъ реального посѣтителя, прервавшаго мою работу, то во мнѣ возникаетъ уже значительно сильное непріятное волненіе, такъ что я встрѣчаю посѣтителя и едва сдерживаю себя, чтобы своимъ пріемомъ не выразить ему своего полного неудовольствія. Въ первомъ случаѣ сочетавшіяся представленія не имѣли связи съ представленіемъ окончанія работы, а въ послѣднемъ—къ двумъ прибавилось еще это третье представленіе, отчего самое чувствованіе и сдѣла-

¹⁾ А. Фрезе. Очеркъ судебной психологіи. 2-е изд. Казань, 1874 г. стр. 48.

лось болѣе сильнымъ. Изъ этого же видно, что чѣмъ съ большимъ количествомъ представленій комбинируется существующее уже представленіе, тѣмъ болѣе осложняется, усиливается, т. е. развивается, и самое чувствованіе. На основаніи сказаннаго относительно развитія чувствованій вообще психологія выставяетъ законъ, что чувствованія развиваются на основаніи зависимости отъ представленій. Этотъ законъ можно выразить въ такой формулѣ: вслѣдъ за представленіемъ возникаетъ въ человѣкѣ чувствованіе, которое получаетъ общій характеръ отъ формы смѣны представленій, опредѣляется содержаніемъ ихъ и развивается въ зависимости отъ комбинаціи ихъ.

Указанный общій законъ развитія чувствованій простирается и на развитіе религіозныхъ чувствованій. Для вызова и возбужденія въ человѣкѣ религіозныхъ чувствованій необходимо обогащать его религіозными представленіями: не имѣя никакихъ представленій о предметѣ религіи, и при существованіи религіознаго влеченія человѣкъ не можетъ имѣть качественно опредѣленныхъ религіозныхъ чувствованій. «Извѣстныя религіозныя представленія», говоритъ Вундтъ ¹⁾, «переданныя намъ ученіемъ и примѣромъ, возбуждаютъ чувство, происходятъ ли эти представленія отъ непосредственнаго созерцанія, или составляютъ продуктъ болѣе свободнаго творчества фантазіи. Если вѣрующій католикъ, при видѣ святая святыхъ, творитъ молитву и падаетъ на колѣна, или если изображеніе возвышенности Божіей производитъ благоговѣйное настроеніе въ протестантъ,—то въ обоихъ случаяхъ чувство происходитъ отъ представленія; только тамъ послѣднее берется изъ чувственнаго созерцанія, а здѣсь создается фантазіей». При этомъ необходимо, чтобы сообщаемыя человѣку религіозныя представленія находились въ благопріятномъ для усовершенствованія, для улучшенія отношеній къ имѣющимся уже у него представленіямъ. Больше или меньшее количество качественно опредѣленныхъ представленій о Богѣ, объектѣ религіознаго

¹⁾ Душа человѣка. Т. II, стр. 302.

чувства, будетъ такъ или иначе отражаться и на развитіи его религіозныхъ чувствованій. Нагляднымъ доказательствомъ этого можетъ служить то обстоятельство, что различные народы міра питали и питаютъ къ Божеству и различныя чувствованія, смотря по тому, какъ они представляли и представляютъ себѣ Божество. Древній грекъ мыслилъ напр. своихъ боговъ свѣтлыми и веселыми Олимпійцами, представленіе которыхъ питало и возбуждало его эстетическое чувство. Отсюда и въ религіи его существеннымъ и основнымъ элементомъ служилъ элементъ эстетическій. Мусульманинъ мыслить своего Аллаха существомъ, безусловно предопредѣлившимъ всякаго правовѣрнаго къ той или другой жизни и дѣятельности. Представленіе такого существа вызываетъ въ правовѣрномъ чувство рабскаго и слѣпаго повиновенія и преданности ему. Отсюда и въ своей религіозной жизни и дѣятельности правовѣрный является до фанатизма ревностнымъ и усерднымъ исполнителемъ самыхъ даже нелѣпыхъ и нерациональныхъ предписаній своего пророка. Іудей представляетъ себѣ Божество Существомъ всевѣдущимъ, всемогущимъ, правосуднымъ и грознымъ, и питаетъ къ Нему преимущественно предъ всѣми другими чувствованіями чувство страха. Отсюда въ религіи его преобладаетъ духъ работы и страха, который изгнанъ изъ нея духомъ любви и свободы христіанской. Итакъ, если религіозное чувство сложно и состоитъ изъ многихъ простыхъ чувствованій; то полное развитіе его возможно, въ силу этого закона, только посредствомъ сообщенія воспитанникамъ различныхъ религіозныхъ представленій. Священно-историческія повѣствованія заключаютъ въ себѣ массу фактовъ, которые, при своей наглядности и доступности пониманію учениковъ даже народныхъ школъ, весьма внушительно говорятъ каждому о различныхъ свойствахъ Божіихъ. Изъ фактовъ, доступныхъ его пониманію, воспитанникъ незамѣтно будетъ вырабатывать себѣ представленія о Богѣ, и въ концѣ концовъ составитъ возможное для человѣка правильное и полное понятіе о Богѣ. Чрезъ это гораздо правильнѣе выяснится и опредѣлится и отношеніе его къ своей религіи,

такъ какъ чувство служить движущею силою въ жизни человѣка.

Кромѣ закона зависимости отъ представленій, чувствованія въ своемъ развитіи подчинены закону зависимости отъ внѣшняго выраженія ихъ, т. е. отъ тѣхъ тѣлесныхъ формъ, которыми независимо отъ насъ, а часто и невѣдомо для насъ выражаются наши чувствованія. По ученію психологіи, выраженіе чувствованій не есть посторонняя прибавка къ самому чувствованію, безъ которой послѣднее легко могло бы обойтись. «Какъ ощущеніе невысказуемо безъ предшествующаго раздраженія нерва», пишетъ г. Каптеревъ ¹⁾, «такъ чувствованіе невысказуемо безъ сопровождающаго его или, точнѣе, одновременно развивающагося съ нимъ возбужденія нервной системы. Возбужденіе нервной системы не только воплощаетъ чувство, обнаруживаетъ его какимъ-либо движеніемъ, но въ тоже время и поддерживаетъ его. Воспроизводя воплощеніе извѣстнаго чувства, совершая движенія, ему соотвѣтствующія, мы можемъ возбудить въ себѣ и самое чувство. Такъ именно и бываетъ съ актерами, исполняющими пьесу». Но, кромѣ вызова чувствованій, воплощеніе ихъ сильно вліяетъ и на развитіе нашихъ чувствованій. «Свободное выраженіе какого-нибудь чувства внѣшними знаками усиливаетъ его; а съ другой стороны задерживаніе, насколько это возможно, всякихъ внѣшнихъ проявленій умѣряетъ наше внутреннее волненіе. Тотъ, кто даетъ волю гнѣвнымъ движеніямъ, усиливаетъ свою ярость; тотъ, кто не сдерживаетъ проявленій страха, будетъ чувствовать страхъ въ усиленной степени; а тотъ, кто остается пассивнымъ подъ вліяніемъ гнетущаго горя, теряетъ лучшіе шансы снова найти бодрость духа. Результаты эти зависятъ отчасти отъ тѣсной связи, существующей между всѣми почти душевными волненіями и ихъ внѣшними проявленіями; отчасти же и отъ прямаго вліянія движеній на сердце, а слѣдовательно и на мозгъ» ²⁾. Почти одинаковое значеніе для раз-

¹⁾ Каптеревъ, Педагогическая психологія. Спб. 1876 г. стр. 267.

²⁾ О выраженіи ощущеній. Спб. 1872 г. стр. 311.

витія чувствованій имѣетъ воплощеніе ихъ, наблюдаемое нами въ другихъ людяхъ. «Всякому извѣстно», говоритъ г. Ушинскій ¹⁾, «что крики, стоны и вообще яркія выраженія страданія на лицѣ другаго человѣка, а также смѣхъ, зѣвота или выраженіе ужаса дѣйствуютъ заразительно на зрителя этихъ проявленій душевнаго состоянія. Слабонервному человѣку, напримѣръ, даже опасно смотрѣть на личныя судороги людей, подверженныхъ падучей болѣзни. Кликушество, столь знакомое намъ русскимъ и котораго никакъ не слѣдуетъ объяснять однимъ притворствомъ, скорѣе всего можно объяснить невольнымъ нервнымъ сочувствіемъ. Мы знаемъ одно село, въ которомъ одновременное появленіе нѣсколькихъ энергическихъ кликушъ заставило кликать почти всѣхъ молодыхъ женщинъ». Вслѣдствіе такой заразительности, чувствованіе имѣетъ свойство дѣйствовать непосредственно на чувствованіе другаго лица и вызывать къ подражанію. Законъ зависимости чувствованій отъ ихъ внѣшняго выраженія извѣстенъ въ психологической наукѣ подъ именемъ закона диффузіи (разсѣянія) и у Бэна ²⁾ получилъ слѣдующую формулу: «смотря по тому, насколько извѣстное впечатлѣніе сопровождается чувствованіемъ, возбужденные токи *распространяются* свободно на мозгъ, приводя въ общее возбужденіе какъ органы движенія, такъ и внутренность (viscera)».

Выше мы видѣли, что религіозное чувство также имѣетъ своеобразную форму внѣшняго выраженія; слѣдовательно, законъ диффузіи имѣетъ полное значеніе и по отношенію къ развитію его. Подъ вліяніемъ выраженія и оно значительно усиливается или ослабляется, смотря по усиленію или ослабленію самаго выраженія. Въ доказательство этого достаточно напомнить всѣмъ извѣстныя формы выраженія религіозныхъ чувствъ у индійскихъ факировъ, у сибирскихъ шамановъ или у нѣкоторыхъ сектантовъ раскола, вслѣдствіе незадерживанія доводящія человѣка до религіознаго изступленія

¹⁾ Человѣкъ какъ предметъ воспитанія. Спб. 1871 г. т. 2, стр. 81.

²⁾ А. Бэнъ. Психологія, стр. 202.

и полного фанатизма. Точно также наблюденіе внѣшнихъ религіозныхъ проявленій въ другихъ людяхъ обусловливаетъ собою невольное возникновеніе въ наблюдателѣ однородныхъ чувствованій и постепенное усиленіе ихъ по мѣрѣ продолжительности наблюденія. Акты мучениковъ представляютъ массу фактовъ въ подтвержденіе этого. Дѣтская жизнь также представляетъ примѣры этого. Извѣстно напр., что если мать становится на колѣни и усердно молится, то и ребенокъ, видя выраженіе ея лица, по одному уже нервному сочувствію, дѣлается болѣе сосредоточеннымъ: подражая матери, онъ тоже становится на колѣни, крестится и кланяется какъ умѣетъ. Вслѣдствіе неоднократнаго повторенія одного и того же возбужденія, мало по-малу онъ проникается тѣмъ же религіознымъ чувствомъ, которымъ проникнута и мать, и его поклоны и крестное знаменіе дѣлаются уже выраженіемъ болѣе глубокаго религіознаго чувства. Изъ этого видно, что закономъ диффузіи оправдывается педагогическое значеніе религіозныхъ дѣйствій и обрядовъ въ дѣлѣ религіознаго воспитанія и обученія и что на этомъ законѣ основывается много средствъ, практикующихся при религіозномъ воспитаніи и обученіи.

Но спеціальными законами развитія чувствованій не исчерпываются и не объясняются вполне разнообразныя проявленія жизни человѣческаго сердца. Въ этой жизни многое можетъ быть объяснено при помощи общихъ законовъ психической жизни человѣка—смежности и сходства. По закону смежности, «дѣйствія, ощущенія и состоянія чувства, встрѣчающіяся вмѣстѣ, или связываются такъ, что когда впослѣдствіи является въ умѣ одно какое-либо изъ нихъ, остальные бываютъ готовы воссоединиться съ нимъ въ идеѣ» ¹⁾. По закону сходства, *настоящія* дѣйствія, ощущенія, мысли или чувствованія стремятся воскресить сходныя съ ними изъ прежде испытанныхъ состояній» ²⁾. Въ религіозной жизни человѣка этими законами объясняются

¹⁾ Формула Бэна. Психологія, стр. 96.

²⁾ Формула его же. *ibid.*, стр. 144.

также многія явленія. Всѣмъ извѣстно, какое значеніе для религіознаго человѣка имѣютъ святыя мѣста, символы, обычаи, обряды, предметы и даже языкъ. Постоянно воскресая въ сознаніи, все это усиливаетъ чувствованія по отношенію къ главному предмету чествованія и превращаетъ нерѣдко чувствованіе въ состояніе, извѣстное подъ именемъ аффекта, а самые предметы, благодаря ихъ чувственнымъ свойствамъ, у неразвитаго человѣка ставятъ на мѣсто невидимаго Божества, какъ это выражается нерѣдко въ воззрѣніи напр. простаго народа на св. иконы. Подобное явленіе удовлетворительно объясняется закономъ смежности. Натуралистическія и антропоморфическія религіозныя представленія и соотвѣтствующія имъ религіозныя чувствованія достаточно объясняются изъ закона сходства.

Результатъ изслѣдованія данныхъ антропологической науки для лучшей постановки религіознаго воспитанія и обученія можно представить въ слѣдующихъ краткихъ положеніяхъ:

а) Религіозная дѣятельность человѣка имѣетъ свой источникъ въ религіозныхъ чувствованіяхъ, сложная совокупность которыхъ составляетъ чувство религіозное (эмоцію).

б) Возникая на основѣ присущаго человѣческой природѣ влеченія къ Высочайшей Силѣ, религіозное чувство христіанина получаетъ свой тонъ и окраску отъ преобладающаго въ немъ и основнаго элемента—чувствованія религіозной пріязни или любви къ Богу.

в) Послѣ своего возникновенія, религіозное чувство развивается въ человѣкѣ, осложняется и усиливается по общимъ законамъ развитія чувствованій человѣка и въ зависимости отъ общихъ законовъ развитія его психической жизни.

г) Но значеніе религіознаго чувства не простирается на направленіе религіозной дѣятельности человѣка: нормальное направленіе ея зависитъ отъ регулирующей и упорядочивающей умственной дѣятельности человѣка.

Въ предпосланномъ этимъ положеніямъ изслѣдованіи указано, или, по крайней мѣрѣ, намѣчено уже, какое значеніе могутъ имѣть эти истины въ случаѣ практическаго примѣненія ихъ къ дѣлу религіознаго воспитанія и обученія. Но

одними этими истинами не могут исчерпываться всѣ основныя начала, на которыхъ должно опираться религіозное воспитаніе и обученіе. Каждый человѣкъ есть членъ извѣстной національности, проявляющей свою религіозную жизнь и дѣятельность своеобразнымъ, свойственнымъ ей только способомъ, и членъ общей человѣческой семьи, долженствующей быть объединенною посредствомъ всемірной, универсальной религіи христіанства. Поэтому, говоря о религіозномъ воспитаніи и обученіи русскаго народа, необходимо указать основныя начала для лучшей постановки этого дѣла, вытекающія изъ національнаго религіознаго характера русскаго человѣка и изъ общечеловѣческой христіанской религіи.

IV.

Указанія изъ области религіозной жизни русскаго народа.

Въ порядкѣ уже апріорномъ религіозная жизнь народа должна давать особенно важныя указанія, какъ должно быть поставлено у него дѣло религіознаго воспитанія и обученія. Религіозная жизнь русскаго народа, въ ея наличномъ состояніи, если не съ положительной, то съ отрицательной стороны, даетъ дѣйствительно цѣнныя указанія, на чемъ должно сосредоточиваться и въ какую сторону должно быть направлено это дѣло. Сопоставленіе идеала религіозной жизни человѣка, какъ раскрыть этотъ идеалъ въ христіанствѣ, съ соотвѣтствующею ему дѣйствительностію обнаруживаетъ въ религіозной жизни нашего народа много такихъ сторонъ, которыя намѣчаютъ главные пункты дѣла. По идеѣ, *de jure*, господствующая религія русскаго народа есть религія православно-христіанская и русскій народъ въ своемъ огромномъ большинствѣ дѣйствительно православно-христіанскій. Предполагается, что онъ точно и неизмѣнно содержитъ религіозныя истины вѣроученія и нравоученія и именно въ томъ видѣ, какъ онѣ были сообщены людямъ Боже-

ственнымъ Основателемъ христіанства и Его учениками, и въ своей религіозной жизни и дѣятельности исполняетъ всѣ тѣ религіозные обряды и дѣйствія, которыя заповѣданы въ Писаніи и преданіи вселенской Церкви. Дѣйствительность, однако, какъ и всегда, не оправдываетъ всѣхъ такихъ ожиданій и представляетъ много явленій иного порядка.

При характеристикѣ русскаго народа со стороны религіозной его жизни, прежде всего, надобно провести замѣтно рѣзкую раздѣлительную черту между православіемъ образованнаго класса и православіемъ огромной народной массы. Образованный классъ и народная масса—это двѣ противоположности, правда, имѣющія нѣсколько точекъ соприкосновенія между собою, но столько же и пунктовъ различія. Относительно образованнаго класса русскаго народа остается фактомъ, что въ немъ есть люди, строго придерживающіеся древнихъ уставовъ христіанства, но не мало и такихъ, которые не желаютъ быть связаны «доктринальными сужденіями прошлыхъ столѣтій», а вводятъ въ богословскую область современную науку и современную критику, какъ новые факторы, и вообще какъ будто стремятся къ религіозной реформациі. Въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ, около тѣхъ и другихъ, располагаются поодаль приверженцы болѣе крайнихъ мнѣній. Вообще же набожнымъ людямъ изъ этого класса покойный Ю. Ѳ. Самаринъ, въ своемъ предисловіи къ сочиненіямъ Хомякова, усвоетъ одну общую черту. «Набожный человѣкъ», говоритъ онъ, «дорожитъ у насъ своею вѣрою не столько какъ несомнѣнною истиною, сколько ради того личнаго успокоенія, которое онъ въ ней находитъ... онъ бережетъ и цѣнитъ вѣру, какъ вещь цѣнную, но въ тоже время хрупкую и не совсѣмъ надежную. Всѣ мы не столько живемъ въ Церкви, сколько числимся въ ней... мы относимся къ Церкви больше по обязанности, по рутинѣ, а не по сознанію живой потребности въ ней». Такое внѣшнее отношеніе къ религіи со стороны образованнаго у насъ класса указываетъ на отсутствіе въ немъ внутреннихъ живыхъ связей съ религіею, на отсутствіе религіозной зиждительной силы или, что тоже, на отсутствіе глубокихъ и

сильныхъ религіозныхъ чувствъ. Но въ тоже время оно свѣдѣтельствуєтъ и о внесеніи въ область религіи стороннихъ для религіи примѣсей, въ родѣ философскихъ воззрѣній, выражавшихъ религіозныя представленія въ доктринахъ, которыя во всѣ времена замѣщали собою религіозныя представленія и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ склонны видоизмѣняться въ общемъ ходѣ умственного развитія. Своимъ воздѣйствіемъ по преимуществу на умъ русскаго человѣка эти примѣси оказывали въ тоже время ослабляющее вліяніе на дѣятельность сердца и чрезъ то благопріятствовали укорененію и развитію въ русскомъ образованномъ человѣкѣ холоднаго отношенія даже къ предмету религіи.

Въ религіозной жизни огромной необразованной массы русскаго народа (среди которой особенно въ послѣднее время замѣтно обнаруживаются усиленіе сектантства и стремленіе къ развитію своей религіозности), въ противоположность числу холодному разсудочному отношенію къ религіознымъ предметамъ, усматривается другая черта. Вопреки разсчетамъ холоднаго разсудка, необразованная масса подчиняется по преимуществу внушеніямъ чувства. «Самодержавіе Россіи», замѣчаетъ Бэнъ ¹⁾, «не могло побудить даже солдата отказаться отъ соблюденія поста во время всеобщаго опустошенія холерою». Этотъ фактъ, поражающій ученаго иностранца, краснорѣчиво говоритъ о той глубокой приверженности, какую питаетъ нашъ народъ къ религіи и ея уставамъ. Говоря о религіозно-нравственномъ направленіи жизни русскаго народа, покойный Достоевскій выразился: «нашъ народъ просвѣтился уже давно, принявъ въ свою суть Христа и Его ученіе... въ огромномъ большинствѣ своемъ православенъ и живетъ идеей православія въ полнотѣ, хотя не разумѣетъ эту идею отвѣтчиво и научно». И приговоръ знаменитаго писателя, дѣйствительно, имѣетъ за себя оправданіе въ тѣхъ христіанскихъ качествахъ и добродѣтеляхъ, которыя признаются за нашимъ народомъ даже недолгоблизкими насъ цивилизованными народами. Извѣстны въ

¹⁾ Психологія, стр. 239.

общихъ чертахъ эти качества: самая безграничная вѣра въ св. Провидѣніе и чисто дѣтская покорность ему. «На все воля Божія»; «такъ Богу угодно»,—это общепринятая въ народѣ выраженія его вѣрящей и надѣющейся души. И вотъ плодомъ этой вѣры являются всѣми признаваемые за русскимъ народомъ добродѣтели или качества, такъ высоко цѣнимыя Евангеліемъ: кротость, смиреніе, терпѣніе, безропотное перенесеніе напастей жизни, незлобіе или прощеніе обидъ («Богъ съ нимъ! Богъ ему судья! Богъ его накажетъ!»—вотъ что обыкновенно говоритъ нашъ народъ). Есть и еще черта: безусловная вѣра въ загробную жизнь, въ безсмертіе человѣческой души, въ духовность ея и, наконецъ, въ Божественность вѣры Христовой. Плодомъ этой вѣры не только явились среди русскаго народа, но вошли въ плоть и кровь его—любовь къ ближнему, великодушіе, отсутствіе необузданнаго пристрастія къ такъ называемымъ земнымъ благамъ, изъ-за которыхъ, положительно можно сказать, русскій народъ никогда не согласился бы отравлять другіе народы опиумомъ или подобными ему веществами и притѣснять до уничтоженія или рабскаго состоянія покоренныя племена и т. д.»¹⁾. Итакъ, простая, но непоколебимая вѣра народа, поддерживавшая и поддерживающая его среди самыхъ тяжелыхъ страданій въ его жизни, и правила христіанской нравственности, легшія въ основу его жизни, воплотившіяся въ его нравахъ и обычаяхъ и сообщившія русскому простому народу здравый смыслъ, который предохранилъ его отъ бредней и соблазновъ лже-народолюбцевъ,—вотъ черты, характеризующія религіозно-нравственное направленіе жизни простаго русскаго народа. Но такъ какъ это направленіе жизни стоитъ въ зависимости отъ преобладанія чувства, вообще безотчетнаго, и отличается простотою, «неотвѣтчивостію», то вмѣстѣ съ этимъ въ религіозной жизни простаго русскаго народа уживается и много грустныхъ явленій.

Существуетъ мнѣніе, что въ простомъ русскомъ народѣ истинная религіозность человѣка подавлена и что въ совре-

¹⁾ Палимпсестовъ, «За истину и правду». Москва. 1882, стр. 77—78.

менной религиозной жизни его усматривается религиозно-нравственная «деморализация». Мудрено, разумеется, упрекать цѣлый народъ въ деморализаціи, но двойчатость, непродуманность мысли и дѣла по христіанству—это почти фактъ. Извѣстна цѣлая серія этихъ чисто бытовыхъ фактовъ. «Божьи странники-богомольцы» собираютъ на Гробъ Господень и тутъ же, ради, пожалуй, такой же цѣли, не задумаются украсть; русскій купецъ безъ стѣсненія обманетъ своего покупателя и тутъ же пообѣщаетъ поставить святому трехпудовую свѣчу. Масса суевѣрій приводитъ и причудливѣйшимъ образомъ переплетается съ обрядностью христіанской. Услышитъ ли простой русскій человѣкъ благовѣсть, онъ обязательно сотворитъ крестное знаменіе, но сдѣлаетъ это непременно только послѣ третьяго удара въ колоколъ, потому что два первые «гонятъ нечистую силу съ церкви». Фактовъ этого рода много. Бываютъ примѣсы и похуже. Извѣстна, напр., вѣра народная въ колдуновъ,—вѣра съ подкладкой языческой. Извѣстно, напр., что народъ усердно устрояетъ, такъ называемыя, богомолья и тутъ же почитаетъ благочестивымъ дѣломъ во время эпидемическихъ болѣзней опаживать свои селенія на запряженной въ соху бабѣ. Но такъ бываетъ у насъ и не съ однимъ только простонародьемъ... Постоянный и вѣчный разладъ между словомъ и дѣломъ замѣчается и у ревнителей русскаго благочестія. Послушать ихъ слова, такъ это—люди, всецѣло преданные религіи и живущіе только и единственно ея интересами, какъ хлѣбомъ насущнымъ. Но стоитъ присмотрѣться къ практической дѣятельности такихъ ревнителей, какъ вынесешь убѣжденіе, что для нихъ нѣтъ ничего святаго—ни истинъ вѣроученія, ни истинъ нравственности: всѣ эти истины всецѣло и безусловно попираются практическою дѣятельностію. И тѣмъ опаснѣе для религиозно-нравственныхъ интересовъ подобная дѣятельность этихъ ревнителей, чѣмъ сфера дѣятельности ихъ шире: стоитъ только припомнить дѣятельность самарскаго и саратовскаго раскольническихъ архіереевъ, чтобы уяснить себѣ ту глубину вреда, которою они заражаютъ своихъ пасомыхъ... И всѣ эти факты, взя-

тые въ цѣломъ, говорятъ только одно: при поразительномъ богатствѣ духа, удивительная, поразительная скудость знанія и сознанія или, точнѣе сказать, пониманія.

Именно скудость религіознаго знанія, эта безотвѣтчивость въ пониманіи,—она и влечетъ за собою въ жизни нашего народа много некрасивыхъ явленій. О нашемъ народѣ извѣстно, напр., что онъ любитъ читать и слушать «божественное», любитъ до такой степени, что и на свѣтскую народную школу смотритъ даже не вполне одобрительно. Проповѣдь съ церковной кафедры естественно возбуждаетъ у него особенное вниманіе. «Стоитъ только проповѣднику открыть уста», пишетъ по этому поводу въ своихъ замѣткахъ о. Троицкій ¹⁾, «какъ тотчасъ же вылетаютъ у слушателей, какъ будто-бы на-припасѣ, вздохи, стоны, проливаются обильнымъ потокомъ слезы, потому «больно ужъ хорошо говорить»; а что говорить, «это ужъ гдѣ намъ, грѣшнымъ, понять; понять-то оно, пожалуй, еще поймемъ, за то ужъ толковать не сможемъ». И въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «народъ охотно слушаетъ напр. слово о любви, и одинъ ея видъ (кусочная и копѣчная благотворительность) ему особенно полюбился, но вообще слушаетъ проповѣдь только до тѣхъ поръ, пока она открываетъ ему какіе-нибудь новые виды, среди которыхъ онъ еще не успѣлъ разобраться. Но какъ только дѣло доходитъ до требованій самоограниченія и перевоспитанія себя въ духѣ совершенной любви,—онъ отходитъ «скорбя», находя, что съ насиченнымъ образомъ мыслей живется легче». По объясненію о. Троицкаго, указанное явленіе имѣетъ то толкованіе, «что смыслъ словъ проповѣдника, какъ извѣстной, отдѣльной истины, народъ еще понимаетъ; но подогнать ее къ мѣркѣ своего общаго міровоззрѣнія уже не въ силахъ, она съ нимъ не клеится, и провести ее въ жизнь поэтому трудно». А при такомъ способѣ пониманія «божественнаго», естественно, у нашего народа замѣчается нерѣдко отсутствіе тѣсной связи между истинами религіи и обыденною нравственностію. Этимъ

¹⁾ «Странникъ», 1882, Май, стр. 72—73.

объясняется уживчивость разгульнаго пьянства и удалства его, проявляемыхъ обыкновенно въ праздничные дни по окончаніи церковнаго богослуженія, послѣ богомоленій и даже послѣ принятія такого великаго таинства, какъ таинство Евхаристіи. Случаевъ этого рода множество ¹⁾).

Безотчетность, «неотвѣтчивость» вѣры нашего простаго народа обусловливаетъ собою и то грустное явленіе въ его религіозной жизни, которое зависитъ отъ неразличаемости, смѣшенія догмата и обряда и которое принято называть обрядовымъ благочестіемъ русскаго человѣка. Въ религіозной жизни русскаго народа обрядовая сторона вѣры всегда почти стоитъ на первомъ планѣ и заслоняетъ собою то, что принято называть духомъ, сущностью религіи. Нужно ли прибавлять, что и самые обряды, благодаря смѣшенію ихъ съ догматами, въ глазахъ полу-и малос-образованнаго народа утрачиваютъ свое настоящее значеніе и смыслъ? Они уже не имѣютъ въ глазахъ его символическаго или знаменательнаго значенія и не служатъ драматическимъ выраженіемъ религіозной мысли, а разсматриваются, какъ прямые средства сообщенія съ Божествомъ и даже вліянія на Него. Оттого въ религіозномъ обрядѣ народъ наклоненъ видѣть какую-то волшебную, таинственную силу и въ количествѣ исполняемыхъ обрядовъ признавать вполнѣ достаточныя основанія для благоугожденія Богу и спасенія своей души. Вмѣстѣ же съ этимъ естественно и въ воззрѣніи народа на религію

¹⁾ Извѣстна въ этомъ отношеніи характеристика мужика, представленная въ письмѣ крестьяниномъ же. «Мужикъ Бога забылъ, оставилъ храмъ Божій, ѣдетъ на базаръ», пишетъ между прочимъ мужикъ: «вмѣсто молитвы за своего Освободителя, онъ съ жидомъ празднословитъ. Вмѣсто поклоновъ земныхъ, онъ валяется пьяный на землѣ; вмѣсто (того, чтобы) слезъ пролить предъ Богомъ, ему рожу разобьютъ жида и кровію облить. Мужикъ летитъ изъ церкви стремглавъ къ жиду причастіе запитъ, а жидъ, какъ противникъ Богу и православному народу, нарочно въ поруганіе святыни поздравляетъ мужика и первымъ долгомъ свою осьмушку наливаетъ. Починъ легокъ, мужикъ начинаетъ кутить до того, что у него потечетъ изъ носу и изо рту. На другой день мужикъ идетъ поправляться, а жидъ съ поруганіемъ святыни одобряетъ его». («Отеч. Зап.» 1882, № 3).

должна быть неправильность. Характеризуя эту сторону религіозной жизни русскаго простаго народа, о. Троицкій, между прочимъ, замѣчаетъ ¹⁾: «постъ, молитва, бдѣніе, поклоны для народа имѣютъ значеніе талисмановъ, въ коихъ главную роль играетъ количественность и внѣшняя обстановка... Въ религіи вниманіе народа приковывается къ себѣ исключительно элементъ чудесный; онъ любитъ въ ней все поражающее чувство и умъ, дающее особенную пищу воображенію, уносящее его въ область фантазіи, то-есть, именно то, что имѣетъ наименьшую цѣну въ очахъ Божіихъ. Святость и богоугодность для него неразлучны или съ даромъ пророчества, или съ даромъ чудотвореній, или съ особенной увлекающей сладкорѣчивостью, раскрывающей «тайны вся»; обычная для нея форма—въ какой нибудь необычайности подвига, въ строгомъ, напимѣръ, отшельничествѣ, юродствѣ, мученичествѣ».

Справедливо поэтому говорить и иностранецъ М. Уоллесъ, когда дѣлаетъ общіе выводы о нашей религіозности. «Русскій народъ, замѣчаетъ онъ, въ нѣкоторомъ отношеніи религіозенъ. Онъ постоянно ходитъ въ церковь по воскресеньямъ и по праздникамъ, крестится нѣсколько разъ, проходя мимо церкви или иконы, говѣетъ въ указанное время, не ѣстъ скоромнаго не только по пятницамъ и средамъ, но и въ продолженіи весенняго и другихъ постовъ, иногда ходитъ на богомолье къ святымъ мѣстамъ, однимъ словомъ, въ точности исполняетъ всѣ обряды, которые считаетъ необходимыми для спасенія души. Но этимъ религіозность русскихъ и ограничивается. Обыкновенно они совсѣмъ не знаютъ религіозныхъ доктринъ и мало знакомы, или почти незнакомы, съ Священнымъ Писаніемъ; у нихъ нѣтъ тѣснаго соединенія религіи съ обыденною нравственностію». Если въ этой характеристикѣ и есть нѣкоторая неправильность, то она заключается развѣ въ недостаточномъ знакомствѣ автора съ самымъ характеромъ русской религіозности. Вѣра русскаго народа, не разумѣющаго ее отвѣтчиво и научно, не

¹⁾ «Странникъ», 1882, Май, стр. 71—72.

столько служить руководительнымъ началомъ его воли, не столько проявляется въ умѣ, опредѣляетъ характеръ его мышленія, сколько содержится въ сердцѣ, въ чувствѣ, этомъ средоточіи духовной жизни,—чѣмъ и объясняются какъ сильныя проявленія ея въ извѣстные моменты народной жизни, такъ и уклоненія въ области ея.

Какія же данныя можно извлечь изъ религіозной жизни русскаго народа для дѣла религіознаго воспитанія и обученія? Съ одной стороны—внѣшнее, формальное, а съ другой—безотчетное, неосмысленное отношеніе русскаго народа къ предмету религіозной жизнедѣятельности прямѣе и скорѣе указываетъ на то, чего не должно быть въ религіозной жизни его, чѣмъ на то, что въ ней есть, и болѣе со стороны отрицательныхъ явленій въ ней, какъ бы *e contrario*, позволяетъ высказать нѣсколько общихъ положеній, имѣющихъ цѣну и значеніе для постановки религіознаго воспитанія и обученія въ нашихъ семьяхъ и школахъ. Въ виду предшествующей общей характеристики религіозной жизни русскаго народа, для дѣла религіознаго воспитанія и обученія у насъ могутъ быть важны слѣдующія начала:

а) Русскій народъ, какъ православно-христіанскій народъ, въ религіозной жизнедѣятельности усваиваетъ важное значеніе теоретическимъ истинамъ и обрядовой сторонѣ религіи и стремится сохранять и поддерживать между ними столь же тѣсную и неразрывную связь, какая существуетъ между духомъ и тѣломъ человѣка.

б) Въ своемъ эмпирически наблюдаемомъ, дѣйствительномъ состояніи религіозная жизнь его представляетъ много ненормальныхъ явленій и ставитъ вопросъ о средствахъ къ ихъ устраненію и искорененію.

в) Между образованными классами русскаго народа существуетъ чисто внѣшнее, формальное отношеніе къ религіознымъ предметамъ и дѣйствіямъ, чуждое искренней, сердечной, задушевной религіозности и потому весьма непрочное, неустойчивое.

г) Напротивъ, огромная необразованная масса народа, при глубинѣ и интенсивности своей вѣры, проявляетъ безот-

четное, «не отвѣтчивое» отношеніе къ религіознымъ предметамъ, свидѣтельствующее о непониманіи ея духа религіи Христовой, объ отсутствіи правильнаго и яснаго понятія о Богѣ христіанской религіи и о полномъ невѣдѣніи явленій природы, своею неизвѣстностію внушающихъ ей страхъ и ужасъ.

Если примемъ во вниманіе, что всякое явленіе въ жизни человѣческой продолжаетъ существовать до тѣхъ поръ, пока въ наличности будутъ находиться причины его; то будетъ ясно, на что должно быть обращено главное вниманіе при религіозномъ воспитаніи и обученіи русскаго народа, въ видахъ и цѣляхъ дѣйствительнаго возвышенія и улучшенія уровня религіозно-нравственнаго развитія его.

V.

Указанія изъ области богословско-христіанскаго знанія.

Данными антропологической науки и данными изъ области религіозной жизни русскаго народа, какъ уже было замѣчено, опредѣляется постановка религіознаго воспитанія и обученія только въ его субъективномъ факторѣ. Но невозможно остановиться только на одномъ этомъ опредѣленіи. Христіанство, въ ряду всѣхъ религій человѣчества, занимаетъ особое мѣсто и есть религія человѣчества исключительная, внѣ общей схемы прочихъ религій. Чтобы дать ребенку христіанское религіозное воспитаніе и обученіе, нельзя ограничиваться только общими субъективными требованіями относительно религіознаго воспитанія и обученія—человѣка вообще. Особенность христіанской религіи указываетъ и опредѣляетъ и объективную сторону, объективныя цѣли и средства въ религіозно-христіанскомъ воспитаніи.

Извѣстно, что самая религія понимается и опредѣляется мыслящими людьми далеко неодинаково. Естественнo также, что христіанство, явившееся въ міръ, какъ религія новая, призванная возродить человѣчество и обновить его для

новой совершеннѣйшей жизни, своимъ понятіемъ о религіи существенно отличается отъ всѣхъ другихъ аналогичныхъ опредѣленій, возникшихъ на почвѣ рациональныхъ изысканій человѣка. Съ точки зрѣнія христіанства, религія не есть только культъ, требующій для своего поддержанія организованнаго класса людей, «которые были бы», какъ выразился одинъ ученый (Клиффордъ), «специалистами по части произнесенія словъ, умиловствующихъ небо, и совершенія обрядовъ, имѣющихъ такой же точно смыслъ»,—хотя религіозный культъ и составляетъ необходимую принадлежность истиннаго христіанства. Оно не есть и отвлеченно-разсудочная доктрина или теорія, свойственная, по воззрѣнію позитивной философіи, только низшей ступени развитія человѣчества,—хотя, внѣ всякаго сомнѣнія, теоретическое ученіе опять составляетъ неизбѣжную принадлежность и христіанства. Нельзя считать религіи и системой только нравственныхъ заповѣдей или кодексомъ правилъ, опредѣляющихъ все поведеніе людей и имѣющихъ свое основаніе въ постулатахъ практическаго разума (Кантъ),—какъ нельзя считать и просто религіозной настроенностью внутренняго человѣческаго чувства, образующейся вслѣдствіе непосредственнаго общенія человѣка съ Богомъ и при этомъ общеніи получающаго непосредственное таинственное озареніе и указаніе для всей своей дѣятельности (Твестенъ):—и нравственныя правила и религіозная настроенность предполагаются христіанствомъ, но взятая въ отдѣльности вовсе еще не опредѣляютъ его сущности. Если во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ—въ ихъ сложности и отдѣльности—искать положительнаго начала, то, отправляясь отъ нихъ, можно, конечно, утверждать, что потребность религіи коренится въ самомъ существѣ человѣка и многообразно и многообразно въ немъ проявляется; можно оправдывать самый фактъ всякой религіи (какъ впрочемъ съ одинаковымъ удобствомъ и отрицать ея сущность,—примѣръ—позитивисты и Фейербахъ); можно, пожалуй, дѣлать и такой выводъ, что религія—очень сложный процессъ въ психической жизни и что ею обнимаются всѣ стороны психической дѣятельности человѣка; но чѣмъ

собственно отличается религіозный процессъ христіанина отъ такого же процесса не-христіанина,—объ этомъ раціональнныя опредѣленія религіи вовсе не говорятъ и завѣдомо не уясняютъ какъ особенностей, такъ и сущности христіанства. Съ этой же раціональной точки зрѣнія нельзя поэтому дать и руководящихъ началъ для постановки христіанскаго религіознаго воспитанія и обученія.

Между христіанскими богословами, опредѣлявшими сущность и особенности христіанства, издавна установлена своя—особая формула для краткаго выраженія христіанскаго понятія о религіи. По формулѣ христіанскихъ богослововъ, *религія есть союзъ Бога съ человѣкомъ*, или взаимоотношеніе между безконечнымъ личнымъ Духомъ и конечнымъ личнымъ человѣческимъ духомъ. И съ богословско-христіанской точки зрѣнія эта краткая формула имѣетъ несомнѣнно глубокой смыслъ. Богъ христіанской религіи есть дѣйствительно абсолютное и личное Существо. Какъ абсолютное Существо, Богъ не можетъ быть постигнутъ конечнымъ существомъ—человѣкомъ безъ самооткровенія Бога, не только вслѣдствіе разстройства духовныхъ силъ человѣка послѣ его грѣхопаденія, но и просто только вслѣдствіе его конечности, ограниченности. Поэтому во взаимоотношеніи Бога и человѣка самою природою существъ, составляющихъ религіозный союзъ, требуется Божественное Откровеніе или самооткровеніе Бога, безъ котораго человѣкъ не могъ ни вступить въ союзъ съ Богомъ, ни сохраняться въ немъ. Но при свободѣ существъ, составляющихъ религіозный союзъ, христіанство не знаетъ откровенія въ такомъ смыслѣ и родѣ, чтобы человѣкъ, которому сообщается это откровеніе, въ религіозномъ содержаніи своего сознанія былъ какъ бы продуктомъ этого самооткровенія Бога, или же, оставаясь отдѣльнымъ, особеннымъ отъ самооткрывающагося Бога существомъ, онъ несъ при этомъ чисто пассивную роль, былъ бы существомъ настолько же страдательнымъ, механически воспринимающимъ и выполняющимъ идеи божественныя, насколько страдательно положеніе къ вѣлѣніямъ Божиимъ прочихъ существъ и предметовъ тварнаго-видимаго міра. Въ христіанствѣ от-

кровеніе дается человѣку въ мѣрѣ его собственнаго развитія и усовершенія, отвѣчаетъ на требованія его собственныхъ, личныхъ исканій Бога. Итакъ, въ христіанскомъ религіозномъ союзѣ, въ зависимости отъ природы составляющихъ его существъ, безконечный Духъ по Своей благодати и любви самооткрывается, а человѣческій духъ свободно воспринимаетъ Его откровенія. Какъ учить Библія, такой именно, религіозный союзъ сталъ существовать съ первыхъ моментовъ существованія человѣка и существовалъ во время невиннаго состоянія человѣка. Но, какъ извѣстно, невинное состояніе человѣка было возмущено: человѣкъ палъ. Слѣдствіемъ грѣхопаденія было и то, что взаимоотношеніе въ религіозномъ союзѣ не сохранилось въ томъ чистомъ и какъ-бы непосредственномъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ раю. Оставаясь по существу также союзомъ между Богомъ и человѣкомъ, послѣ грѣхопаденія человѣка религія сдѣлалась существенно религіею спасенія, то есть, совершаемаго, при помощи Божіей и при самодѣятельномъ со стороны падшаго участіи, освобожденія человѣка отъ порчи и заразы грѣховной, вошедшей въ его природу, и возстановленія его невиннаго и чистаго состоянія: борьба и страданіе сдѣлались неизбѣжнымъ, естественнымъ путемъ развитія и усовершенія человѣка. Итакъ, христіанская религія въ своемъ проявленіи есть существенно—исторія Откровенія и спасенія человѣчества подъ благодатнымъ воздѣйствіемъ на него Божества, а съ другой стороны—она есть дѣло спасенія человѣка, въ которомъ имѣетъ дѣятельное участіе Богъ, Своимъ содѣйствіемъ помогающій человѣку въ борьбѣ съ зломъ и въ постепенномъ освобожденіи его изъ-подъ власти зла ¹⁾).

Эти существенныя, отличительныя особенности христіанства, *implicite* заключающіяся въ богословско-христіанскомъ понятіи о религіи, прежде всего, совершенно разсѣваютъ

¹⁾ Болѣе подробное развитіе этихъ мыслей можно читать во II отд. 2-го тома «Учебно-воспитательной бібліотеки». Москва, 1878 г., стр. 11—14.

то глубокое предубѣжденіе противъ религіознаго воспитанія и обученія человѣка, которое вслѣдъ за Руссо высказывается педагогами (у насъ напр. г. Стоюнинымъ) въ виду кажущейся недоступности религіи для ребенка, какъ неспособнаго къ ея пониманію по своему развитію. Съ точки зрѣнія богословско-христіанскаго понятія о религіи, религіозный процессъ не есть исключительная принадлежность разсудочной дѣятельности человѣка, не есть только разсудочный процессъ, въ концѣ концовъ сопровождающійся выработкою, такъ называемаго, религіознаго знанія. Религіозный процессъ проявляется и въ другихъ психическихъ дѣятельностяхъ человѣка—въ его чувствованіяхъ, его нравственномъ поведеніи и даже во внѣшнихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ, какъ это бываетъ при совершеніи различныхъ обрядовъ и церемоній,—короче, онъ объемлетъ собою цѣльнаго человѣка—вполнѣ, а не отдѣльною какою-либо частію своего существа вступающаго во взаимоотношеніе съ Богомъ. Слѣдовательно, религія можетъ существовать въ человѣкѣ помимо разсудочной сферы и внѣ ея; а если такъ, то ея начало возможно до полнаго развитія познавательной дѣятельности человѣка. Истинность этого вывода тѣмъ несомнѣннѣе, что и антропологическія науки за начало дѣятельности человѣка,—слѣдовательно и познавательной,—признаютъ влеченія человѣка и на ихъ основѣ развивающіяся чувствованія. Отсюда слѣдуетъ, что педагоги въ духѣ Руссо ошибочно утверждаютъ невозможность начинанія религіознаго воспитанія и обученія въ раннемъ возрастѣ ребенка, когда у него еще слабо развита познавательная дѣятельность. Дѣло въ томъ, что возможно и должно начинать религіозное воспитаніе не чрезъ воздѣйствіе на познавательныя силы ребенка сообщаемыми ему представленіями и идеями, т. е. не чрезъ обученіе религіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, но чрезъ вызовъ какъ-бы къ бытію, къ проявленію тѣхъ задатковъ, которые уже кроются въ природѣ его сверхъ задатковъ познавательныхъ способностей, то есть, чрезъ воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. «Обученіе въ педагогикѣ вообще мыслится, говорить г. Гренковъ¹⁾, какъ

моментъ позднѣйшій, слѣдуемый за другимъ, который *прежде* его и шире его,—именно воспитаніемъ. Только подъ условіемъ религіознаго воспитанія возможно обученіе, только тамъ умѣстны уроки Закона Божія, гдѣ есть элементарныя формы религіи, какъ живыя ощущенія: законоучитель есть продолжатель чужаго дѣла, прежде него сдѣланнаго, и школа съ своимъ преподаваніемъ Закона Божія, какъ школьнаго предмета обученія, есть только помощница главному фактору религіознаго развитія—семѣ и Церкви, на которыхъ лежитъ педагогическая миссія сдѣлать дѣтей религіозными». Изъ сейчасъ сказаннаго не слѣдуетъ впрочемъ, что обученіе религіи—дѣло излишнее, не нужное; законы развитія чувствованій и цѣльная совмѣстность развитія психическихъ дѣятельностей человѣка прямо предполагаютъ необходимость его. Сказанное даетъ право утверждать только, что въ религіозномъ развитіи человѣка воспитаніе важнѣе обученія и должно предшествовать ему, а обученіе составляетъ только дополненіе воспитанія и непременно должно опираться на немъ, какъ на своемъ естественномъ основаніи.

Далѣе, по богословско-христіанскому понятію, религія въ своемъ проявленіи есть исторія откровенія Бога человѣку и исторія спасенія человѣка при помощи Божіей. Слѣдовательно, Богъ христіанскій, какъ Богъ любви и Искупитель, доступенъ возможной мѣрѣ человѣческаго познанія только подъ условіемъ серьезнаго знакомства съ этою исторією: дѣла любви Бога къ человѣку и дѣло искупленія послѣдняго по неизреченной благодати и любви Божіей со всею ясностію открылись въ исторіи откровенія и спасенія и могутъ быть уразумѣваемы только въ исторіи. Въ то же время, и человѣческая природа съ ея достоинствами и недостатками, мѣра ея паденія чрезъ грѣхъ и самостоятельныя попытки ея въ борьбѣ со зломъ,—все это также обнаружилось за все время человѣческой исторіи и можетъ быть уяснено только подъ условіемъ знакомства съ этою исторією. На этомъ основаніи истинно христіанское развитіе и образованіе человѣка не-

1) «Правосл. Собесѣдн.», 1873, т. 3, стр. 561—562.

избѣжно требуетъ со стороны христіанина знанія исторіи Откровенія и спасенія. Это знаніе исторически введетъ человѣка въ область христіанской мысли и жизни, дастъ ему возможность прослѣдить своимъ умомъ факты Божіей спасающей любви и человѣческой немощи и своимъ сердцемъ пережить—вмѣстѣ съ ветхозавѣтнымъ человѣкомъ—страданіе и немощи въ борьбѣ, вмѣстѣ съ новозавѣтнымъ—радость освобожденія и побѣды. Поэтому знаніе исторіи откровенія и спасенія не только обогатитъ человѣка теоретическими познаніями, но и возбудитъ и укрѣпитъ въ немъ религіозно-христіанское настроеніе и тѣмъ самымъ дѣйствительно послужитъ введеніемъ человѣка въ разумный союзъ съ Богомъ.

Съ другой стороны, христіанская религія, какъ дѣло спасенія, совершаемое человѣкомъ при содѣйствіи Божіемъ, предполагаетъ самодѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ самого человѣка и цѣлый рядъ послѣдовательно и постепенно совершенныхъ имъ дѣйствій для устроенія своего спасенія при помощи Божіей. Самостоятельныя дѣйствія человѣка въ этомъ отношеніи представляютъ собою, такъ сказать, чисто человѣческій элементъ въ исторіи спасенія человѣка и даютъ свидѣтельство о религіозномъ и нравственномъ развитіи и совершенствованіи человѣка. Они обнаруживаютъ его достоинства и недостатки въ устраненіи своего спасенія и указываютъ какъ пути, прямо ведущіе къ цѣли, такъ и пути отклоненія отъ этой цѣли. Итакъ, если религіозно-христіанское развитіе и образованіе человѣка имѣетъ свою цѣлю ознакомить человѣка съ исторіей Божественнаго Откровенія и спасенія въ связи съ ходомъ развитія челоѣчества, то при этомъ предполагается необходимымъ ознакомленіе и съ чисто человѣческою стороною въ исторіи спасенія. Только подъ условіемъ этого ознакомленія челоѣкъ въ состояніи будетъ уяснить себѣ взаимоотношеніе двухъ свободныхъ существъ—Бога и челоѣка въ религіозномъ союзѣ и проникнуться истинно-религіознымъ духомъ. Но при этомъ цѣли религіознаго образованія собственно указываютъ нѣкоторыя ограниченія исторіи чело-

вѣчества. «Человѣческій элементъ исторіи библейской выступаетъ здѣсь лишь настолько, насколько онъ необходимъ для выясненія фактовъ дѣла спасенія человѣчества, насколько онъ самъ собою сопровождаетъ эти послѣдніе факты. Главною и преобладающею должна быть идея спасенія, которая должна раскрываться въ ряду послѣдовательныхъ фактовъ Св. Исторіи, которая поэтому и должна руководить историковъ въ выборѣ этихъ фактовъ» ¹⁾).

Указанными данными изъ области богословско-христіанскаго знанія, для руководства въ дѣлѣ религіознаго воспитанія и обученія, даются слѣдующія общія начала:

а) Религія, какъ исторія Откровенія и спасенія человѣка, въ своемъ проявленіи, въ существѣ своемъ есть необходимое послѣдствіе благодати и любви Божіей къ человѣку, безъ содѣйствія ея не могущему достигать совершенства и мѣры возраста исполненія Христова и содѣвать свое спасеніе.

б) Въ человѣческой жизни она объемлетъ все существо человѣка, простирается на всѣ его духовныя силы и, въ силу такой сложности, существуетъ въ немъ прежде достиженія имъ опредѣленной мѣры развитія своихъ умственныхъ силъ.

в) Поэтому развитіе христіанской религіозности въ человѣкѣ можетъ совершаться не посредствомъ только воздѣйствія на умъ человѣка сообщеніемъ ему религіозныхъ знаній, но и преимущественно посредствомъ воздѣйствія проявленіями спасающей любви Божіей на другія стороны человѣческой природы.

¹⁾ Учебно-воспит. Библіотека, т. 2, отд. II, стр. 18

VI.

Начало и исходный пункт религіознаго воспитанія и обученія.

Когда, съ какого возраста начинать религіозное воспитаніе и обученіе дѣтей? На этотъ вопросъ существуетъ два противоположныхъ отвѣта.

Въ педагогической практикѣ христіанскаго міра издревле религіозное воспитаніе и обученіе начиналось съ молокомъ матернимъ. «Долгое время», пишетъ г. Гренковъ, «педагогическая практика ставила во главу угла религіозное обученіе дѣтей» ¹⁾, а «народное образованіе издавна отождествлялось съ религіознымъ просвѣщеніемъ и совершалось служителями церкви, то есть духовенствомъ, которое смотрѣло на это дѣло какъ на одну изъ существенныхъ обязанностей своего пастырскаго служенія» ²⁾. Такое практическое рѣшеніе вопроса педагоги старались оправдать и теоретически. На томъ основаніи, что «религіозное чувство лишь тогда въ состояніи пріобрѣсти устойчивость, когда оно какъ можно ранѣе запечатлѣно въ сердцѣ человѣка», Бенеке считаетъ «необходимымъ начинать религіозное воспитаніе уже съ ранняго дѣтства» ³⁾. Въ защиту ранняго начинанія религіознаго воспитанія и обученія г. Ельницкій приводитъ слѣдующія соображенія. «Неосновательно было бы думать», говоритъ онъ ⁴⁾, «что не слѣдуетъ касаться религіознаго воспитанія до тѣхъ поръ, пока не раскроется разумѣніе ребенка до такой степени, что онъ въ состояніи будетъ уразумѣть религіозныя истины. Религіозныя истины доступны лишь вѣрѣ и чувству. Въ дѣтскомъ возрастѣ человѣкъ даже болѣе воспріимчивъ къ тому, что вліяетъ на чувство и вѣру, чѣмъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Если отложить религіозное воспитаніе до болѣе зрѣлаго возраста, то произойдетъ

¹⁾ Православн. Собесѣдн., 1873, т. I, стр. 551.

²⁾ Церковь и Школа. Казань. 1875, стр. 8—9.

³⁾ Руководство къ воспитанію и обученію. Спб., 1875, ч. I, стр. 342.

⁴⁾ Общая педагогика. Спб., 1881, стр. 183.

то же, что произошло бы, если бы и нравственное воспитание отложить до болѣе зрѣлаго возраста. Въ душѣ воспитанника, не пропитаннаго своевременно религіозными чувствами, могли бы образоваться такіе слѣды, при которыхъ трудно было бы впослѣдствіи возбуждать истинно-религіозныя чувствованія». Къ тому же заключенію, только съ другой точки зрѣнія, приходитъ и о. Базаровъ. «Божественное ученіе Іисуса Христа», пишетъ онъ ¹⁾, «имѣетъ то чудное свойство, что оно равно доступно для умовъ младенческихъ, какъ неисчерпаемо для самыхъ глубокихъ мыслителей. Христіанство даже болѣе приложимо къ возрасту дѣтскому, чѣмъ къ лѣтамъ взрослымъ, и именно потому, что оно такъ близко къ природѣ человѣка, а природа эта въ дѣтяхъ чище и неповрежденнѣе, чѣмъ въ людяхъ взрослыхъ. Строго опредѣлить срокъ начала обученія Закону Божію отъ священника нельзя. Начало это много зависитъ отъ степени развитія дитяти. Но если и для сего нужно правило (а оно дѣйствительно нужно для избѣжанія часто неправильныхъ сужденій о степени развитія понятій въ дѣтяхъ), то оно намъ указано самою церковію. Правило это опредѣляетъ отроческій періодъ считать съ семилѣтняго возраста. Начало законоученія должно, если и незадолго, непременно предшествовать первой исповѣди».

Но это мнѣніе педагоговъ о времени начинанія религіознаго воспитанія и обученія, какъ извѣстно, встрѣчаетъ себѣ и рядъ возражателей. Еще Руссо, желавшій только поставить своего Эмиля въ состояніе избрать ту религію, къ которой его приведетъ лучшее употребленіе разума, о современной ему практикѣ религіознаго воспитанія и обученія писалъ: «для того, чтобы сдѣлать дѣтей благочестивыми, ихъ безпрестанно водятъ въ церковь скучать; заставляя поминутно бормотать молитвы, ихъ вынуждаютъ подумывать о томъ, какъ бы совсѣмъ не молиться». Такъ какъ въ дѣтскомъ возрастѣ у ребенка употребленіе разума въ высшей степени ограничено и скудно, то названный

¹⁾ О христіанскомъ воспитаніи, стр. 16, 55.

мыслитель и считалъ излишнимъ воспитывать ребенка религіозно въ младенческомъ и даже отроческомъ возрастѣ. «Лучше не имѣть никакого понятія о Божествѣ», говорилъ онъ, «нежели имѣть понятія низкія, своенравныя, поносительныя и недостойныя Его; меньшее зло не знать Его, нежели богохульствовать». Филантропистъ Базедовъ, выходя изъ положеній, что учить религіи невозможно и что религія не есть предметъ знанія, а мотивъ для дѣятельности, утверждалъ, что «изъ религіи должно быть вычеркнуто все, что можетъ возбуждать чувство страха и унынія. Богъ есть любовь. Пусть же въ дѣтской душѣ слагаются чувства, вызываемыя только этимъ представленіемъ о Богѣ» ¹⁾. Главныя основанія, по которымъ Руссо съ своими послѣдователями, въ особенности филантропистами, высказываются противъ ранняго начинанія религіознаго воспитанія и обученія, сводятся къ тому, что религіозныя истины совершенно непонятны для ребенка до двѣнадцати или четырнадцати лѣтъ, что ребенокъ не можетъ въ нихъ надлежащимъ образомъ вникнуть, а такъ какъ истины эти должны служить образцами того, что имѣетъ въ виду сообщить ему воспитатель, то, до наступленія зтого возраста, ребенку вообще нельзя еще ничего говорить о религіи. Точка отправленія, повидимому, совершенно правильная. Совершенно, конечно, вѣрно, что религіозныя истины не легко поддаются анализу ума и что религія, какъ высшее проявленіе челоуѣческаго духа, по своему внутреннему существу, еще не можетъ найти въ дѣтяхъ надлежащаго пониманія и сочувствія. Житейскія условія и степень развитія дѣтей лежатъ еще внѣ ея круга; ихъ взоръ еще не можетъ подняться до той высоты, съ которой она господствуетъ надъ людьми. Для ребенка вѣра въ безсмертіе души еще имѣетъ мало значенія: такъ еще онъ полонъ жизни и такъ далеко стоитъ отъ яснаго и глубокаго представленія объ уничтоженіи, что было бы странно требовать и искать опоры противъ подавляющаго впечатлѣнія такого уничтоженія. Понятія Боже-

¹⁾ См. у Праотца во «Всеобщей исторіи педагогики».

ственного Промысла и міроправленія еще мало доступны ребенку, пока родители удовлетворяютъ всѣмъ его нуждамъ, а эти послѣднія исчерпываются для него окружающими его предметами. Но, съ другой стороны, надобно помнить и то, что истины религіи Христовой, утаенныя отъ премудрыхъ и разумныхъ, открыты младенцамъ, и Спаситель всѣмъ говоритъ: *еще не обратитесь и будете яко дѣти, не увидите въ царство небесное* ¹⁾. Надобно помнить также, что полное пониманіе религіозныхъ истинъ никогда не можетъ быть доступно человѣку. Ученѣйшій богословъ не можетъ сказать, что постигъ своимъ умомъ, помимо вѣры, всѣ истины религіи. Высшее развитіе религіознаго сознанія не подразумѣваетъ поэтому вполнѣ яснаго пониманія, и такимъ образомъ религія всегда должна оставаться для насъ не вполнѣ понятной: *видимъ убо нынѣ яко зеркаломъ въ гаданіи*, говоритъ Апостолъ. Уже по этимъ однимъ основаніямъ возрѣнія школы Руссо на начало религіознаго воспитанія и обученія значительно ослабляются въ своей силѣ. Но, помимо слабости по основѣ, это возрѣніе оказывается и положительно ошибочнымъ. Ошибка его заключается въ томъ, что Руссо съ своими послѣдователями понимаетъ религію, какъ знаніе, а самое отношеніе человѣка къ содержанію религіи—какъ отношеніе ко всякой научной истинѣ ²⁾. Не повторяя сказаннаго прежде противъ такого взгляда на религію, ограничимся здѣсь приведеніемъ сужденія по этому вопросу извѣстнаго педагога Бенеке. «Религіозныя чувства и убѣжденія», говоритъ Бенеке ³⁾, «покоются собственно не на пониманіи, а на согласіи своемъ съ высшими нравственными и духовными потребностями, на живой возбудимости, глубинѣ, силѣ и выдержкѣ; а такъ какъ эти послѣднія совершенства пріобрѣтаются лишь большимъ количествомъ слѣдовъ, то уже съ дѣтства должно быть заложено основаніе для правильнаго развитія религіозныхъ чувствъ. При-

¹⁾ Мѣ. 18, 3.

²⁾ См. подробно въ «Правосл. Собесѣд. 1873, Т. 3, стр. 555 и др.

³⁾ Op. cit., стр. 343.

рода дѣтской познавательной способности, вообще говоря вполне пригодна для этой цѣли. Представленія Бога, какъ, любящаго Отца, непрестанно заботящагося о Своихъ дѣтяхъ, существованія послѣ смерти въ преображенномъ видѣ, служащаго продолженіемъ земнаго существованія,—эти представленія столь доступны дѣтямъ, что легко могутъ быть ими усвоены. Всѣ тѣ затрудненія, которыя внушаютъ сомнѣніе болѣе развитому уму, еще совершенно чужды кругозору ребенка. Онъ повѣритъ намъ на слово, если мы ему скажемъ, что его умершая бабушка удалилась въ прекрасное мѣсто, куда и онъ впослѣдствіи поидетъ, если окажется этого достойнымъ; что отъ Бога зависитъ обиліе или недостатокъ жатвы, какъ отъ матери ребенка количество его насущнаго хлѣба. Сообщение и внушеніе этихъ понятій, родственныхъ *чувству* ребенка, именно его *внутреннему существу*, не заключаетъ въ себѣ ничего труднаго».

Итакъ, признавая неосновательнымъ и ошибочнымъ послѣдній отвѣтъ на вопросъ о началѣ религіознаго воспитанія и обученія, признаемъ справедливымъ первый, по которому религіозное воспитаніе, подобно нравственному, слѣдуетъ начинать собственно съ того возраста, когда начинаютъ развиваться и раскрываться душевныя силы ребенка. Но съ чего, чѣмъ начинать религіозное воспитаніе и обученіе? Вопросъ осложняется въ виду того требованія науки о воспитаніи, чтобы воспитаніе и обученіе своимъ началомъ примыкало къ тому, что уже есть готоваго въ воспитываемомъ существѣ, и отъ этого готоваго, примыкая къ нему и опираясь на него, постепенно шло впередъ—расширялось и осложнялось. Вопросъ поэтому можно поставить опредѣленнѣе: изъ какихъ готовыхъ данныхъ, кроющихся въ дѣтской природѣ, должно исходить религіозное воспитаніе и обученіе ребенка?

Въ виду того, что человѣческой природѣ присущи религіозныя влеченія и стремленія, пусть даже на первыхъ порахъ не отличающіяся отчетливостію и опредѣленностію стремленій взрослого человѣка, слѣдуетъ предположить, что всякому христіанскому ребенку по природѣ свойственно пере-

живать всѣ тѣ состоянія, которыя испытываетъ и вообще чловѣкъ религіозный, даже и въ зрѣломъ возрастѣ. Въ душѣ ребенка религіозныя зачатки уже существуютъ; влеченія и стремленія религіозныя присущи уже, какъ фактъ. Съ этой точки зрѣнія, на поставленный вопросъ отвѣтъ простъ: религіозное воспитаніе и обученіе должно опираться на эти самыя зачатки и изъ нихъ исходить, какъ изъ своей первоначальной основы. Но удовлетвориться такимъ общимъ отвѣтомъ, конечно, нельзя: остается вопросъ, какіе же именно задатки и какимъ образомъ могутъ быть развиваемы? Если для рѣшенія первой половины вопроса обратимся къ указанію проявленій религіозной жизни ребенка, сдѣланному въ психологической и педагогической литературѣ, то найдемъ здѣсь очень и очень немного. Изъ религіозныхъ представленій у крестьянскихъ дѣтей, поступающихъ въ школу, вообще могутъ быть наблюдаемы только неясныя, смутныя, сбивчивыя, иногда даже суевѣрныя, и количественно весьма бѣдныя представленія. По увѣренію Ае. Соколова ¹⁾, «у крестьянскихъ дѣтей существуетъ только два общихъ представленія о Богѣ: одно—Богъ благодѣтельствуетъ людямъ, другое—Богъ наказываетъ людей. Больше этого они, поступая въ школу, ничего не знаютъ о Богѣ». При томъ представленіе о Богѣ карающемъ сильнѣе развито у дѣтей, чѣмъ о Богѣ, какъ Существѣ любвеобильномъ. Въ объясненіе преобладанія этого представленія о. Д. Соколовъ говоритъ ²⁾ слѣдующее: «въ страшномъ, грозномъ видѣ рисовали ребенку Бога, вѣчнаго Карателя за всякое отступленіе отъ закона, пугали его церковію и священникомъ, такъ что онъ дрожалъ при встрѣчѣ съ служителемъ алтаря и ревѣлъ благимъ матомъ, когда подносили его къ Причастію, страшали его нечистою силой, сидящей за печкой, привидѣніями, оборотнями. И вотъ онъ, всѣмъ напуганный, въ бессмысленномъ исполненіи формъ религіи искалъ спасенія отъ чудищъ сво-

¹⁾ Методика Закона Божія. I изд. стр. 1.

²⁾ Вессель. Руководство къ преподаванію общеобр. предметовъ. Т. 2, стр. 340—341.

его воображенія». Характеризуя религіозную жизнь ребенка, тотъ же о. Соколовъ пишетъ ¹⁾: «жизнь указываетъ, что религіозное образованіе начинается съ первой минуты появленія сознанія въ ребенкѣ, что образованіе это ребенокъ *самъ* беретъ,—что взрослые волей-неволей или помогаютъ этому религіозному образованію или мѣшаютъ ему. Иначе и быть не можетъ: христіанская религія не есть теоретическая философема,—результатъ кабинетныхъ измышленій; она есть жизнь и, значитъ, входитъ въ жизнь и проявляется въ ней. Каждая *христіанская* семья живетъ, думаетъ, чувствуетъ болѣе или менѣе по христіански; а потому и ребенокъ, растущій въ христіанской средѣ, дышетъ христіанскими идеями и усваиваетъ себѣ эти идеи въ томъ видѣ, въ какомъ находятъ ихъ вокругъ себя. Мать становится передъ образомъ на колѣни и молится, употребляя при этомъ внѣшніе знаки своего вѣроисповѣданія,—тоже дѣлаетъ и ея ребенокъ; мать совершаетъ на себѣ крестное знаменіе,—и ребенокъ старательно водить рукою около лица, желая сдѣлать то же самое. Не одну внѣшность перенимаетъ дитя: оно входитъ въ духъ молитвы. Навернулись слезы на глазахъ матери,—плачетъ и ребенокъ; чувство радости, восторга, благодарности осягнуло лицо матери,—тѣми же чувствами освѣщается и лицо молящагося съ нею дитяти; нерадиво, въ исполненіе привычнаго обряда, помолилась мать,—такъ же нерадиво, внѣшне-формально и ребенокъ ея повертитъ рукою около лица, ляжетъ на землю для поклона и тотчасъ перейдетъ въ игривую шалость». Такимъ образомъ, изъ наблюденія надъ проявленіями религіозной жизни ребенка опредѣленныхъ заключеній о кроющихся въ дѣтской природѣ религіозныхъ задаткахъ сдѣлать нельзя. Психологическія изслѣдованія въ этой области также ничего не даютъ. Только у Карпентера встрѣчается нѣкоторая попытка опредѣлить первоначальныя данныя религіозной жизни чловека. Психологъ говоритъ ²⁾, что «понятія о Божествѣ въ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 339—340.

²⁾ Основанія фізіологіи ума. Т. 1, стр. 210 и др.

большинствѣ умовъ являются прямымъ слѣдствіемъ психической организаціи. Дѣйствительно, для христіанина все въ психической природѣ его какъ бы говоритъ, что есть нѣчто сильнѣе и выше насъ», и вслѣдъ за этимъ онъ же указываетъ и первичныя представленія,—напр. представленія зависимаго существованія, осмысленной воли, способности размышленія, любви къ правдѣ, красоты и пр.,—подъ условіемъ существованія которыхъ религіозный міръ человѣка постепенно разъясняется и получаетъ форму опредѣленныхъ идей, чувствованій и стремленій.

При невозможности точно опредѣлить религіозныя задатки въ человѣкѣ, за отсутствіемъ научныхъ изысканій въ этой области, можно указать путь или способъ къ обнаруженію и развитію ихъ. Общее правило, которому, часто безотчетно, слѣдуетъ человѣчество въ случаѣ предполагаемаго прямого и непрямого воздѣйствія на кого-либо, состоитъ въ воздѣйствіи на родственныя и чаще всего переживаемыя послѣднимъ состоянія. Законъ сродства имѣетъ полную силу и въ примѣненіи къ дѣтямъ. Не слѣдуя ему въ дѣлѣ возбужденія и какъ бы вызова къ жизни религіозныхъ стремленій ребенка, кажется, ничего прочнаго нельзя сдѣлать и въ религіозномъ воспитаніи его. Не составляя особенныхъ событій въ сердцѣ, религіозныя чувствованія сходны со многими другими чувствованіями; а родственниковъ съ ними, одинаковыхъ состояній ребенку приводится переживать очень много. Жизнь ребенка въ семьѣ и семейная обстановка уже успѣли развить въ немъ многія изъ тѣхъ чувствованій, которыя входятъ въ составъ религіозныхъ движеній, и сроднить съ ними каждаго воспитанника, такъ что расширение ихъ объема и указаніе имъ новаго направленія въ существѣ дѣла для педагога является дѣятельностію, уже продолжающею прежде начатое и постепенно переходящею отъ знакомаго къ незнакомому, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Этотъ-то знакомый и родственный дитяти міръ и долженъ составлять исходный пунктъ религіознаго воспитанія и обученія. Къ этому міру и должно оно примыкать; на него надобно дѣйствовать въ видахъ пробужденія религіозныхъ

чувствованій и отъ него постепенно идти далѣе и далѣе, исполняя одно изъ общепризнанныхъ требованій педагогики въ видахъ успѣшнаго и плодотворнаго воспитанія и обученія. Однако, что же это за мѣръ?

Каковы бы ни были условія семейной, домашней жизни ребенка, предшествующей поступленію его въ школу, они все-таки кладутъ на него свою опредѣленную печать и по преимуществу вліяютъ на развитіе въ немъ того или другаго настроенія. Признается вообще за аксіому, что маленькій ребенокъ, безъ всякой даже преднамѣренности со стороны родителей, перенимаетъ отъ послѣднихъ не только наклонность къ извѣстнаго рода дѣятельности, но и предрасположенность чувствовать такъ, какъ чувствуютъ его родители. Примѣры, дѣйствія взрослыхъ людей увлекающимъ образомъ вліяютъ и на ребенка. Первоначально эти дѣйствія производятъ на него только болѣе или менѣе сильныя впечатлѣнія, а потомъ уже, по общему ходу психической жизни, эти впечатлѣнія всегда и неизбѣжно вызываютъ въ немъ различныя формы психической жизни. Разнообразіе этихъ новыхъ формъ постепенно увеличивается, по мѣрѣ развитія въ ребенкѣ сознанія тѣхъ явленій, которыя совершаются въ его присутствіи, и въ зависимости отъ совокупности и сложности вліяющихъ на него условій. Поэтому, въ дѣлѣ вліянія на ребенка его семьи и ея обстановки, проявляется въ дѣйствительности большое разнообразіе, такъ что нѣкоторыя формы проявленія дѣтской жизни нерѣдко представляются загадочными для самаго проницательнаго наблюдателя. Но можно указать, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя общія вліянія, въ большей или меньшей мѣрѣ отражающіяся на всѣхъ дѣтяхъ безъ исключенія.—Живя подъ кровомъ родительскимъ, ребенокъ на первыхъ порахъ своей жизни находится въ такомъ положеніи, что все необходимое для себя онъ получаетъ благодаря единственно попеченію и заботливости своихъ родителей. Его естественныя потребности относительно пищи и одежды удовлетворяются совершенно независимо отъ него, помимо его личной заботливости о снисканіи необходимыхъ для этого средствъ. Дитя цивили-

зованныхъ народовъ никогда не обрекается на необходимость, подобно годовымъ или двухгодовымъ дѣтямъ бушменовъ, самостоятельно отыскивать въ землѣ, на примѣръ, необходимые для себя питательные корни различныхъ травъ. Получая все необходимое для себя готовымъ и усматривая въ дѣйствіяхъ родныхъ желаніе доставить ему все нужное, ребенокъ, по мѣрѣ своего возрастанія, все болѣе и болѣе проникается признательностію, благорасположеніемъ къ родителямъ. Сознаніе дитятей этой заботливости объ удовлетвореніи необходимыхъ его потребностей составляетъ зародышъ того, что называютъ на болѣе высокой степени развитія *чувствомъ благодарности*. Затѣмъ, какъ бы ни была груба семейная среда, въ которой дитя проводитъ первые годы своей жизни, она все-таки заключаетъ въ себѣ много свѣтлыхъ сторонъ. Нельзя отрицать того явленія, что грубые родители, при всей своей грубости, питаютъ особенную нѣжность и любовь къ своимъ особенно маленькимъ дѣтямъ. Положимъ, формы проявленія этой нѣжности весьма разнообразны. Но отъ дѣтскаго чутья почти никогда не ускользаетъ дѣланность, неестественность; не ускользаетъ точно также и задушевность, искренность и естественность. Съ этой точки зрѣнія и грубыя формы проявленія нѣжности родительской къ дѣтямъ нисколько не исключаютъ ощущаемости дѣтьми этой нѣжности. Итакъ, окруженное нѣжностію и любовью родителей, въ своей семьѣ дитя и само невольно проникается этими чувствованіями и ему такимъ образомъ дѣлаются знакомыми, родственными нѣжныя *чувствованія пріязни, любви въ тѣсномъ значеніи этого слова*. Далѣе: всматриваясь во взаимныя отношенія членовъ своей семьи, дитя можетъ замѣчать въ нихъ откровенность, искренность, прямоту отношеній, а затѣмъ—желаніе добра, пользы всѣмъ членамъ семьи и даже лицамъ стороннимъ этой семьѣ, насколько это можетъ обнаруживаться въ словахъ и дѣйствіяхъ старшихъ членовъ семьи. Это обстоятельство, невольно дѣйствующее на ребенка и производящее на него впечатлѣніе, возбуждаетъ въ немъ, хотя бы въ силу присутствующаго чувствамъ характера увлекательности, также чув-

ствованія благорасположенія, нѣжности и пріязни къ другимъ людямъ. Слѣдовательно, въ семейной жизни дитя сродняется еще съ новымъ состояніемъ—*чувствомъ любви къ другимъ людямъ*. Въ благоустроенной семьѣ ребенокъ, какъ было говорено выше, невольно проникается прямо и нѣкоторыми религіозными чувствованіями, напр. религіозной радости, восторга, или благоговѣнія, когда приводится ему наблюдать сердечную и благоговѣйную молитву родныхъ.

Указанныхъ только условій, дѣйствующихъ на ребенка въ семьѣ, достаточно для построенія вывода, что дитя еще въ семействѣ знакомится и сродняется со многими изъ тѣхъ простыхъ состояній, которыя въ качествѣ составныхъ элементовъ входятъ въ составъ религіозныхъ движеній. Необходимость брать эти состоянія за исходный пунктъ религіознаго воспитанія и обученія дѣтей косвенно и даже прямо признается и педагогами. По крайней мѣрѣ, еще баронъ Корфъ ¹⁾ обращалъ вниманіе на то, что можно «намѣтить не одну точку соприкосновенія между преподаваніемъ учителя и религіозно-нравственными бесѣдами», и рекомендовалъ «сличать собственныя дѣйствія учениковъ съ образцами, съ которыми они знакомятся посредствомъ чтенія Евангелія». Послѣдующіе педагоги высказываются на этотъ счетъ уже гораздо опредѣленнѣе. Такъ, г. Ширскій ²⁾ въ отдѣлѣ о выборѣ священноисторическихъ разсказовъ для преподаванія въ народныхъ училищахъ говоритъ, что законоучитель «выбираетъ исторіи о событіяхъ изъ семейной жизни, т. е. исторіи, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются отецъ, мать, господинъ, слуга, братья, сестры и друзья: выбираетъ лишь тѣ исторіи, въ которыхъ съ особенною ясностію обнаруживается что-нибудь доброе, прекрасное, назидательное; исторію Новаго Завѣта начинаетъ исторіями изъ дѣтской жизни Искупителя». Въ подобныхъ предложеніяхъ педагоговъ замѣчается ясно стремленіе сблизить преподаваемый предметъ съ знакомыми уже ребенку состоя-

¹⁾ Русская начальная школа. Спб. 1870, стр. 312—314.

²⁾ О преподаваніи Закона Божія, стр. 155—156.

ніями и чувствованіями. Семейная жизнь, дѣйствительно, знакома ребенку и рассказываемыя событія могутъ быть болѣе понятны ему. Семейныя чувствованія также хорошо знакомы ему, хотя по своему объективному содержанію и простираются на слишкомъ тѣсный и ограниченный еще кругъ предметовъ, такъ что воспитателю остается постепенно расширять кругъ предметовъ, къ которымъ желательно вызвать въ дѣтяхъ чувства любви, благорасположенности, благодарности и проч. Съ этой точки зрѣнія, рассказы о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ говорится преимущественно о семейныхъ отношеніяхъ, являются наиболѣе соотѣтствующими возрасту учащихся. Но, отдавая должную дань въ данномъ вопросѣ такту означенныхъ педагоговъ, нельзя не указать на бросающуюся въ глаза односторонность: педагоги опускаютъ изъ виду цѣль религіознаго воспитанія чрезъ обученіе Закону Божію. Въ виду этой односторонности, о. М. Соколовъ ¹⁾, говоря о преимуществахъ ветхозавѣтной исторіи предъ новозавѣтною въ началѣ обученія, справедливо замѣчаетъ: «исторія Ветхаго Завѣта относится преимущественно къ семейной жизни. Для дѣтей естественный путь отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Здѣсь дѣйствующія лица: отецъ, мать, братъ, сестра, друзья—лица, знакомыя дитяти. Но они въ то же время *святые* и Богъ открывается имъ—то въ отдѣльныхъ явленіяхъ, то въ Своемъ непосредственномъ, чудесномъ руководствѣ ихъ. Во всѣхъ этихъ разсказахъ, слѣдовательно, сохраняется извѣстный *семейный* элементъ жизни и неизвѣстный—Божественный». О. Соллертинскій, для устраненія указанной односторонности, рекомендуетъ выяснять при этомъ, что Богъ-Отецъ всѣхъ людей, а все человѣчество—Его семья.

VII.

Путь и средства религіознаго воспитанія и обученія.

Выясненныя ранѣе указанія для лучшей постановки религіознаго воспитанія и обученія позволяютъ въ общихъ чер-

¹⁾ Обзоръ народно-учебной литературы, стр. 73.

тахъ начертать слѣдующій ходъ для дѣла религіознаго воспитанія и обученія. По указанію антропологической науки активная религіозность христіанина зависитъ отъ живыхъ религіозныхъ чувствованій, имѣющихъ въ своей основѣ чувство любви къ Богу и своею совокупностію обуславливающихъ религіозное настроеніе человѣка. Слѣдуя такому указанію, при религіозномъ воспитаніи и обученіи прежде всего необходимо уяснить для ребенка тѣ сродныя чувствованія, которыя онъ переживаетъ въ своей семьѣ, и особенно чувство пріязни къ родителямъ, и въ то же время расширять постепенно кругъ предметовъ, къ которымъ онъ долженъ питать эти же чувствованія. Необходимо поэтому указать ребенку и Того, къ Кому онъ долженъ питать чувствованія религіозной благодарности, религіозной любви. Но чтобы чувствованія не оставались въ ребенкѣ въ состояніи неопредѣленности, слитности, «слѣпоты», для этого, по требованію антропологической же науки, необходимо озарять ихъ свѣтомъ ума и возбуждать умственную дѣятельность его по отношенію къ предметамъ религіи. Для большинства русскаго народа умственная дѣятельность въ религіозной сферѣ тѣмъ необходимѣе, что, при интенсивности своего чувства, онъ отличается «неотвѣтчивостію» въ религіозной жизни и чрезъ то обнаруживаетъ въ послѣдней множество грустныхъ, неправильныхъ явленій. Въ соединеніи съ первымъ, послѣднее требованіе возбужденія умственной дѣятельности должно относиться преимущественно къ той сторонѣ религіозной жизни человѣка, которая наиболѣе всего можетъ располагать ребенка къ благодарности, къ любви. Благодѣтельность, любовь Божія къ человѣку—вотъ та сторона, которая всего скорѣе и сильнѣе можетъ возбуждать и питать въ дѣтяхъ указанные чувствованія. Въ силу этого, при возбужденіи умственной дѣятельности въ религіозной сферѣ, необходимо обогащать умъ ребенка представленіями и идеями о благодѣтельности и любви Божіей. Данныя изъ области богословско-христіанскаго знанія указываютъ и тотъ классъ представлений, которыя должны быть достояніемъ религіозно настроеннаго человѣческаго ума. По богословско-христіанскому по-

нятію, релігія, обнимає собою все существо челоуѣка, єсть исторія Откровенія и спасенія челоуѣка. Съ этой точки зрѣнія, представленія о благодти и любви Божіей къ челоуѣку, особенно для дѣтскаго ума, доступнѣе всего могутъ быть сообщены посредствомъ разсмотрѣнія проявленій этихъ свойствъ Божіихъ въ исторіи Откровенія и спасенія челоуѣка. Необходимость фактовъ, примѣровъ изъ исторіи Откровенія и спасенія въ данномъ случаѣ тѣмъ важнѣе, что воспитанникъ, живя въ своей семьѣ, чувствуетъ и понимаетъ все главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ на основаніи примѣровъ и дѣйствій взрослыхъ людей. Примѣры проявленія благодти и любви Божіей въ исторіи Откровенія и спасенія будутъ такимъ образомъ совершенно соотвѣтствовать всей жизни ребенка и согласоваться съ нею,—что далеко немаловажно въ дѣлѣ воспитанія и обученія. По отношенію къ учащимся въ нашихъ народныхъ школахъ это требованіе увеличивается въ своей цѣнности и отъ того, что нашъ простой народъ зараженъ суевѣріями, которыя въ большинствѣ случаевъ имѣють своею основою страхъ предъ неизвѣстнымъ; страхъ же можетъ быть изгнанъ только любовью: *совершенная любовь вонзъ изгоняетъ страхъ*. Съ этой точки зрѣнія, между прочимъ, слѣдуетъ сказать, что въ основѣ воспитывающаго обученія Закону Божию должны лежать священно-историческія повѣствованія о благодти и любви Бога къ челоуѣку.

Представленный въ общихъ чертахъ ходъ релігіознаго воспитанія и обученія, согласно выясненнымъ ранѣе началамъ, совмѣщаетъ въ себѣ и развитіе релігіозныхъ движеній въ ребенкѣ, и обогащеніе дѣтскаго ума релігіозными идеями. Но указаніе духовныхъ способностей, на развитіе которыхъ должно быть обращено вниманіе при релігіозномъ воспитаніи и обученіи дѣтей, еще далеко не исчерпываетъ сущности всего пути воспитанія и обученія. Педагогика учитъ, что, кромѣ воспитанника и его личности, путь или методъ воспитанія и обученія имѣетъ еще дѣло съ средствами воспитанія и обученія, употребляемыми для достиженія ближайшихъ, непосредственныхъ цѣлей, а чрезъ нихъ

и послѣдней цѣли воспитанія,—въ разсматриваемомъ нами вопросѣ—послѣдней цѣли религіознаго воспитанія и обученія. Задача метода воспитанія и обученія,—по воззрѣнію педагоговъ,—состоитъ въ томъ, чтобы приготовить средства воспитанія и обученія, оживить и одушевить ихъ и побудить воспитанника къ тому, чтобы онъ воспринялъ ихъ, усвоилъ, обработалъ и самъ проникся тѣми цѣлями, которыя въ нихъ заключаются. Въ цѣляхъ педагогическихъ вообще необходимо, чтобы, для достиженія желаемого дѣйствія, средства употреблялись въ удобовосприѣмлемой формѣ, самостоятельностью воспитанника обращались въ его собственность для продолженія надъ ними работы, и чтобы возникшія подъ дѣйствіемъ ихъ психическія состоянія воспитанника проявлялись въ его жизни и дѣйствіяхъ. Изъ наблюденія и опыта всякому извѣстно, что никакое благочестивое наставленіе, никакое религіозное ученіе не сопровождаются желаемыми плодами въ религіозной жизни воспитанника, если они не оживляются живымъ религіознымъ настроеніемъ духа самого воспитателя и если самъ воспитанникъ не возбуждается духовно соотвѣтственно этимъ наставленіямъ и этому ученію. Итакъ, при помощи какихъ же средствъ можетъ быть осуществленъ намѣченный выше ходъ религіознаго воспитанія и обученія? А такъ какъ, по указанію антропологической науки, центръ тяжести религіознаго воспитанія и обученія заключается въ воспитаніи религіозныхъ движеній, религіозное же образованіе ума является необходимымъ для упорядоченія и установленія правильности въ религіозной жизнедѣятельности челоука; то на этомъ основаніи вопросъ о средствахъ религіознаго воспитанія и обученія, въ существѣ дѣла, долженъ равняться вопросу о средствахъ воспитанія религіозныхъ движеній.

По установившимся въ психологической литературѣ опредѣленіямъ, чувствованіе есть отзывъ или отвѣтъ духа на его собственныя состоянія и дѣятельности. Совершаясь постоянно и непрерывно, эти состоянія и дѣятельности всегда и неизбѣжно вызываютъ со стороны духа такой или иной отзывъ на себя, смотря по тому, въ какое соотноше-

ніе—благопріятное или неблагопріятное—вступають они съ общимъ ходомъ психической жизнедѣятельности человѣка. На этомъ основаніи утверждаютъ, что чувствованія въ насъ возникаютъ невольно: «человѣкъ неволенъ въ своихъ чувствахъ», говорятъ и приверженцы житейскаго опыта. Это значитъ, что чувствованіе, помимо нашей воли, возникаетъ въ насъ всякій разъ, какъ скоро возникаетъ въ насъ какое-либо психическое состояніе или какъ скоро мы совершаемъ какую-либо психическую дѣятельность. Изъ этого слѣдуетъ, что вліять непосредственно на возникновеніе и развитіе чувствованій нѣтъ возможности: всякія прямыя и непосредственныя воздѣйствія, мѣропріятія или средства оказываются непримѣнными. Вѣроятно, этотъ фактъ психической жизни имѣлъ въ виду о. Д. Соколовъ, когда говорилъ ¹⁾, что «въ религіозномъ воспитаніи... никакія наставленія, правила, руководства или программы не помогутъ. Можно тысячу разъ приказывать: «развивайте религіозное чувство воспитанниковъ, имѣйте на нихъ нравственное вліяніе», и ничего не достигнуть. Иногда даже, при строгихъ приказаніяхъ законоучителямъ имѣть вліяніе на учениковъ и при настойчивыхъ стремленіяхъ учителя выполнить рачительно приказаніе начальства,—въ результатъ оказывается, что въ ученикахъ развивается ханжество, индифферентизмъ, или, еще хуже, отвращеніе къ религіи, если преподаватель религіи—человѣкъ черствый или только заученно-вѣрующій». Но изъ того, что чувствованія суть отзывы всегда на состоянія и дѣятельности духа, возникновеніе и развитіе которыхъ подлежить нашей власти, въ то же самое время слѣдуетъ, что возможно вліять на чувствованія посредственно, прибѣгая къ опредѣленнымъ средствамъ для вызова и развитія такихъ психическихъ состояній, которыя могли бы сопровождаться желательными намъ отзовами на нихъ духа. И мы уже видѣли ранѣе, что психологическая наука указываетъ извѣстные законы, которымъ подчиняются чувствованія въ своемъ возникновеніи и развитіи. Съ точки зрѣ-

¹⁾ Вессель, Руководство. Т. 2, стр. 354.

нія принимаемыхъ психологією законовъ развитія чувствованій слѣдуетъ сказать, что при воспитаніи религіозныхъ движеній возможно пользоваться косвенными средствами, какъ основывающимися на общихъ законахъ психическаго развитія человѣка—т. е. на законахъ смежности и сродства, такъ и на специальныхъ законахъ развитія чувствованій—т. е. на законахъ зависимости отъ представленій и диффузии. Конечно, нельзя не согласиться съ Бэномъ ¹⁾, что «при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ нужны годы, чтобы эмоціональныя ассоціаціи окрѣпли и пріобрѣли значеніе высоко-нравственныхъ побужденій (привычекъ и склонностей). Это въ особенности справедливо относительно чувствъ и эмоцій религіознаго свойства, если только мы хотимъ, чтобы эти чувства и эмоціи были дѣйствительной силой и вознаграждали бы за всѣ жизненныя невзгоды». Но отсюда слѣдуетъ только, что воспитаніе религіозной эмоціи (религіозныхъ движеній), какъ и правильное развитіе всякой способности ребенка,—дѣло далеко не легкое, требующее и труда, и такта. Трудность же не есть еще свидѣтельство о невозможности, и устраненіе отъ такого труднаго дѣла со стороны воспитателя, по меньшей мѣрѣ, не имѣетъ за себя основаній. Отъ воспитателя и того достаточно, что онъ можетъ сдѣлать по своимъ силамъ и при добросовѣстномъ отношеніи къ столь трудному дѣлу. Поэтому какъ-то странно звучать для читателя слѣдующія непосредственно за вышеприведенными слова психолога: «но не школьному учителю должно ввѣрять это дѣло (т. е. укрѣпленіе религіозной эмоціи). Родители, церковь, самъ человѣкъ (или учащійся), духъ времени, выражающійся въ литературѣ и обществѣ,—вотъ факторы, совокупностью которыхъ обусловливается религіозность человѣка или ея недостатокъ; школа же оказываетъ въ этомъ отношеніи наименьшее вліяніе. Пока ребенокъ въ школѣ, общество должно бы успокоиться на замѣтномъ теистическомъ и христіанскомъ направленіи во всѣхъ учебныхъ книжныхъ пособіяхъ и на сильной склонности

¹⁾ Бэнъ, Наука о воспитаніи. Спб. 1880 стр. 378.

молодаго ума объяснять видимый міръ вмѣшательствомъ Личнаго Бога. Большія требованія могутъ быть удовлетворены внѣ школы» ¹⁾).

Имѣя въ виду возможность дѣйствовать на чувствованія только косвенными средствами, посредственно, а съ другой стороны—принимая во вниманіе общій законъ психическаго развитія человѣка подѣ условіемъ внѣшнихъ впечатлѣній, воспитатель долженъ озаботиться объ искусственномъ подборѣ воспитательныхъ средствъ для произведенія на воспитанника благопріятныхъ постановленной цѣли впечатлѣній. Систематическій подборъ впечатлѣній составляетъ такимъ образомъ одну изъ ближайшихъ цѣлей при избраніи воспитательныхъ средствъ. Количество впечатлѣній въ достаточной для дѣятельностей духа мѣрѣ—затѣмъ—составляетъ другую ближайшую цѣль въ данномъ случаѣ. Чѣмъ большее количество впечатлѣній, благопріятныхъ для развитія религіозныхъ чувствованій, восприметъ ребенокъ и чѣмъ глубже воздѣйствуютъ на него эти впечатлѣнія, тѣмъ и религіозное настроеніе его будетъ тверже. Поэтому разнообразіе воспитательныхъ средствъ для религіознаго воспитанія будетъ благопріятствовать болѣе разнообразной системѣ впечатлѣній и чрезъ то болѣе широкому и многостороннему развитію религіозной жизни ребенка. Въ этихъ видахъ воспитатель не долженъ опускать изъ вниманія такихъ явленій, которыя способны возбудить религіозное чувство, будутъ ли эти явленія встрѣчаться въ окружающей внѣшней природѣ, или въ окружающихъ ребенка людяхъ и ихъ дѣлахъ и отношеніяхъ.

Послѣ такой предварительной замѣтки о средствахъ религіознаго воспитанія перейдемъ къ указанію и краткой педагогической оцѣнкѣ, по крайней мѣрѣ, большинства изъ употребляющихся въ педагогической практикѣ средствъ.

Операции по законамъ смежности и сходства, какъ извѣстно всякому, въ нашей психической жизни всегда совершаются совмѣстно и нераздѣльно. Поэтому и средства рели-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 379.

гіознаго воспитанія, на нихъ основывающіяся, строго разграничены быть не могутъ: разграниченіе можетъ быть въ сущности только формальное, но не по существу дѣла. Въ этомъ только смыслѣ мы и будемъ говорить раздѣльно о средствахъ религіознаго воспитанія, основывающихся на законѣ смежности и на законѣ сходства.—Чрезъ операцію по закону смежности, какъ извѣстно, устанавливается связь между психическими состояніями, которыя возникаютъ въ насъ въ зависимости отъ предметовъ или явленій, встрѣчающихся вмѣстѣ или въ сплошномъ преемствѣ, и укрѣпляется такъ сильно, что при наличныхъ условіяхъ предметы или явленія всегда вызываютъ въ насъ извѣстныя психическія состоянія, и на оборотъ психическія состоянія всегда воскрешаютъ въ нашемъ сознаніи образы предметовъ или явленій. Психическая дѣятельность человѣка первоначально всегда направлена на внѣшній міръ, на явленія природы, и потомъ уже, при развитіи самосознанія, она сосредоточивается на внутреннемъ, субъективномъ мірѣ человѣка. «По мѣрѣ того, какъ мы находимъ зависимость нашихъ поступковъ отъ нравственныхъ предписаній совѣсти, частію вырабатывающихся въ насъ въ нравственные принципы, частію принимающихъ, внѣ насъ, форму нравовъ и законовъ», говоритъ Вундтъ ¹⁾, «все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ и та первоначальная сторона религіознаго чувства, которая подчиняла физическій порядокъ міра нашимъ субъективнымъ желаніямъ». Съ этой точки зрѣнія, самымъ начальнымъ средствомъ воспитанія религіознаго чувства, основывающимся на законѣ смежности, являются предметы и явленія внѣшней природы. «Явленія въ окружающей природѣ», замѣчаетъ г. Ельницкій ²⁾, «способствуютъ возбужденію тѣхъ чувствованій, которыя служатъ первоначальными элементами религіознаго чувства». При своемъ разнообразіи эти явленія способны давать впечатлѣнія для питанія самыхъ разнообразныхъ элементовъ рели-

¹⁾ Основанія фізіол. психологія, стр. 898.

²⁾ Общая педагогика, стр. 183.

гіозныхъ движеній. Ребенокъ слышитъ, напр. громъ, видитъ большія горы или обширныя долины и поражается видимымъ или слышимымъ. Окружающіе говорятъ ему, что все это сотворено Богомъ и—ребенокъ начинаетъ благоговѣть предъ Нимъ. Ребенокъ созерцаетъ, наприм., грандіозную картину природы. «Если въ это время», замѣчаетъ г. Ельницкій ¹⁾, «тактично навести ребѣнка на идею о величіи Бога, какъ Творца видимыхъ предметовъ и явленій, то можно быть увѣреннымъ, что это оставитъ глубокій слѣдъ въ душѣ его и благотворно отразится на его религіозномъ воспитаніи». Но при пользованіи предметами и явленіями внѣшней природы, какъ средствами воспитанія религіозныхъ чувствованій, необходима прежде всего благовременность, при созерцаніи напримѣръ возвышенныхъ и возвышающихъ душу картинъ природы, или, наоборотъ, прекраснаго и цѣлесообразнаго устройства безконечно малаго въ природѣ, когда можно навѣрное, или съ вѣроятностію, предполагать, что въ ребенкѣ дѣйствительно можетъ возникнуть въ данномъ случаѣ желаемое чувство. «Воспитатель, совершенно вѣрно говоритъ Бенеке ²⁾, долженъ остерегаться притуплять и опошлять это чувство слишкомъ частымъ обращеніемъ къ нему; не долженъ продолжать разговора объ этихъ предметахъ долѣе, чѣмъ ребенокъ можетъ слушать его съ интересомъ и безъ утомленія; иначе, вмѣсто религіознаго чувства, онъ разовьетъ лишь привычку къ извѣстнымъ фразамъ и внѣшнимъ движеніямъ. Лишь слѣды *дѣйствительною (живаю)* религіознаго чувства дѣлаютъ человека религіознымъ, а не слѣды пустой болтовни, не исходящей изъ сердца и не затрогивающей сердца». Имѣя въ виду преимущественно развитіе основнаго элемента въ религіозномъ чувствѣ, воспитатель затѣмъ долженъ обращать вниманіе на такіе предметы и явленія природы, которые для дѣтскаго пониманія наиболѣе доступно свидѣтельствуютъ о благодати и любви Божіей. При этомъ онъ долженъ тщательно остерегаться со-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 185.

²⁾ Руководство къ воспитанію и обученію. Ч. 1, стр. 346.

единять представленіе Бога съ ощущеніемъ *страха*, иначе дѣтская вѣра будетъ носить характеръ не довѣрчиваго преданія себя волѣ Промысла, но «слабодушнаго самоуниженія или рабскаго торга съ Богомъ». Только подъ этими условіями явленія природы, производящія на ребенка впечатлѣніе, вступаютъ въ ассоціацію съ тѣми или другими религіозными чувствованіями и при извѣстныхъ обстоятельствахъ всегда будутъ воскрешать въ сознаніи разъ уже пережитыя состоянія.

Кромѣ явленій природы, возбудителями религіозныхъ чувствованій по закону смежности служатъ всѣ окружающія ребенка условія домашней жизни. «Если домашняя жизнь вообще чужда религіознаго настроенія», замѣчаетъ Бенеке ¹⁾, «то стоящій внѣ ея или вступающій въ нее воспитатель врядъ ли можетъ вызвать его въ ребенкѣ, въ особенности путемъ одного обученія». Напротивъ, условія домашней жизни, отличающейся тѣмъ или другимъ характеромъ религіозности, кладутъ и на ребенка болѣе или менѣе опредѣленную печать религіозности. Въ дѣлѣ воспитанія вообще и религіознаго въ особенности имѣетъ полную силу и значеніе правило: «живите сами такъ, какъ хотите, чтобы жили ваши дѣти». «Люди простые, необразованные», пишетъ о. Д. Соколовъ ²⁾, «даютъ то, что могутъ дать. Сами они живутъ въ области религіознаго формализма; въ немъ воспитываютъ и дѣтей своихъ. Они старательно знакомятъ ихъ съ формальною стороною религіи, а на вопросы ихъ о религіозныхъ истинахъ отвѣчаютъ: «все будешь знать, скоро состарѣешься», и этимъ отвѣтомъ прямо выражаютъ, что сами они еще юны и не хотятъ быть стариками. Люди образованные чаще всего игнорируютъ вопросы дѣтей, наравнѣ со всѣмъ, что относится до дѣтской, и не думаютъ о томъ, что тамъ дѣлается; а между тѣмъ много свѣдѣній сообщаетъ имъ дѣтская и громадное вліяніе она оказываетъ иногда на всю жизнь своихъ питомцевъ». По наблюденіямъ

¹⁾ Руководство, ч. 1, стр. 345.

²⁾ Вессель, Руководство, т. 2, стр. 340.

о. Соколова, результатъ такого воспитанія въ религіозномъ отношеніи—страхъ и суевѣрія, развившіяся подъ вліяніями нянекъ, а нравственныя послѣдствія еще безотраднѣе. «Ложь, обманы, скрытничанье и выказываніе себя предъ старшими, особенно предъ гостями, спесь, тщеславіе и дерзость предъ низшими»—вотъ нравственность, которою напитывали юную душу ребенка. Постоянное воздѣйствіе однородныхъ впечатлѣній устанавливаетъ столь прочную ассоціацію между психическими явленіями ребенка и явленіями домашней обстановки, что ассоціація нерѣдко остается неразрушаемою и господствующею въ теченіи всей послѣдующей жизни ребенка. «Сколько есть отрицателей», говоритъ о. Д. Соколовъ ¹⁾, «насквозь проникнутыхъ суевѣріемъ; сколько черствыхъ формалистовъ среди людей очень образованных! Много есть людей, блѣднѣющихъ при видѣ трехъ свѣчъ въ одной комнатѣ и тринадцати человѣкъ за однимъ столомъ. Священники даже привыкли не обращать вниманія на плевокъ, съ которыми проходятъ мимо ихъ очень почтенныя, повидимому, личности». Наоборотъ, домашняя обстановка противоположнаго характера въ религіозномъ отношеніи способна закрѣпить по смежности и ассоціаціи противоположнаго рода. Оправданіе этой мысли мы уже видѣли, когда была рѣчь о законѣ диффузіи и значеніи его въ дѣтской религіозной жизни. Подъ вліяніемъ домашней обстановки, съ извѣстными часами ежедневной жизни у ребенка можетъ образоваться прочная ассоціація извѣстныхъ религіозныхъ движеній и дѣйствій, такъ что эта ассоціація въ послѣдствіи можетъ стать какъ бы его внутреннею потребностію. «Девяти-десяти-лѣтній мальчикъ, привыкшій всякій разъ, прежде чѣмъ лечь спать, читать молитву», замѣчаетъ г. Ельницкій ²⁾, «не уляжется въ постель, пока не прочтаетъ своей молитвы. Если же, по забывчивости, онъ и уляжется безъ молитвы, то, припомнивши объ этомъ, онъ встанетъ, и все таки прочтаетъ молитву и сдѣлаетъ это не чисто механически, но

¹⁾ Вессель, Руководство, т. 2, стр. 341.

²⁾ Общая педагогика, стр. 185.

съ сознаніемъ, проникнутымъ чувствомъ». Подобныя же ассоціаціи могутъ установиться между религіозными воззрѣніями и чувствованіями съ одной стороны, и условіями домашней обстановки—съ другой. Вѣдь всякому извѣстно, что идеи и особенно сильныя и глубокія чувствованія обладаютъ способностію проникать и увлекать за собою воспримчивыя души.

Однимъ изъ могучихъ средствъ для развитія религіозныхъ чувствованій посредствомъ ассоціацій по смежности является церковь, какъ мѣсто общественнаго Богослуженія, съ совершающимися въ ней священнодѣйствіями. Въ видахъ и цѣляхъ педагогическихъ вообще желательно, чтобы дитя привязалось къ дому Отца небеснаго возможно большимъ числомъ нравственныхъ нитей. И церковь дѣйствительно благопріятствуетъ вполнѣ осуществленію такого справедливаго желанія. Въ церкви, начиная съ внѣшности, все возбуждаетъ въ человѣкѣ различныя чувствованія. Внѣшняя церковная обстановка подчиняетъ ребенка вліянію всѣхъ высшихъ искусствъ, которыя соединяются въ ней для одного дружнаго впечатлѣнія. «Величественный и строгій стиль архитектуры храма», говоритъ г. Юркевичъ ¹⁾, «живописныя изображенія, рассказывающія взору или о священныхъ событіяхъ изъ исторіи человѣчества, или показывающія ему идеалы совершеннѣйшей жизни, поэтическая красота словесныхъ произведеній, которыя выразили религіозную идею, мелодичность и торжественность напѣва, то смиряющаго, то примиряющаго, то воодушевляющаго,—и каждое изъ этихъ искусствъ говоритъ на своемъ языкѣ то же самое, что говорятъ и всѣ остальные: такое всестороннее и нигдѣ болѣе не встрѣчающееся дѣйствіе всѣхъ высшихъ силъ красоты имѣетъ, безъ сомнѣнія, довольно власти надъ душою, чтобы заставить замолчать дикій голосъ страстей и сообщить душѣ возможность и склонность прислушиваться къ тихому зову моральныхъ идей и къ ихъ разсказу о лучшей жизни». Такое разнообразіе столь возвышенныхъ впе-

¹⁾ Юркевичъ, Курсъ общей педагогики. Москва. 1869, стр. 211.

чатлѣннѣй, впрочемъ, можетъ быть вполне усвоено только взрослымъ посѣтителемъ церковнаго Богослуженія; для маленькихъ же посѣтителей его многое можетъ ускользнуть вслѣдствіе одной ихъ массы. Вслѣдствіе этого дитя на многое можетъ не обратить вниманія и многое пропадетъ совершенно безслѣдно для него, такъ что въ немъ можетъ образоваться, пожалуй, даже привычка присутствовать при Богослуженіи безъ всякой мысли о томъ, что есть въ церкви, каковая привычка можетъ сопровождаться своими вредными послѣдствіями и для будущности ребенка. Это обстоятельство и дало поводъ Жанъ-Полю совѣтовать—«водить дѣтей лучше въ *пустую* церковь», а извѣстному психологу-педагогу Бенеке ¹⁾ замѣтить: «врядъ ли можно посовѣтовать уже съ ранняго возраста часто водить дѣтей въ церковь. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, дѣйствіе издали сильнѣе, чѣмъ дѣйствіе вблизи; посѣщеніе церкви самими родителями дѣйствуетъ на ребенка лучше, чѣмъ его собственное хожденіе въ церковь». Съ этой точки зрѣнія, предписаніе педагоговъ: «пускай ребенокъ пріучается бывать во время воскресныхъ и праздничныхъ дней въ церкви на богослуженіи и стоять тамъ съ надлежащимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ»,—должно быть исполняемо съ должною осторожностію, чтобы не изсякала возвышающая, возбуждающая и облагораживающая духъ сила церковныхъ впечатлѣній.

При посѣщеніи храма, кромѣ внѣшности его, источникомъ благопріятныхъ для развитія религіознаго возбужденія впечатлѣній служитъ внѣшность всѣхъ присутствующихъ во храмѣ. Всякій знаетъ, что посѣщеніе храма Божія всегда сопровождается у людей религіозныхъ праздничнымъ и чистымъ одѣяніемъ, подчиненіемъ всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ одинаковой дисциплинѣ, сосредоточеннымъ вниманіемъ къ общему ходу общественной молитвы и возношеніемъ общихъ молитвъ только о благѣ людей. Этотъ наружный видъ богомольцевъ, это безпрекословное подчиненіе общему

¹⁾ Руководство. Ч. I, стр. 247.

порядку, эта строгость и сосредоточенность ихъ, наконецъ— эта общая молитва только о благѣ человѣка,—все это имѣетъ сильное вліяніе на воспитаніе сердечныхъ движеній въ дѣтяхъ, такъ что «въ цѣломъ свѣтѣ,—говоритъ г. Юркевичъ¹⁾,—нѣтъ даже другой среды, болѣе благопріятной для облагороженія сердца дѣтей и для упражненія ихъ способности отказываться, терпѣть, ожидать, повиноваться и измѣнять свои желанія такъ, чтобы они запечатлѣлись достоинствомъ общей воли». Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что русскіе «испытатели» вѣры,—эти младенцы въ вѣрѣ,—во время греческаго богослуженія «во изумѣнны бывше, удивившеся, похвалиша службу» и отдавая отчетъ въ видѣнномъ, говорили: «не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида ли красоты такая, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ съ человѣками пребываетъ. Мы убо не можемъ забыть красоты тоя; всякъ бо человѣкъ аще вкуситъ сладка, послѣди горести не принимаетъ, тако и мы не имамы сдѣ быти». Нисколько не удивителенъ на томъ же самомъ основаніи и тотъ характерный фактъ въ жизни всего человѣчества, что сравнительно такъ рѣдки бываютъ случаи нарушенія порядка Богослуженія даже при обстоятельствахъ, повидимому, тому благопріятствующихъ. Конечно, ребенокъ — не взрослый человѣкъ и далеко не можетъ проникаться во храмъ существующимъ порядкомъ въ такой мѣрѣ и степени какъ взрослый. Но того совершенно нельзя отрицать, что и онъ держитъ себя въ храмѣ во время Богослуженія совершенно не такъ, какъ привыкъ себя держать во всякомъ другомъ мѣстѣ: общее впечатлѣніе, получаемое имъ при Богослуженіи, имѣетъ и надъ нимъ сдерживающую силу.

Помимо своей внѣшности и помимо присутствующихъ въ немъ, храмъ Божій содѣйствуетъ воспитанію религіозныхъ чувствованій дѣтей посредствомъ совершаемыхъ въ немъ священнодѣйствій. Не будемъ говорить о томъ, какое воспитательное значеніе для ребенка имѣютъ таинства, къ кото-

¹⁾ Курсъ общей педагогики, стр. 210.

рымъ онъ приступаетъ въ храмъ: это подробно уже разъяснено христіански-православными педагогами ¹⁾. Но укажемъ на одно средство религіознаго воспитанія, очень доступное для воспитателя и въ то же время большинствомъ педагоговъ почему-то такъ часто оставляемое въ забвеніи. Это средство—постепенное приученіе дѣтей къ участию въ самомъ Богослуженіи посредствомъ чтенія и пѣнія и въ церковныхъ обрядахъ. По вѣрному замѣчанію о. М. Соколова ²⁾, это средство «можетъ имѣть доброе вліяніе на образованіе привычки охотно посѣщать храмъ Божій». Но для полученія такого результата, по мнѣнію упомянутаго педагога, необходимо желать, «чтобы въ теченіе всего школьнаго періода законоучитель осмыслилъ посѣщеніе богослуженія. Въ этомъ отношеніи онъ можетъ предъ каждымъ праздникомъ сказать нѣсколько сердечныхъ словъ о самомъ праздникѣ и особенностяхъ богослуженія. Участіе въ церковныхъ обрядахъ можетъ принимать особенно занимательный для дѣтей видъ во время крестныхъ ходовъ на страстной и свѣтлой недѣляхъ. Только при этомъ законоучителю нужно заранѣе обдумать планъ крестнаго хода и каждому точно уяснить его обязанности; всѣхъ прочихъ расположить рядами. Подобная внѣшняя сторона, сдѣланная опытнымъ распорядителемъ, придавая благолѣпіе богослуженію, оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе въ сердцахъ дѣтей». Конечно, сила этого средства зависитъ не отъ простой занимательности для дѣтей,—при этомъ только условіи оно очень скоро утратило бы въ глазахъ дѣтей свое значеніе,—а отъ той совокупности впечатлѣній, которыя при этомъ воспринимаетъ ребенокъ, и отъ тѣхъ психическихъ состояній, которыя онъ переживаетъ подъ условіемъ этихъ впечатлѣній. Только этими впечатлѣніями и состояніями и можно объяснить образованіе въ дѣтяхъ привычки къ посѣщенію

¹⁾ Объ этомъ можно напр. читать въ «Христіанскомъ воспитаніи» о. Базарова, въ статьѣ о. М. Соколова, помѣщенной въ «Обзорѣ народно-учебной литературы», въ «Руководствѣ къ преподаванію Закона Божія» г. Ширскаго и въ др. руководствахъ.

²⁾ Обзоръ нар.-учебн. литературы, стр. 60—61.

храма Божія, съ которою почти не расстаются они и за все послѣдующее время своей жизни. Подъемъ и укрѣпленіе религіознаго настроенія человѣка подъ условіемъ исполненія дѣйствій, имѣющихъ религіозный характеръ,—это и есть самое важное въ данномъ случаѣ.

Одновременно съ ассоціаціями по смежности, подъ тѣми же самыми вліяніями, у ребенка образуются и ассоціаціи по сходству. Съ этой стороны, явленія внѣшней природы, домашней жизни и явленія изъ области храмоваго Богослуженія могутъ быть разсматриваемы и какъ средства воспитанія религіознаго чувства, основывающіяся на законѣ сходства. Только при этомъ возбудителями религіозныхъ чувствованій въ ребенкѣ оказываются нѣкоторые новые элементы, напоминающіе о совершенно родственныхъ психическихъ состояніяхъ. Такъ, при наблюденіи природы, бывають случаи, когда внѣшнія впечатлѣнія возбуждаютъ въ ребенкѣ чувство душевной тревоги, или чувство умиленія; а это—такія чувствованія, которыя вполне благоприятны для воспринятія религіознаго наставленія и въ то же время для ассоцірованія съ ними сходныхъ религіозныхъ чувствованій. «Воспитатель», замѣчаетъ Бенеке ¹⁾, «долженъ напоминать ребенку о Богѣ лучше всего тогда, когда дитя находится въ *особенно-радостномъ и благодарномъ* душевномъ настроеніи, при созерцаніи возвышенныхъ и возвышающихъ душу картинъ природы или, наоборотъ, прекраснаго и цѣлесообразнаго устройства безконечно малаго въ природѣ». Подобное же значеніе могутъ имѣть въ данномъ отношеніи и психическія состоянія, переживаемыя ребенкомъ подъ вліяніями домашней жизни. Попеченія и ласки родителей вызываютъ въ ребенкѣ любовь, а затѣмъ и благодарность; полная зависимость отъ заботливости родителей вызываетъ въ ребенкѣ преданность и покорность имъ; сознаніе умственнаго и нравственнаго превосходства родителей вызываетъ въ немъ уваженіе къ нимъ. А эти чувства, по вѣрному замѣчанію г. Ельницкаго ²⁾, будучи направлены цѣлесообразными сред-

¹⁾ Руководство, Ч. I, стр. 346.

²⁾ Общая педагогика, отр. 183.

ствами къ Богу, даютъ начало любви къ Нему, благоговѣнію предъ Нимъ и покорности Его волѣ. Въ силу припоминаемости чувствованій и въ силу того, что чувствованія, переиспытанныя душою, дѣлаютъ ее, такъ сказать, болѣе склонной къ этого же рода чувствованіямъ, возможно выработать въ душѣ наклонность къ тѣмъ или другимъ чувствованіямъ. Особенно частые случаи для образованія ассоціацій по закону сходства представляются воспитателю при обученіи религіи. Напр., дѣти съ первыхъ дней сознательной жизни видятъ горе, слышатъ скорбь и по своему сочувствуютъ родителямъ. Воспитатель можетъ ступить на эту почву состраданія и чрезъ то приобрѣтеть сочувствіе къ себѣ: со временемъ ребенокъ будетъ смотрѣть на него, какъ на общаго доброжелателя, и слово его приобрѣтеть вліяніе. Пользуясь этимъ состраданіемъ дѣтей, онъ можетъ обратиться къ сердцу дѣтей и нѣсколькими теплыми словами о милосердомъ Отцѣ небесномъ расположить ихъ поговорить съ Нимъ о своемъ здоровьѣ, здоровьѣ отца и матери, попросить у Господа помощи родителямъ въ трудахъ по дому, а себѣ въ ученіи. При этомъ весьма важно, что дитя научается смотрѣть на молитву, какъ на свое собственное дѣло, которое идетъ отъ его сердца. Со временемъ оно разумно будетъ молиться и обще-церковными молитвами¹⁾. При обученіи религіи представляется возможность избирать рассказы съ спеціальною цѣлію вызвать сочувствіе къ лицамъ, о которыхъ упоминается въ нихъ. Положимъ, напр., ребенокъ слушаетъ или читаетъ рассказъ о томъ, какъ Дѣва Марія искала потерявшагося было своего Сына. Сердце читателя или слушателя естественно проникается сочувствіемъ къ состоянію Дѣвы Маріи, потерявшей своего Сына; а въ то же время мысль невольно переносится и ко всякой матери, къ той любви, которая живетъ въ сердцѣ матери къ своимъ дѣтямъ. Нравственное впечатлѣніе подобнаго рода рассказовъ понятно само собою. Такой выборъ предметовъ для дѣтскаго чтенія, не говоря уже о той пользѣ,

¹⁾ См. въ «Обзорѣ нар.-учебн. литературы», стр. 61.

какую онъ приносить самымъ сообщеніемъ необходимыхъ для всякаго христіанина свѣдѣній о жизни Спасителя, важенъ въ томъ отношеніи, что научаеъ дѣтей любить Іисуса Христа, какъ Существо, сочувствующее людскимъ скорбямъ и бѣдствіямъ, благоговѣть передъ Нимъ, какъ всемогущимъ Совершителемъ чудесъ на пользу и благо людямъ, а чрезъ то внушаеъ желаніе руководиться примѣромъ Его въ тѣхъ случаяхъ жизни, которые находятъ себѣ аналогію въ событіяхъ жизни Іисуса Христа. Чтобы сообщить силу и глубину этимъ высшимъ религіознымъ чувствованіямъ, для этого весьма полезно также приучать ребенка къ совершенію различныхъ сходныхъ нравственныхъ упражненій, напр. съ ранняго возраста приучать ребенка принимать на себя мелкія и крупныя пожертвованія въ пользу другихъ, не ожидая и не принимая за нихъ вознагражденія. «Кто изъ законоучителей», пишетъ о. М. Соколовъ ¹⁾, «можетъ воспользоваться событіями изъ жизни самихъ дѣтей или окружающихъ ихъ лицъ, сумѣеъ оживить эти событія до такой степени, что дѣти переживутъ ихъ во время урока, — тотъ сталъ на *лучшій* путь для объясненія молитвы. При этомъ учителю Закона Божія нужно быть крайне осмотрительнымъ въ выборѣ событій. Необходимо, чтобы событія были безукоризненны въ нравственномъ отношеніи, вполнѣ отвѣчали избранной задачѣ, чтобы учитель Закона Божія не разбрасывался во многихъ примѣрахъ и *болѣе* и *менѣе* важныхъ, но выбралъ наиболѣе выдающіеся и на нихъ создалъ впечатлѣніе».

Законами ассоціацій по смежности и сходству, какъ сказано прежде, далеко не исчерпывается вопросъ о развитіи чувствованій. Поэтому и средствъ, на нихъ основывающихся, далеко не достаточно для веденія дѣла религіознаго воспитанія. Съ помощію этихъ средствъ возможно, пожалуй, развитіе и воспитаніе религіозности въ томъ ея смыслѣ, какой усвоится ей иногда нашими либеральными педагогами, — т. е. въ смыслѣ настроенности человѣческаго чувства, сла-

¹⁾ «Обзоръ нар.-учебн. литер.», стр. 66.

гающейсѣ изъ совокупности альтруистическихъ чувствованій и чуждой всякой исповѣдной основы (конфессіональности) въ дѣлѣ религіи. Но насколько неудовлетворительна такая религіозность,—это было уже выяснено нами выше. Чувствованія въ своемъ развитіи подчинены особеннымъ специальнымъ законамъ, кромѣ общихъ законовъ психической жизни человѣка. Поэтому при воспитаніи истинной, а не призрачной религіозности необходимо пользоваться тѣми средствами, которыя основываются на этихъ законахъ. Съ точки зрѣнія этихъ законовъ, возможны два рода средствъ образовательнаго вліянія на внутреннее чувство и сообщенія ему высшаго направленія: одни изъ нихъ основываются на законѣ нѣкоторой зависимости чувствованій отъ представленій; другія дѣйствуютъ непосредственно и основываются на законѣ воплощенія чувствованій и перехода ихъ отъ однихъ къ другимъ. Слѣдовательно, заключаетъ на этомъ основаніи г. Гогоцкій ¹⁾, «а) для сохраненія и питанія нравственныхъ и религіозныхъ чувствованій требуется не только наставленіе и поученіе, но и примѣрная жизнь поучающихъ; б) для сохраненія и питанія религіозныхъ чувствованій въ себѣ и другихъ существенно необходимо воплощеніе ихъ во внѣшнихъ знакахъ ихъ выраженія». Средства религіознаго воспитанія, основывающіяся на второмъ законѣ, по своему характеру и значенію очень близки къ средствамъ, основывающимся на общихъ законахъ психическаго развитія человѣка. Кромѣ того, они скорѣе воспринимаются ребенкомъ вслѣдствіе того, что на первыхъ порахъ своей жизни ребенокъ болѣе всего возбуждается внѣшними впечатлѣніями и живетъ по преимуществу подражательною жизнью. Оттого въ началѣ религіознаго воспитанія отводится имъ, обыкновенно, преобладающее значеніе, а иногда они оказываются исключительно господствующими какъ въ практикѣ воспитанія, такъ и въ теоретическомъ ученіи нѣкоторыхъ педагоговъ. По этимъ основаніямъ, при разсмотрѣніи средствъ религіознаго воспитанія, и мы остановимся сначала на нихъ.

¹⁾ Кіевскія Университ. Извѣстія, 1882, № 1, стр. 15—16.

Главное средство воспитанія религіозныхъ чувствованій, основывающееся на указанномъ законѣ, это—непосредственное вліяніе примѣра окружающихъ ребенка лицъ, слѣдовательно, прежде всего членовъ семьи, въ которой ребенокъ живетъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ педагоговъ, напр. о. Д. Соколова ¹⁾, «въ религіозномъ воспитаніи *все* зависитъ отъ личности законоучителя, отъ его сердечности», т. е. отъ его примѣра. Благочестивое настроеніе родителей или другихъ членовъ семьи, проявляющееся въ глубокой молитвѣ или въ другихъ религіознаго характера дѣйствіяхъ, дѣйствительно, благотворно вліяетъ на религіозное воспитаніе ребенка. Наоборотъ, не-религіозное настроеніе ихъ отражается на дѣтяхъ противорелигіознымъ ихъ настроеніемъ даже при искусственныхъ внѣшнихъ мѣропріятіяхъ для религіознаго воспитанія ихъ. Подобное же совершенно вліяніе оказываетъ на дѣтей и учитель религіи, вмѣстѣ съ учебными цѣлями преслѣдующій и цѣли педагогическія. По замѣчанію Бенеке ²⁾, главное условіе здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы *воспитатель былъ самъ живо преисполненъ и соирѣтъ тѣмъ*, что онъ передаетъ ребенку, и долженъ тщательно выбирать время, въ которое онъ можетъ ожидать отъ ребенка наибольшей воспріимчивости». О важности же вліянія примѣра на воспитаніе ребенка педагоги говорятъ ³⁾, что воспитаніе совершается здѣсь естественно и незамѣтно, и это жизненное воспитаніе ничѣмъ незамѣнимо. Самая высокая добродѣтель та, которая не знаетъ, какъ ее зовутъ, и которая усваивается, какъ языкъ, посредствомъ живаго примѣра изъ обращенія съ людьми и вещами». Огромное воспитательное вліяніе на дѣтей со стороны ближайшихъ воспитателей обусловливается вообще склонностію дѣтей къ подражанію и ихъ неспособностію отдѣлать отвлеченное понятіе отъ конкретной личности. Подъ условіемъ пріобрѣтенной авторитетности и заслуженной любви, воспитывающая личность

¹⁾ Вессель, Руководство, т. 2, стр. 354.

²⁾ Руководство, ч. 1, стр. 346.

³⁾ Ср. у В. Тихомирова въ «Курсѣ педагогики, дидактики и методики». Спб. 1882, стр. 46.

всецѣло подчиняетъ ребенка своему руководству, и путь, указанный ею, для ребенка представляется наилучшимъ изъ возможныхъ путей. Основанія замѣняются для него представленіемъ духовнаго превосходства воспитывающей личности, а побужденіями къ слѣдованію за ней служить душевное стремленіе сдѣлать ей пріятное и опасеніе не нарушить послушаніемъ тѣхъ добрыхъ отношеній, въ какихъ она стоитъ къ ребенку. Оттого-то примѣръ этой личности побуждаетъ дѣтей къ совершенію того, чего она желаетъ, и вообще представляетъ для нихъ массу впечатлѣній, изъ которыхъ, въ связи съ другими впечатлѣніями, складывается у ребенка свой внутренній міръ, соотвѣтственно природнымъ свойствамъ его душевныхъ силъ. Дѣйствуя на дѣтей своимъ примѣромъ, хотя и не въ одинаковой для всѣхъ мѣрѣ и степени, воспитывающая личность тѣмъ самымъ ставится въ необходимость зорко слѣдить за собою, чтобы своимъ примѣромъ не впасть въ противорѣчіе съ основною задачею своей дѣятельности и чтобы постоянно какъ бы держать передъ учениками зеркало. Въ виду такого значенія примѣра для воспитанія дѣтей, педагоги и выставляютъ ¹⁾ общее правило религіознаго воспитанія: «живите сами такъ, какъ хотите, чтобы жили ваши дѣти». На самомъ же дѣлѣ жизнь идетъ въ большинствѣ случаевъ въ разрѣзъ съ религіею; при видѣ этой розни между словомъ и дѣломъ дѣти и пріучаются къ нечестному правилу жизни: «не все то дѣлается, что говорится». Оттого-то въ жизни сплошь да рядомъ и встрѣчаются личности, для религіозныхъ цѣлей словесно распинающіяся и даже дѣлающія значительныя пожертвованія, и въ то же время самымъ безсовѣстнымъ образомъ обращающіяся, наприм., съ чужою собственностію...

Кромѣ примѣра, подаваемого дѣтямъ цѣльною личностію воспитателя, на законѣ диффузіи основывается еще средство воспитанія религіозныхъ чувствованій: это—вліяніе религіозныхъ дѣйствій, совершающихся въ присутствіи дѣтей. Въ силу заразительности чувствованій, въ силу совершенно

¹⁾ Вессель, Руководство. Т. 2. стр. 342.

непроизвольнаго воспріятія воплощеній чувствованія другими людьми и отчасти воспроизведенія, эти дѣйствія, такъ или иначе, всегда отражаются на ребенкѣ и возбуждаютъ въ немъ различной силы и интенсивности соотвѣтствующія психическія состоянія.—Такъ—молитвенное настроеніе матери побуждаетъ къ молитвѣ и ребенка; молитвенное настроеніе присутствующихъ въ храмѣ также отражается и на ребенкѣ; ежедневная молитва предъ ученіемъ и послѣ ученія, благоговѣнно и искренно совершаемая воспитателемъ, невольно съ благоговѣніемъ и серьезностію совершается и школьникомъ. Къ числу этихъ религіозныхъ дѣйствій относится и ежедневная молитва предъ обѣдомъ, въ благочестивыхъ семьяхъ строго исполняемая всегда въ опредѣленной формѣ. Но, по суду педагоговъ, это послѣднее религіозное дѣйствіе не всегда можетъ оказывать истинно воспитательное вліяніе на ребенка. Дѣло въ томъ, что въ это время едва ли можно предполагать въ ребенкѣ готовность къ религіозному возбужденію. За исключеніемъ немногихъ, особенно благочестивыхъ семействъ», пишетъ Бенеке ¹⁾, «врядъ ли легко встрѣтитъ гдѣ въ это время надлежащее настроеніе духа. Дѣти думаютъ при этомъ обыкновенно объ обѣдѣ, взрослые о заботахъ и дѣлахъ, которымъ они непрерывно преданы; и, такимъ образомъ, молитва, обращаясь въ пустыя фразы, теряетъ свой священный и освящающій характеръ». Вслѣдъ за этимъ сужденіемъ тотъ же педагогъ говоритъ: «совершенно иное представляетъ утренняя и вечерняя молитва, ибо въ это время душа менѣе занята обыденными занятіями; но и эта молитва должна носить индивидуальный характеръ и быть проникнута искреннимъ чувствомъ; иначе и она обращается въ пустую формальность, въ собраніе словъ безъ мысли и чувства».—Почти одинаковое значеніе съ видимыми ребенкомъ религіозными дѣйствіями имѣютъ и рассказы о дѣйствіяхъ благочестивыхъ людей. «Подъ вліяніемъ живо переданныхъ историческихъ фактовъ», замѣчаетъ о. М. Соколовъ ²⁾, «возбуждается жизнь чувства,

¹⁾ Руководство, Ч. I, стр. 346.

²⁾ Обзоръ нар.-учебн. лит., стр. 67.

создается рѣшимость воли: изучаемое лицо становится до такой степени симпатичнымъ, имѣющимъ значеніе примѣра, что человѣкъ стремится подражать ему. Учитель группируетъ однородныя впечатлѣнія и этимъ содѣйствуетъ образованію настроенія».

Въ дѣлѣ развитія чувствованій важное значеніе имѣетъ не только воплощеніе ихъ въ другихъ людяхъ, но и воплощеніе ихъ въ томъ человѣкѣ, въ которомъ желательно развитіе тѣхъ или другихъ чувствованій: форма воплощенія является условіемъ усиленія и развитія чувствованій. На этомъ свойствѣ диффузіи основывается средство религіознаго воспитанія—исполненіе воспитанникомъ религіозныхъ дѣйствій. Въ этомъ отношеніи педагоги выражаютъ ¹⁾ даже желаніе, чтобы исполненіе дѣйствій, имѣющихъ религіозный характеръ, обратилось въ необходимую высшую обязанность, въ своего рода высшую привычку. Пускай,—говорятъ,—ребенокъ приучается, напр., начинать и оканчивать день молитвой; выработанная привычка не останется только одною безсознательною привычкою, но воздѣйствуетъ и на чувство. Г. Ширскій въ этомъ отношеніи идетъ еще дальше и прямо заявляетъ ²⁾: «центромъ тяжести въ воспитательномъ дѣлѣ я признаю приученіе, какъ потому, что оно, по своей элементарности, ближе подходитъ къ возрасту дѣтей, обучающихся въ нашихъ училищахъ, такъ и по большей примѣнимости его на практикѣ». Дѣйствительно, на первыхъ порахъ своей жизни ребенокъ много перенимаетъ и усваиваетъ механически, и это механически перенятое часто остается его достояніемъ на очень продолжительное время, даже на всю жизнь, наприм. умѣнье ходить. Слѣдовательно, приученіе учениковъ къ выполненію религіозныхъ дѣйствій и укорененіе въ нихъ даже механическихъ навыковъ въ отношеніи этихъ дѣйствій имѣютъ за себя основанія и могутъ быть допускаемы. Но при этомъ нужна крайняя осторожность, чтобы не сдѣлать человѣка механически-религіознымъ на

¹⁾ Ельницкій, Общая педагогика, стр. 183.

²⁾ Къ вопросу о преподаваніи Закона Божія. Кострома, 1878, стр. 86.

всю послѣдующую жизнь. Механизмъ, безъ мѣры практикуемый и не разъясняемый, не осмысливаемый, не утрачиваетъ своего характера почти никогда. Здѣсь-то, какъ намъ думается, и кроется корень того обрядоваго благочестія, которое составляетъ одну изъ характеристическихъ особенностей религіозной жизни русскаго простаго и полуобразованнаго народа. Правда, привычка—вторая природа. Но она—орудіе обоюдоострое и можетъ быть и ангеломъ благодатнымъ, и злѣйшимъ демономъ для человѣка. Ассоціаціи, укоренившіяся механически, не ассимилируются въ душѣ съ сознательными психическими элементами. И понятно: душа—не желудокъ, который перевариваетъ пищу чисто механически, если только процессомъ жеванія и проглатыванія пища подготовлена для этой переварки. При механическомъ сплоченіи ассоціацій, онѣ скрѣпляются безъ яснаго пониманія и представленія ихъ предмета, безъ всякаго интереса къ нимъ со стороны ребенка. Но механизмъ, при маломальски сознательномъ отношеніи къ нему, подъ напоромъ болѣе сильныхъ мотивовъ и побужденій, легко сдается въ своей крѣпости, шатается, уступаетъ мѣсто другимъ интересамъ и дѣйствіямъ. Хотя бы эти послѣдніе интересы и дѣйствія были и противонравственны, но за то они сознаются и сильно чувствуются преданнымъ имъ субъектомъ. Преслѣдуя свои интересы, совершая свои дѣйствія, субъектъ видитъ цѣль, которую самъ себѣ установилъ. Эта цѣль концентрируетъ около себя всѣ его помыслы, движенія и чувства и такимъ образомъ хотя бы она была и безнравственна, но въ жизни его получаетъ преобладающее значеніе. Возникновеніе послѣдствій, совершенно противоположныхъ цѣлямъ механическаго приученія, даетъ ясно видѣть, что, при механическомъ отношеніи къ дѣлу, собственно мотивы къ дѣятельности, согласной съ предметомъ приученія, не возбуждаются и не развиваются, а напротивъ подавляются и замѣняются мотивами совершенно другого рода. А потому въ дѣлѣ религіознаго воспитанія слѣдуетъ считать дѣломъ далеко не безопаснымъ механическое, машинальное отношеніе воспитанниковъ къ дѣлу религіи. Достиженіе цѣли религіознаго

воспитанія должно, по возможности, чуждаться внѣдренія въ воспитанникахъ механизациі какъ въ области дѣятельности, такъ и въ области теоретическаго изученія религіи. Не возбуждая ни дѣятельности ума, ни дѣятельности чувствованій, эта механизациа тѣмъ самымъ держитъ воспитанника въ состояніи какой-то вѣчной пассивности и тѣмъ самымъ ослабляющимъ образомъ воздѣйствуетъ на развитіе и воспитаніе религіозныхъ чувствованій, какъ живыхъ и дѣйственныхъ стимуловъ активной религіозной дѣятельности членовъ Церкви Христовой. Съ этой точки зрѣнія, она стоитъ въ противорѣчій основному условію религіознаго воспитанія и обученія.

VIII.

Обученіе религіи, какъ средство воспитанія.

Средства религіознаго воспитанія и обученія, основывающіяся на законахъ ассоціацій по смежности и сходству и на законѣ диффузіи, содѣйствуютъ развитію и воспитанію въ ребенкѣ преимущественно религіознаго настроенія, которое слагается изъ множества религіозныхъ волненій или чувствованій. Но такъ какъ чувствованія, не озаренныя свѣтомъ дѣятельности разума, страдаютъ большою неясностію и неопредѣленностію, то въ дѣлѣ религіознаго образованія человѣка, очевидно, ограничиваться только ими недостаточно. При такомъ ограниченіи вполне возможно впасть въ педагогическую крайность и не дается никакого ручательства за безошибочность направленія и всего хода религіознаго образованія. «Если бы чувство», говоритъ о. М. Соколовъ ²⁾, «представляло полное ручательство, что всѣ его движенія непогрѣшимы, законоучитель могъ бы ограничиться развитіемъ своего сердца—и успѣхъ вліянія обезпеченъ. Напротивъ, исторія Божественнаго Откровенія на землѣ показы-

¹⁾ Обзоръ народно-учебной литературы, стр. 58.

ваетъ, что чувство легко вводитъ насъ въ заблужденіе,— вмѣсто содѣйствія вѣрѣ развиваетъ суевѣрія. Для христіанина непосредственное, внутреннее общеніе съ Богомъ— несомнѣнный фактъ; но онъ долженъ остерегаться, какъ бы не признать своихъ личныхъ чувствъ за откровеніе Бога. Различные сектанты, исповѣдывавшіе внутреннее откровеніе, какъ постоянный фактъ, впадали въ самыя грубыя суевѣрія. Если даже признать, что богатство даровъ Св. Духа апостольскаго вѣка повторится когда-нибудь, то и въ этомъ случаѣ нужно помнить наставленіе Ап. Павла своему ученику: «образъ имѣй здравыхъ словесъ». Антропологическая наука учитъ, что опредѣленное направленіе чувствованія получаютъ отъ дѣятельности человѣческаго ума, т. е. отъ идей о предметахъ чувствованій, и что развитіе ихъ въ извѣстной, опредѣленной формѣ совершается по закону зависимости чувствованій отъ представленій. Съ этой точки зрѣнія, обученіе религіи, т. е. сообщеніе ученикамъ извѣстныхъ, опредѣленныхъ представленій о предметѣ религіи, является весьма важнымъ средствомъ для развитія и воспитанія религіозныхъ чувствованій христіанскаго дитяти.

На обученіе религіи, или, какъ принято говорить, Закону Божію, нельзя смотрѣть только какъ на передачу извѣстныхъ религіозныхъ познаній ребенку. Напротивъ, это обученіе преимущественнымъ и главнымъ образомъ должно состоять въ воздѣйствіи на чувство ребенка, или, выражаясь техническимъ терминомъ педагогики, отличаться воспитывающимъ характеромъ: искреннее живое слово, живое впечатлѣніе, нравственное вліяніе должны быть здѣсь на первомъ мѣстѣ. Правда, и отъ обученія всякому другому предмету педагогика требуетъ, чтобы оно было воспитывающимъ, такъ что съ этой стороны обученіе религіи представляется сходнымъ съ обученіемъ и другимъ предметамъ. Но это сходство не можетъ простирается до уравниванія обученія религіи обученію другимъ предметамъ уже потому, что религія, какъ исторія откровенія и спасенія человѣка, объемлетъ все существо человѣка и, какъ такая, требуетъ по меньшей мѣрѣ гармоническаго развитія ума и чувства. А если взять

во вниманіе еще цѣль обученія религіи—воспитаніе активных членовъ Христовой Церкви, то необходимо будетъ признать, что при обученіи религіи центръ тяжести должно составлять воспитаніе чувствованій, между тѣмъ какъ при обученіи другимъ предметамъ центромъ тяжести обыкновенно служитъ умственное развитіе человѣка. Этимъ, конечно, не исключается и не можетъ исключаться обученіе, какъ сообщеніе религіозныхъ знаній: помимо своей эмоціональной стороны, религія всегда заключаетъ въ себѣ и интеллектуальные элементы которые, подобно такимъ же элементамъ другихъ учебныхъ предметовъ, могутъ быть преподаваемы согласно однимъ и тѣмъ же основнымъ законамъ обученія. Мы хотимъ сказать только, что при обученіи религіи преобладающее значеніе имѣетъ воздѣйствіе на чувство человѣка и что съ этою цѣлю необходимо сообразовать не только содержаніе уроковъ по Закону Божію, но и самую форму веденія ихъ. Усвоеніе же религіозныхъ истинъ воспитанниками должно углублять и освѣщать то непосредственное вліяніе на религіозное чувство, которое оказываютъ на него внѣшняя природа, окружающіе люди и исполняемыя религіозныя дѣйствія. Безъ сомнѣнія, главная цѣль обученія религіи въ самой обстановкѣ преподаванія встрѣчаетъ для себя препятствія. «Эмоція, говоритъ Бэнъ ¹⁾, не можетъ успѣшно культивироваться обыкновеннымъ школьнымъ преподаваніемъ. Система, наиболѣе приспособленная для развитія интеллекта, не можетъ считаться наилучшей для культуры эмоцій. Регулярность урока, методъ, послѣдовательность, нѣкоторая строгость дисциплины, все это благоприятствуетъ непрерывному и успѣшному усвоенію знаній, но возбужденіе и развитіе глубокаго, теплаго чувства зависятъ отъ удобныхъ моментовъ и такихъ случаевъ, которые едвали могутъ имѣть мѣсто въ школѣ. Официальные руководители національныхъ школъ, желая принять мѣры противъ прозелитизма и сектаторскихъ стремленій со стороны учителей, лишаютъ ихъ той свободы дѣйствія, которая необ-

¹⁾ Наука о воспитаніи. Стр. 378.

ходима для развитія емоціональнаго элемента въ дѣтяхъ». Но эти неблагоприятныя для развитія религіозныхъ чувствованій обстоятельства, зависящія собственно отъ технической стороны въ дѣлѣ обученія, могутъ быть значительно ослаблены въ своей дѣйственности болѣе или менѣе раціональною постановкою обученія Закону Божію. Существенно важный вопросъ поэтому заключается въ томъ, какую постановку слѣдуетъ дать Закону Божію въ ряду учебныхъ предметовъ?

Если обратимся за отвѣтомъ къ практикѣ обученія Закону Божію, то въ ней найдемъ очень грустный отвѣтъ. «Въ нашей современной школѣ», было говорено еще въ 1873 году ¹⁾, «законоучитель—только официальное лицо, положеніе котораго только политически почетное. Молодое поколѣніе стало видѣть въ своемъ законоучителѣ только отсталаго обскуранта, представителя отжившей идеи, къ которой учащая молодежь стала относиться критически. Такое отношеніе къ истинамъ вѣры школьниковъ—фактъ, къ несчастію слишкомъ дѣйствительный». Въ теоретической постановкѣ обученія Закону Божію существуетъ также много неправильностей и встрѣчается много совѣтовъ, нерѣдко ведущихъ къ цѣлямъ какъ разъ противоположнымъ. Не считая необходимымъ подробно обозрѣвать всѣ методическія руководства по обученію религіи, ограничиваемся указаніемъ только наиболѣе выдающихся несообразностей въ постановкѣ религіознаго обученія и въ совѣтахъ къ улучшенію его. Во внѣшнемъ ходѣ обученія Закону Божію даже бар. Корфъ ²⁾ указывалъ и во многомъ справедливо слѣдующіе недостатки. «У насъ до сихъ поръ, въ большинствѣ случаевъ, никакъ не хотятъ понять, считая чуть не еретикомъ того, кто осмѣлится доказывать, что разсказъ о Рождествѣ Христовѣ гораздо доступнѣе дѣтямъ многихъ ветхозавѣтныхъ событій; что осмыслить чествованіе праздниковъ составляетъ болѣе насущную по-

¹⁾ Правосл. Собесѣд. 1873 г. Т. I, стр. 543.

²⁾ Русская начальная школа, стр. 316—317.

требность, чѣмъ знакомство съ жизнію патріарховъ; что историческіе рассказы ветхо-и новозавѣтной исторіи ребенокъ легче понимаетъ, чѣмъ собственно ветхо-и новозавѣтное ученіе, нерѣдко имѣющее философскій характеръ. До сихъ поръ, въ огромномъ большинствѣ школъ, законоучители дѣйствуютъ безъ заранѣе обдуманнаго плана, считая началомъ своего курса «сотвореніе міра» и никогда не добираясь до конца курса, который научилъ бы ученика взирать сознательно на плащаницу въ церкви. Останавливаясь преимущественно на событіяхъ ветхозавѣтной исторіи, мало интересующихъ дѣтей и нерѣдко имъ непонятныхъ, законоучители заставляютъ дѣтей *заучивать* эти рассказы, не понимая того, что только такое преподаваніе Закона Божія достигаетъ цѣли, которое, дѣйствуя на нравственность, научаетъ жить, а не описывать словами книги различныя событія, въ которыхъ ребенокъ не видитъ ничего общаго съ самимъ собою. Весьма многіе законоучители, избирая для преподаванія предметы, превосходящіе дѣтское развитіе, считаютъ невозможнымъ преподавать иначе, какъ давъ книги ученикамъ въ руки и не догадываясь о томъ, что возможно преподавать иначе». Для устраненія этихъ недостатковъ бар. Корфъ съ своей стороны *рекомендуетъ* въ обученіи Закону Божію слѣдовать основнымъ законамъ обученія, «обращаться не только къ памяти, но къ *пониманію* *учащихся*, проникая въ разумъ дѣтей посредствомъ доступности содержанія и, по возможности, *наглядности* преподаванія» ¹⁾, не прибѣгать къ помощи книги, — «ученики не должны знать книги» ²⁾, — и «*каждый* урокъ начинать съ повторенія всего или извѣстной части пройденнаго, затрачивая на повтореніе не болѣе четверти часа» ³⁾.

Насколько цѣлесообразны рекомендуемые бар. Корфомъ совѣты по вопросу объ улучшеніи религіознаго обученія, это видно отчасти уже изъ тѣхъ послѣдствій, до которыхъ договорились педагоги, исходившіе изъ одинаковыхъ съ бар.

¹⁾ Ibid. стр. 315.

²⁾ Ibid. стр. 320.

³⁾ Ibid. стр. 321.

Корфомъ основаній. Такъ, по вопросу объ учебникахъ по Закону Божію, Амарія Бриггэмъ говоритъ ¹⁾: «въ дѣтскихъ книгахъ многое выше дѣтскаго пониманія. Такъ напр. вы найдете тамъ какіе-то спутанные отрывки изъ Библіи о созданіи человѣка, о его грѣхопадении, и разныя другія библейскія сказанія, которыя ребенокъ не въ силахъ понять, а ежели и пойметъ, то онѣ не принесутъ ему пользы. Гораздо лучше читать дѣтямъ только избранныя мѣста прямо изъ Библіи». При такомъ взглядѣ на ученіе религіи оказывается весьма затруднительнымъ дѣлать выборъ между «избранными мѣстами изъ Библіи», и г. Стоюнинъ ²⁾, поэтому, совершенно послѣдовательно съ этой точки зрѣнія свелъ обученіе религіи «на сердечныя бесѣды, въ которыхъ разъясняются тѣ или другія нравственныя понятія въ христіанскомъ духѣ, тѣ или другія явленія изъ обыденной жизни». Совѣтъ—«обращаться къ пониманію учащихся» указанными средствами—побудилъ нѣкоторыхъ педагоговъ рекомендовать выяснять наглядно, посредствомъ «наглядныхъ представленій, извлекаемыхъ изъ окружающей дѣтей природы, изъ семейной и церковной жизни учениковъ и изъ преподаваемыхъ дѣтямъ библейскихъ исторій» ³⁾, даже догматы о Св. Троицѣ, о воплощеніи Сына Божія, не смотря на выражаемое ими сознаніе того, что «высокія таинства вѣры не столько объясняются, сколько затемняются подобіями» ⁴⁾. Заботливость о пониманіи дѣтьми истинъ религіи часто побуждаетъ педагоговъ поступать неосторожно въ отношеніи того, что еще недоступно уму и чувству ребенка, и забывать, что глубокія истины религіи могутъ быть усвоены дѣтьми въ ихъ чистотѣ и поняты, насколько это доступно человѣческому пониманію, только подъ условіемъ усвоенія другихъ элементарныхъ религіозныхъ представленій и чувствъ. «Если требуется сообщить ребенку глубокіе догматы и пред-

¹⁾ О вліяніи умственныхъ упражненій на здоровье дѣтей. Спб. 1876 г. стр. 67.

²⁾ Вѣстникъ Европы 1882 г. № I, стр. 174.

³⁾ Ширскій, О преподаваніи З. Божія, стр. 154.

⁴⁾ Ibid., стр. 267.

ставленія религіи», замѣчаетъ по этому поводу Бенеке ¹⁾, то послѣдніе непременно получаютъ узкій, поверхностный, превратный характеръ и мѣсто искренняго религіознаго убѣжденія, нерѣдко на всю жизнь, заступятъ ложныя воззрѣнія, предразсудки, суевѣрныя представленія. Пусть дѣло идетъ, напримѣръ, о принятіи страданій Іисусомъ Христомъ для нравственнаго спасенія міра. Вообще говоря, въ двѣнадцати или четырнадцатилѣтнемъ мальчикѣ не только понятіе, но и самое чувство нравственной потребности развиты еще весьма несовершенно, и еще менѣе способенъ онъ представить себѣ или почувствовать даже въ слабыхъ очертаніяхъ великую нравственную задачу *всего* человѣчества. Если сообщать ему поэтому относящіяся сюда научныя богословскіе догматы и толкованія, то онъ пойметъ ихъ лишь внѣшнимъ образомъ, вопреки ихъ истинному характеру и великому и глубокому значенію, и съ этимъ не дѣтски-простодушнымъ, но дѣтски-ограниченнымъ и превратнымъ, пониманіемъ останется онъ на всю жизнь». Эта опасность односторонняго и превратнаго пониманія истинъ религіи и религіозныхъ представленій всецѣло присуща наглядному обученію религіи. Сравненіе, образъ всегда не точно выражаетъ ту мысль, для которой онъ употребляется,—это разъ. А затѣмъ дѣтской и отроческой природѣ свойственно всегда мыслить конкретными образами и олицетворять отвлеченныя понятія. Отсюда можетъ выйти, что отвлеченныя догматы христіанства, при выясненіи ихъ путемъ наглядныхъ представленій (за исключеніемъ, конечно, священно-историческихъ разсказовъ), подобій, сравненій, будутъ рисоваться дѣтскими весьма разнообразно и, пожалуй, даже причудливо и дико. Извѣстны факты, какъ дѣти представляютъ себѣ Бога, понятіе о Которомъ выяснялось имъ наглядно. «Чаще всего», читаемъ у Брея ²⁾, «имъ представляется колоссальная фигура человѣка, сидящаго на тронѣ, съ постоянно обращенными на нихъ глазами. Одинъ ребенокъ предста-

¹⁾ Руководство къ воспитанію ч. I, стр. 343.

²⁾ Семья и Школа за 1871 г., статья «Воспитаніе чувствованій по Брею».

влялъ себѣ Бога въ видѣ старика, постоянно выдѣлывающаго изъ земли мужчинъ, женщинъ и дѣтей и затѣмъ бросающаго ихъ на землю. Другой представлялъ себѣ Его въ видѣ большого глаза, голубаго и стекляннаго, постоянно слѣдящаго за нимъ; а третій ребенокъ представлялъ себѣ Его въ видѣ глаза, никогда не мигающаго». Страшно и подумать, въ какихъ образахъ будутъ представляться дѣтскому уму Св. Троица и воплощеніе Сына Божія, если объяснить ихъ наглядно. Конечно, съ возрастомъ учащихся странные образы мало-по-малу у нихъ исчезаютъ; но, кажется, далеко не навсегда. Впечатлѣнія дѣтства, какъ извѣстно, отличаются наибольшею силою и живучестію. Разъ образовавшіеся, недостойные образы религіозныхъ предметовъ запечатлѣваются въ умѣ надолго; въ видѣ пыли и паутины, они предносятся умственному зрѣнію человѣка и въ послѣдующей, даже зрѣлой жизни его, сбивая и спутывая его. Представленіе Бога существомъ мстительнымъ, карателемъ, какъ извѣстно, и по сію пору остается основнымъ представленіемъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ католиковъ. Слѣдовательно, въ видахъ ненамѣреннаго, произвольнаго введенія въ заблужденіе учащихся относительно предметовъ религіи, учителю Закона Божія далеко не излишне «наложить свинецъ и тяжести» на хорошее въ принципѣ стремленіе педагоговъ дѣлать доступными пониманію ребенка и представлять истины вѣры, особенно догматы, въ наглядныхъ образахъ. Этимъ достигнется та выгода, что религіозныя представленія ученика будутъ истиннѣе, вѣрнѣе, а слѣдовательно и религіозныя чувствованія его будутъ развиваться правильнѣе, цѣлесообразнѣе.

Наконецъ, послѣдній совѣтъ бар. Корфа по улучшенію обученія религіи—«каждый урокъ начинать съ повторенія»—въ педагогической практикѣ послѣдняго времени выразился даже въ созданіи системы, извѣстной подъ именемъ концентрической системы преподаванія Закона Божія. Но эта система, по нашему мнѣнію, стоитъ въ противорѣчій общепризнаннымъ основнымъ началамъ обученія и съ дидактической точки зрѣнія не можетъ быть серьезно рекомендуема

ни одному законоучителю, а затѣмъ она оказывается вредною въ педагогическомъ отношеніи—въ видахъ воспитанія религіозныхъ чувствованій. Въ преподаваніи предметовъ, ставящихъ своею задачею и цѣлю дѣйствовать преимущественно на сердце и волю дѣтей, каковъ напр. Законъ Божій, повтореніе является не достоинствомъ, а недостаткомъ метода. Частыя и многократныя повторенія состоятъ въ многократномъ пережевываніи однообразнаго матеріала. Но всякое представленіе, повторяющееся нѣсколько разъ, лишается своей, такъ сказать, впечатлительной силы и перестаетъ привлекать къ себѣ: всѣ частныя элементы его, при неоднократномъ повтореніи, выдѣлены уже и усмотрѣны человѣкомъ, новыхъ элементовъ оно никакихъ не заключаетъ и работы для души не даетъ,—и вотъ является искаженіе какой-либо новой дѣятельности. Повторяемый предметъ оказывается безъинтереснымъ, скучнымъ, а при увеличеніи числа повтореній, наконецъ, положительно отталкиваетъ отъ себя. Чрезъ это умственный интересъ къ изучаемому предмету подорванъ и ослабленъ, и развитіе ума получаетъ нежелательное для педагога направленіе. Одновременно съ этимъ весьма сильно страдаетъ и воспитаніе чувствованій. При многократномъ повтореніи одного и того же представленія, у воспитанника не возникаетъ сильныхъ чувствованій изъ разряда тѣхъ, которыя желательны, а вмѣсто нихъ возникаютъ совершенно другія, несродныя съ ними и ведущія къ результату совершенно нежелательному. Съ этою стороною стоитъ въ неразрывной связи другая. По ученію психологій, при повтореніяхъ весьма сильно ослабѣваетъ интенсивность чувствованій, возникающихъ по поводу одного и того же одиночнаго представленія. Въ сознаніи педагоговъ стала уже до очевидности ясною та мысль, что правила, которыя приходится слишкомъ часто выслушивать и на которыя приходится мало обращать вниманія, теряютъ отъ неоднократныхъ и учащаемыхъ повтореній и ту небольшую долю вліянія, которую они могли бы имѣть при другихъ, болѣе раціональныхъ и цѣлесообразныхъ, способахъ пользованія ими. Не даромъ же говорится, что человѣкъ

можетъ свыкнуться даже съ тѣмъ, что на первыхъ порахъ ему положительно не можетъ нравиться. Подобныя же явленія постоянно встрѣчаются и въ жизни нравственной, и въ жизни религіозной. «Что видимъ мы въ общественныхъ школахъ»? спрашивалъ Спенсеръ ¹⁾ по поводу религіозно-нравственной безурядицы въ англійскомъ обществѣ: «дѣлаются ли мальчики добросердечнѣе оттого, что каждое утро выслушиваютъ религіозныя наставленія?... что представляютъ намъ сыновья духовныхъ лицъ? сдѣлались ли они замѣтно лучше другихъ вслѣдствіе постоянныхъ напоминаній о добромъ поведеніи, или же намъ случается скорѣе слышать, что едва-ли не произошло совсѣмъ противоположное?»—и отвѣтилъ отрицательно. Подобные факты говорятъ, что повтореніе не только не содѣйствуетъ усиленію чувствованій въ человѣкѣ, а напротивъ, ослабляетъ ихъ силу и интенсивность: оно дѣлаетъ человѣка какъ бы нечувствительнымъ, не воспріимчивымъ къ тому, что стараются ему внушить и навязать. «Нравственная привычка», совершенно основательно и согласно съ Аристотелемъ говоритъ Спенсеръ ²⁾, «можетъ образоваться не отъ нравоученій, хотя бы ихъ приходилось слышать каждый день, и не отъ примѣровъ, хотя бы этимъ примѣрамъ и слѣдовали, а только отъ частыхъ дѣйствій, опредѣляемыхъ соотвѣтственнымъ чувствомъ. Эта истина, ясно представляемая наукою о душѣ и вполнѣ согласная съ обыденными воззрѣніями, совершенно чужда ходячимъ фанатическимъ понятіямъ о воспитаніи». Итакъ, повтореніе изученнаго по Закону Божію вовсе не достигаетъ тѣхъ воспитательныхъ цѣлей, какихъ хотятъ имъ достигнуть: оно можетъ имѣть главное значеніе только въ цѣляхъ учебныхъ. А такъ какъ всякое обученіе должно отличаться характеромъ воспитательнымъ («обученіе должно быть воспитывающимъ», говорятъ педагоги), то изъ этого слѣдуетъ, что пользоваться имъ нужно весьма и весьма осторожно и не выдумывать такой учебно-воспитательной

¹⁾ Изученіе соціологіи, т. 2, стр. 553.

²⁾ Ibid., стр. 554.

системы по Закону Божію, которая отводила бы много мѣста повторенію изученнаго. Содѣйствуя возникновенію нерелигіозныхъ чувствованій и ослабленію интенсивности религіозныхъ, концентрическая система преподаванія Закона Божія въ то-же самое время можетъ содѣйствовать и развитію враждебнаго, непріязненнаго отношенія къ этому учебному предмету, а чрезъ него и къ предмету религіи. Изъ школьной практики извѣстно, что нерасположеніе къ предмету школьнаго обученія учащимися весьма легко и часто переносится и на самый объектъ, о которомъ трактуется въ томъ или другомъ учебномъ предметѣ. Требованіе отъ учащихся основательныхъ знаній въ древнихъ языкахъ, напр., во многихъ ученикахъ, какъ извѣстно, вселило нерасположеніе, нелюбовь къ этимъ предметамъ обученія, а отсюда, какъ намъ думается, и происходитъ главнымъ образомъ гвалтъ противъ всякой полезности и пригодности классицизма. То же самое возможно и при обученіи Закону Божію, при нерациональномъ его преподаваніи.

Желательная постановка религіознаго обученія въ общихъ чертахъ можетъ состоять въ слѣдующемъ. Школьное законоучительство, преслѣдуя развитіе истинной религіозности въ ученикахъ по нашему мнѣнію, ближайшими цѣлями своей дѣятельности должно имѣть развитіе въ нихъ религіозныхъ чувствованій и религіозныхъ идей посредствомъ преподаванія Священной исторіи, христіанскаго вѣроученія и нравоученія и уясненія внѣшнихъ способовъ выраженія религіозной жизни человѣка въ молитвѣ частной и общественной. Намъ думается, что школьный законоучитель только подъ этимъ условіемъ и можетъ быть истиннымъ учителемъ Церкви Христовой; безъ этого условія онъ можетъ быть развѣ только учителемъ естественной, но не религіозной нравственности. Съ точки зрѣнія раскрытыхъ въ настоящихъ замѣткахъ данныхъ и основаній для лучшей постановки религіознаго воспитанія и обученія, теперь представляется наиболѣе основательнымъ и желательнымъ слѣдующій путь и ходъ религіознаго обученія въ его существенно важныхъ чертахъ и подробностяхъ.

Подобно религиозному воспитанію, и обученіе Закону Божію должно опираться на тѣ первоначальныя духовныя состоянія (въ данномъ случаѣ—религіозныя представленія), которыя входятъ въ составъ сложнаго психическаго явленія, извѣстнаго подъ именемъ религіозной жизни человѣка. Конечно, такихъ первоначальныхъ данныхъ въ дѣтской жизни мало, и онѣ носятъ на себѣ большею частію отпечатокъ неясности, неотчетливости. Но искусство учителя религіи и должно быть направлено къ открытію и уясненію этихъ немногихъ данныхъ, какъ исходнаго пункта для всей послѣдующей учительской дѣятельности. Опираясь на нихъ и исходя изъ нихъ, учитель религіи долженъ затѣмъ постепенно вести ребенка по ступенямъ религіознаго знанія, осторожно и не спѣша восходя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному на высоту религіознаго познанія. При такомъ восхожденіи, въ цѣляхъ воспитанія религіозной эмоціи и главнымъ образомъ основного элемента ея—чувствованія любви къ Богу, посредствомъ ознакомленія учащихся съ предметомъ религіознаго чувства любви къ Богу необходимо стремиться къ тому, чтобы учащіеся образовали себѣ ясное представленіе Божества. Наука признаетъ за аксіому, что общія понятія, опредѣленія суть отвлеченныя краткія выраженія для обозначенія цѣлой совокупности первичныхъ данныхъ и имѣютъ значеніе лишь объясняющее, классифицирующее, приводящее въ надлежащую ясность. Но всякому извѣстно, что тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, бесполезенъ и самый яркій свѣтъ и самый совершенный порядокъ. Оттого общія понятія, опредѣленія оказываются недоступными дѣтскому пониманію. Общія понятія, въ которыхъ по преимуществу выражаются истины религіи, въ силу своей общности и отвлеченности, не могутъ на первыхъ порахъ пробуждать въ человѣкѣ никакихъ чувствованій, и потому обученіе религіи, имѣющее въ виду возвести ребенка на доступную ему высоту религіознаго познанія, не можетъ и не должно *начинаться* сообщеніемъ ему общихъ истинъ религіи. Дитя живетъ непосредственно воспринимаемыми впечатлѣніями, понимаетъ сначала только конкретные факты и только путемъ

постепеннаго навыка приучается дѣлать обобщенія и вырабатывать понятія. Поэтому, и для сообщенія учащимся правильнаго религіознаго знанія въ началѣ обученія религіи необходимо обращать главное вниманіе на конкретные факты,—ими начинать дѣло обученія и отъ нихъ постепенно восходить къ общимъ религіознымъ идеямъ, понятіямъ. Следовательно, путь возведенія ученика на высоту религіознаго знанія не есть путь дедукціи, а совершенно обратный ей путь индукціи. Для точнаго обозначенія характера конкретных фактовъ, при помощи которыхъ должно идти и совершаться восхожденіе на высоту религіознаго знанія, прежде всего необходимо взять во вниманіе особенности дѣтской природы. Ребенокъ вообще отличается сильною подражательностію и въ своей семьѣ онъ постоянно подражаетъ примѣру своихъ родныхъ, изъ котораго отчасти безсознательно, а отчасти и сознательно извлекаетъ нормы и правила для своей дѣятельности. На этомъ основаніи, какъ мы видѣли, педагоги и рекомендуютъ при обученіи религіи избирать примѣры изъ религіозныхъ разсказовъ о событіяхъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются лица семьи, знакомыя дитяти. Далѣе, понятіе о религіи, какъ исторіи откровенія и спасенія человѣка, еще точнѣе опредѣляетъ характеръ необходимыхъ для цѣлей обученія конкретных фактовъ. Съ точки зрѣнія этого понятія, примѣрами для дѣтскаго подражанія, конкретными фактами должны быть при обученіи религіи исключительно примѣры изъ исторіи откровенія и спасенія человѣка, т. е. священо-историческія повѣствованія о семейныхъ отношеніяхъ людей, а не «поэтическія картины и эпизоды, производящіе впечатлѣніе на сердце», какъ проектируетъ бар. Корфъ ¹⁾, или рекомендуемая г. Стоюнинымъ «сердечныя бесѣды, разъясняющія тѣ или другія нравственныя понятія въ христіанскомъ духѣ, тѣ или другія явленія изъ обыденной жизни». Наконецъ, самое точное опредѣленіе своего характера эти конкретные факты получаютъ отъ цѣли обученія религіи—воспитать въ

¹⁾ Женское Образованіе. 1882 г. № 6, стр. 404.

учащихся чувство любви къ Богу. Въ своемъ развитіи чувство любви вообще имѣетъ ту особенность, что оно развивается и усиливается въ насъ преимущественно по отношенію къ тѣмъ, кто любитъ насъ. Это непосредственное наблюденіе опыта и указаніе основывающейся на немъ науки даетъ цѣнное руководство въ томъ, какъ развивать въ учащихся чувство любви къ Богу. Такъ какъ человѣкъ способенъ сильнѣе, интенсивнѣе всего любить тѣхъ, кто его любитъ; то при ознакомленіи учащихся съ предметомъ религіознаго чувства необходимо обращать главное вниманіе на тѣ, если можно такъ выразиться, стороны этого предмета, которыя могутъ располагать человѣка къ любви. Благость же и любовь Бога къ человѣку суть самые сильные мотивы для возбужденія и развитія въ насъ чувства любви къ Богу. Поэтому для цѣлей религіознаго воспитанія при избраніи священно-историческихъ примѣровъ съ семейнымъ характеромъ необходимо знакомить учащихся съ проявленіями благости и любви Бога къ человѣку. Отсюда слѣдуетъ, что, послѣ первоначальныхъ данныхъ изъ дѣтской религіозной жизни, за основу религіознаго воспитанія посредствомъ обученія Закону Божію, или точнѣе, за средство возведенія учащихся на высоту религіознаго знанія, должна быть принята священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, состоящая изъ священно-историческихъ повѣствованій о благости и любви Бога къ тому или другому человѣку, вращающемуся среди семейныхъ лицъ и отношеній. Въ этомъ педагогическомъ требованіи находятъ себѣ новое подтвержденіе вполнѣ резонные совѣты Бенеке учителямъ религіи— «тщательно остерегаться соединять представленіе Бога съ ощущеніемъ страха» ¹⁾ и «не касаться, въ раннемъ возрастѣ, противоположности различныхъ религіозныхъ вѣрованій» ²⁾. По замѣчанію педагога, «если даже большинство взрослыхъ не въ состояніи, какъ слѣдуетъ, оцѣнить этихъ различій, то тѣмъ болѣе дѣти въ этомъ отношеніи не могутъ избѣг-

¹⁾ Руководство. Ч. I, стр. 346.

²⁾ Ibid., стр. 344.

нута сложныхъ понятій. Сektаторскій духъ (какъ показываетъ вся исторія) всегда приводитъ за собою извѣстную долю презрѣнія и ненависти къ людямъ: между тѣмъ христіанство должно быть религіею *любви* и, слѣдовательно, по внутреннему характеру своему, должно быть вполне чуждо сектаторства. Уклоненіе отъ такого образа дѣйствія способно болѣе или менѣе ослабить и исказить религіозную христіанскую любовь къ людямъ и причинить дѣтямъ существенный, нерѣдко неисправимый вредъ въ отношеніи высшаго и священнѣйшаго для человѣка».

Послѣ выбора цѣлесообразныхъ разсказовъ изъ Священной исторіи для начала обученія религіи, учителю ея необходимо серьезно отнестись къ трудному въ методикѣ Закона Божія вопросу о приемахъ передачи библейскихъ событій ученикамъ перваго возраста. Какъ нужно дѣйствовать, чтобы уроки религіи дѣйствительно производили сильное впечатлѣніе на дѣтей и оставляли въ душѣ ихъ глубокіе слѣды? По этому вопросу согласіе между педагогами существуетъ только въ признаніи преимуществъ живой рѣчи надъ чтеніемъ по книгѣ, такъ какъ «живая рѣчь производитъ болѣе сильное впечатлѣніе на слушателей, чѣмъ чтеніе», хотя и при этомъ, для усиленія впечатлѣнія, считается далеко не безполезна послѣ одушевленнаго разсказа прибѣгать къ прочтенію разсказаннаго и по книгѣ. Къ разряду не всѣми педагогами одобряемыхъ приемовъ принадлежатъ: а) выборъ разсказовъ о крупнѣйшихъ историческихъ личностяхъ и событіяхъ, б) изображеніе этихъ лицъ и событій въ картинахъ, и в) приуроченіе библейскихъ разсказовъ къ священнодѣйствіямъ въ храмѣ. Относительно практическаго примѣненія этихъ приемовъ замѣчено ¹⁾, что «и въ выборѣ самыхъ библейскихъ фактовъ, и въ способѣ ихъ передачи, и въ выборѣ наглядныхъ пособій легко впасть въ крайность: изъ-за погони за общедоступностью лишитъ разсказъ того характера серьезности и священной важности, который присущъ библейскимъ событіямъ и долженъ быть охраняемъ

¹⁾ Учебно-воспитат. Библіотека. Т. I, отд. II, стр. 1—2.

въ интересахъ самага дѣла». При этомъ, относительно способъ передачи библейскихъ событій педагоги требуютъ, чтобы рассказы библейской исторіи сами по себѣ, безъ всякой искусственной прикрасы, въ родѣ поучительныхъ замѣчаній, моральныхъ разсужденій, возбуждали и питали въ дѣтяхъ религіозное и нравственное чувство, по примѣру Библии, которая нигдѣ не резонерствуетъ. «Нѣтъ ничего болѣе ложнаго, какъ думать, говоритъ Боголѣповъ ¹⁾, «что наши отвлеченныя разсужденія болѣе подѣйствуютъ на сердце дѣтей, нежели образы живыхъ личностей, или что эти образы недостаточно сильны безъ нашихъ нравоученій, чтобы быть поучительными для дѣтей». Объ употребленіи картинъ тотъ же авторъ говоритъ ²⁾, что «въ принципѣ противъ картинокъ ничего нельзя сказать. Однако и здѣсь возможно указать нѣкоторую мѣру, съ которою должно пользоваться этимъ средствомъ, и поставить нѣкоторыя требованія, при соблюденіи которыхъ только и можетъ быть оправдываемо пользованіе картинками при передачѣ дѣтямъ библейскихъ рассказовъ». Мѣру эту педагогъ видитъ въ отсутствіи намѣреній «изобразить неизобразимое», напр. состояніе перваго человѣка въ моментъ появленія его въ бытіе, и въ ограниченіи употребленія картинокъ только въ элементарныхъ курсахъ, при занятіяхъ съ дѣтьми перваго учебнаго возраста,—а требованія, предъявляемыя имъ къ картинкамъ, это—отчетливость, ясность и изящество изображенія и согласіе изображеній съ вѣрнымъ пониманіемъ религіозныхъ предметовъ, лицъ и событій. Нельзя не указать также почему-то забытыхъ и мало привившихся въ педагогической практикѣ приѣмовъ для усиленія впечатлѣнія отъ библейскихъ событій, въ свое время рекомендованныхъ покойнымъ Погодинымъ. По его мнѣнію ³⁾, усиленіе впечатлѣнія можетъ быть достигнуто: а) возможно нагляднымъ изображеніемъ той обстановки, среди которой происходили разсматриваемыя событія, и б) ознакомленіемъ уче-

¹⁾ Учебно-воспитат. Библіотека. Т. 2, отд. II, стр. 20.

²⁾ Ibid., стр. 21 и слѣд.

³⁾ См. въ Учебно-восп. Библ. Т. 1, отд. II, стр. 2—3.

никовъ съ тѣми чувствами, какія вызывали эти событія въ другихъ лицахъ.

Обученіе религіи не можетъ, впрочемъ, ограничиваться сообщеніемъ дѣтямъ священно-историческихъ повѣствованій о благодати и любви Бога къ человѣку, передаваемыхъ для усиленія впечатлѣнія съ помощію какихъ-либо существующихъ въ практикѣ искусственныхъ приемовъ. Религіозная эмоція, какъ мы знаемъ, не есть чувство простое само въ себѣ,—она напротивъ очень сложна и состоитъ изъ множества составныхъ элементовъ. Имѣя въ виду при обученіи Закону Божію преимущественно развитіе этой эмоціи, и необходимо заботиться о развитіи всѣхъ составныхъ элементовъ ея. Постепенное осложненіе и развитіе ея совершается вмѣстѣ съ развитіемъ и осложненіемъ психической жизни и зависитъ главнымъ образомъ отъ соединенія большаго или меньшаго количества представленій въ общемъ понятіи о Богѣ. Такъ, представленіе Бога Творцомъ и Промыслителемъ вноситъ въ религіозное чувство новый элементъ—чувство благодарности; представленіе Бога всевѣдущимъ и правосуднымъ осложняетъ религіозное чувство чувствомъ религіознаго страха, и пр. Слѣдовательно, для полнаго развитія религіозной эмоціи въ ученикѣ необходимо выяснить ему правильное понятіе о Богѣ и, по возможности, полно ознакомить его съ предметомъ христіанской религіи. Вслѣдствіе этого, къ священно-историческимъ повѣствованіямъ о благодати и любви Бога къ человѣку, въ цѣляхъ религіознаго воспитанія, необходимо присоединять при обученіи Закону Божію и другія библейскія повѣствованія, въ которыхъ, такъ сказать, наглядно обрисовываются и другія свойства Божіи. Подобный систематическій подборъ священно-историческихъ повѣствованій, направленный къ цѣли выясненія истиннаго понятія о Богѣ и Его отношеній къ людямъ, въ то же время знакомитъ учащихся съ истинами христіанскаго вѣроученія, которыя, при помощи этихъ повѣствованій, представляются ему нагляднѣе и проще. А такъ какъ правильное понятіе о Богѣ и Его отношеніи къ людямъ обусловливаетъ собою и правильность отношеній къ Нему

со стороны человека, то, вмѣстѣ съ истинами вѣроученія, посредствомъ священно-историческихъ повѣствованій, ученикъ будетъ усвоить себѣ и истины нравоученія, самою жизнію упоминаемыхъ въ повѣствованіяхъ лицъ осуществляемые на дѣлѣ. Такимъ образомъ, начальный и основной предметъ въ дѣлѣ обученія религіи—священная исторія позволяетъ учителю религіи наглядно и просто уяснить истины вѣроученія и нравоученія христіанскаго и чрезъ то подготовить учениковъ достаточнымъ образомъ къ систематическому изученію, если для такового будетъ время, той отрасли Закона Божія, которая извѣстна подъ именемъ катихизиса. Указанный порядокъ преподаванія св. исторіи даетъ основанія при изложеніи священно-историческихъ повѣствованій знакомить учащихся и съ молитвами и съ значеніемъ и смысломъ Богослуженія православной Церкви, не говоря уже о толковомъ усвоеніи отдѣльныхъ изреченій Св. Писанія. Такъ, рассказъ объ Авелѣ и Каинѣ или притча о мытарѣ и фарисеѣ даютъ учителю религіи возможность наглядно выяснить, какими качествами должна отличаться истинная и богоугодная молитва; рассказъ о хожденіи Іисуса Христа въ Іерусалимѣ вмѣстѣ съ родителями или въ сопровожденіи учениковъ на праздники даетъ ему основанія для выясненія необходимости посѣщать общественное Богослуженіе и понятія о храмѣ Божіемъ. Конечно, невозможно подыскать священно-историческихъ рассказовъ, изъ которыхъ каждый выяснялъ бы послѣдовательно смыслъ той или другой церковной службы въ полномъ ея составѣ и порядкѣ. Но такое выясненіе достигается при взаимной помощи многихъ рассказовъ, потому что наше церковное Богослуженіе въ существѣ дѣла есть драматическое воспроизведеніе, изображеніе въ дѣйствіяхъ священно-историческихъ событій.

Такимъ образомъ, при расположеніи учебнаго матеріала при обученіи религіи на первыхъ порахъ представляется наиболѣе пригодною система совмѣстнаго преподаванія всѣхъ частей Закона Божія, въ основаніи которой должны лежать священно-историческіе рассказы. По опредѣленію педаго-

гики¹⁾), «сущность этой системы обученія состоитъ въ разумномъ, естественномъ, гармоническомъ сочетаніи историческаго факта съ общеупотребительною молитвою, съ догматическою или нравственною истиною, съ тѣмъ или другимъ праздникомъ или богослужебнымъ обрядомъ. Поэтому, въ связи съ событіями изъ священной исторіи идетъ или изъясненіе общеупотребительныхъ молитвъ, или изложеніе догматовъ вѣры, или правилъ нравственности, или церковнаго богослуженія, такъ что всѣ религіозныя понятія, сообщаемыя дѣтямъ, утверждаются на исторической почвѣ, какъ на прочномъ и наиболѣе доступномъ дѣтскому уму основаніи». Въ защиту системы совмѣстнаго преподаванія всѣхъ частей Закона Божія педагоги указываютъ²⁾ ея несомнѣнныя педагогическія достоинства, — естественность и разумность, — и въ то же время признаютъ, что «она съ первыхъ же уроковъ даетъ дѣтямъ возможность понимать живую связь между догматомъ, молитвою, обрядомъ и священно-историческимъ фактомъ, и представляетъ особенныя выгоды для сельской начальной школы въ томъ отношеніи, что дѣти, и не прошедшія всего начальнаго курса обученія, что нерѣдко случается съ ними, пріобрѣтутъ существенно необходимое знаніе основныхъ истинъ христіанскаго вѣро-и нраво-ученія, сколько нибудь ознакомятся съ внѣшнею стороною Богослуженія, съ важнымъ значеніемъ такихъ предметовъ, какъ церковь, алтарь, царскія двери, иконостасъ и проч., а также получаютъ необходимыя свѣдѣнія о важнѣйшихъ праздникахъ православной церкви». То правда, конечно, что Священная исторія, какъ исторія Самооткровенія Бога и исторія спасенія человѣка, обязываетъ историка слѣдить за постепеннымъ раскрытіемъ Божественнаго Откровенія. Но это требованіе имѣетъ свою силу только при обученіи систематическому курсу исторіи въ школахъ, располагающихъ для того временемъ; при томъ же и на основаніи рассказовъ священно-историческихъ, избранныхъ со-

¹⁾ Тихомировъ. Курсъ педагогики, стр. 328.

²⁾ Ibid., стр. 329.

гласно съ цѣлями религіознаго образованія, а не съ порядкомъ ихъ совершенія, возможно не упускать изъ виду послѣдовательности и связи событій и чрезъ то достигать изображенія послѣдовательнаго хода дѣла спасенія Божія. Для начальныхъ же народныхъ школъ погоня за полною систематичностію въ преподаваніи Священной исторіи, катихизиса, ученія о Богослуженіи, по нашему мнѣнію, представляется не необходимою. Начальная школа ставитъ себѣ задачу очень скромную—подготовить учащихся къ продолженію своего образованія—по выходѣ изъ школы и напечатлѣть въ нихъ живыя основы къ воспріятію религіозныхъ знаній и къ осуществленію ихъ въ жизни. Подобную же задачу начальная школа можетъ выполнить и путемъ совмѣстнаго прохожденія всѣхъ частей Закона Божія, тѣмъ болѣе, что при такомъ изученіи религіи ученикъ наглядно видитъ и тѣ основанія, по которымъ требуется отъ него исполненіе того или другаго нравственно-религіознаго требованія,—чего невозможно достигнуть при отвлеченныхъ доказательствахъ, въ силу ихъ недоступности для дѣтскаго ума. Опираясь на эти основы и какъ бы толкаемый ихъ дѣйствительностію, живучестію, учащійся, по выходѣ изъ школы, и самъ не преминетъ прочитатъ и изучитъ Священную исторію въ ея полномъ послѣдовательномъ ходѣ и ознакомиться съ вѣро- и нраво-ученіемъ въ порядкѣ катихизическомъ. Могутъ сказать, что при совмѣстномъ преподаваніи всѣхъ частей Закона Божія въ преподаваніе вводится безсистемность, беспорядочность, а всякое беспорядочно сообщенное знаніе вноситъ въ обученіе сбивчивость, неотчетливостъ и не дѣлается прочнымъ достояніемъ учащихся. Но на это можно отвѣтить, что система обученія заключается не въ тѣхъ только научныхъ формахъ, какія представляютъ теперь собою учебники по священной исторіи и катихизису, и что законоучитель, преслѣдующій совмѣстнымъ преподаваніемъ всѣхъ частей Закона Божія задачу—возбужденіе и развитіе религіозныхъ чувствованій,—можетъ начертить и намѣтить, сообразный съ этою задачею, опредѣленный и систематическій планъ. При томъ же, что

будетъ препятствовать законоучителю въ концѣ курса обученія въ народной школѣ, при повтореніи, привести весь изученный учениками матеріалъ и въ порядокъ, напр., священно-историческіе рассказы повторить въ хронологическомъ порядкѣ, вѣроученіе и нравоученіе въ общепринятомъ катихизическомъ порядкѣ? Такимъ повтореніемъ значительно устраняются и тѣ вообще неудобства и недостатки, которые свойственны системѣ повтореній, практикуемой въ школахъ почти повсемѣстно.

